

Фонд имени Фридриха Эберта
Общественный фонд Александра Князева

Афганистан и безопасность Центральной Азии

Выпуск 1

Бишкек — 2004

УДК 327

А 94

Афганистан и безопасность Центральной Азии. Вып. 1/ Под ред. А.А. Князева.
— Бишкек: Илим, 2004. — 166 с.

ISBN 5-8355-1397-6

Сборник включает в себя статьи профессиональных востоковедов, прежде всего — историков-афганистов, а также политологов-международников, специализирующихся на исследовании проблем безопасности центральноазиатского региона, из Киргизстана, России и Таджикистана. Рассматриваются новейшие тенденции в развитии сферы региональной безопасности, условия экономического сотрудничества Афганистана и стран Центральной Азии, опыт Таджикистана по определению места полевых командиров в мирном процессе, некоторые аспекты исторического развития Афганистана в 1920-х гг., страницы деятельности блестящего представителя отечественной афганистики и геополитики А.Е. Снесарева, проблемы развития политического ислама, противодействия незаконному распространению наркотических веществ. Настоящий сборник включает в себя также публикации ряда документов и переводов, рецензий на выходящие издания.

Сборник предназначен для историков, политологов и всех интересующихся проблемами современной истории стран Центральной и Южной Азии и проблемами региональной безопасности.

Редакционная коллегия: А.А. Князев, канд. ист. наук (ответственный редактор)
А.А. Колесников, докт. ист. наук
Р. Крумм, региональный координатор Фонда имени Фридриха Эберта в странах Центральной Азии

На обложке: развалины усадьбы эмира Хабибулло Гази (Бачаи Сакао) в Джабаль ус-Серадже. Фото А.А. Князева, апрель 1999 г.

Издание не предназначено для продажи и распространяется бесплатно.

ISBN 5-8355-1397-6

© Общественный фонд Александра Князева

© Фонд имени Фридриха Эберта

Предисловие к первому выпуску

«Географическое положение Афганистана и характерные черты народа придают этой стране такое политическое значение в делах Центральной Азии, которое едва ли можно переоценить», — писал Фридрих Энгельс в 1857 г. в своей известной статье «Афганистан» для «New American Cyclopaedia».¹ Развитие Афганистана на рубеже XX-XXI вв. в значительной мере предопределено событиями XIX — начала XX вв., когда Афганистан формируется как государство, функционирующее в пределах той доли самостоятельности и ответственности, которые были предоставлены ему компромиссом интересов Российской и Британской империй. В условиях противостояния двух мировых систем во второй половине XX в. Афганистан продолжал оставаться объектом геополитического соперничества. Новый этап старой «Большой игры» начался с заменой одного из главных участников — здесь, как и на многих других геополитических театрах, место Великобритании заняли США.

Так формировалась традиция использования внутриафганских процессов в интересах внешних сил. Другая традиция — участия духовенства в политической жизни и доминирования в политической сфере религиозного компонента, заложенного в ходе англо-афганских войн, проходивших под лозунгами джихада, — постепенно приводит к формированию основ специфического исламского фундаментализма, носители которого впоследствии всегда чрезвычайно быстро превращаются в мощнейшую политическую силу. Противостояние между клерикальной и центрально-административной властными структурами во многом определяет весь дальнейший ход истории Афганистана.

В литературе можно встретить утверждения, согласно которым то состояние, в котором Афганистан оказался к 1990-м гг., есть прямое следствие Саурской революции 1978 г. и последующего советского присутствия. «...Джихад против русских оккупантов превратил религию в доминирующий фактор политической жизни страны, привносящий догматическую страсть в уже и без того резкие политические разногласия», — пишет, например, З. Бжезинский.² Военное вмешательство СССР в 1979-1989 гг., усугубив противоречия, существовавшие в стране, сыграло

¹ Энгельс Ф. Афганистан// Маркс К. Энгельс Ф. Собр.соч., т.14. Изд. 2-е. — М., 1959. — С. 77.

² Бжезинский З. Великая шахматная доска. — М.: Международные отношения, 1999. — С. 160.

свою негативную роль. Но свести все к последствиям одного лишь советского вмешательства представляется слишком простым решением. Формирование перманентно кризисного статуса Афганистана стало результатом всего предшествующего исторического развития. «Наше вооруженное сопротивление началось с периода нахождения у власти Дауда, а не с военного вторжения русских», — утверждал Гульбетдин Хекматиар.¹

В 1980-х гг. доминирующая роль исламского фактора в социально-политической жизни обусловила традиционную форму сопротивления НДПА и советским войскам — джихад. Но исламская оппозиция формировалась в условиях острой конкуренции группировок и лидеров, сориентированных на разных зарубежных покровителей, и главное место в этих противоречиях постепенно все более занимал этнический фактор. Результатом стала сложная конфигурация гражданского раскола, вобравшая в себя противоречия этнического, социокультурного и религиозного характера. При этом чрезвычайно важно отметить, что, как и в других регионах мира, первые проявления экстремизма и терроризма в Афганистане основывались не только на внутренних социально-политических и идеологических ресурсах, но и на внешних, представленных со стороны мировых центров силы. Пример Афганистана лишь подчеркивает: в явлении современного исламского радикализма чрезвычайно важен такой фактор, как тесная взаимосвязь радикальных организаций с государственными структурами (в первую очередь — со спецслужбами) мировых держав и заинтересованных стран.

Радикальная исламская идеология постепенно становится удобным инструментом для отстаивания геополитических интересов исламскими странами. «Мы все как один согласны с тем, что пришло время произвести переучет ценностей, но мало кто готов извлечь из этого соответствующие уроки. Никто из политиков не способен предложить нам целостную картину происходящего, целостную картину новой Азии; ни один не может поставить диагноз болезни или предложить лекарство, — писал Т. Э. Лоуренс в своих «Семи столпах мудрости». — Что до болезни, называйте ее как вам будет угодно: физическим, моральным или умственным расстройством или порождением материальных условий. Но это болезнь азиатской цивилизации, неминуемый результат ее слишком тесного контакта с Западом. Европу переварить нелегко». Остается лишь добавить, что сегодня, конечно, речь нужно вести уже не только о Европе и не столько о Европе.

¹ Спольников В. Н. Афганистан: исламская контрреволюция. — М., Наука, 1987. — С.28.

Современный терроризм, выступающий под лозунгами ислама, является своеобразным ответом на вызовы, заключенные в процессах глобализации и социальной модернизации. Конфликт в Афганистане и особенно его результаты представляют собой крайнюю радикальную форму такой реакции. Форсированное влияние западного мира на страны исламского мира продолжает игнорировать глубинные этнокультурные особенности, что не может не вызывать встречной негативной реакции широких слоев мусульман. Как писал Фукуяма, «большое количество стран третьего мира увязло в истории, и они будут оставаться ареной конфликта на протяжении многих лет».¹

Так постепенно формируется ситуация, когда стабильность всего региона оказывается в прямой и постоянной зависимости от развития событий в Афганистане.

Другими словами, Афганистан был, есть и в обозримой перспективе будет оставаться одним из главных источников угроз национальной безопасности стран Центральной и Южной Азии, да и всего Среднего Востока. Из признания этого факта следует актуальность постоянного профессионального исследовательского мониторинга событий и процессов на данном направлении в самом современном контексте и в исторической ретроспективе. Для решения этой задачи Фонд имени Фридриха Эберта и Общественный фонд Александра Князева начинают регулярный выпуск сборника статей и публикаций «Афганистан и безопасность Центральной Азии».

А. Князев

¹ Fukuyama. F. The End of History?// The National Interest. — New York, 1989. — № 16, Summer. — P.15.

Новые тенденции в развитии ситуации в центральноазиатском регионе к концу 2004 г.

В. Н. Пластиун

В июне 2004 г. руководство Комиссии по выборам в Афганистане объявило о том, что выборы президента страны состоятся 9 октября 2004 г., а парламентские переносятся на весну (апрель-май) 2005 г.¹ По сообщениям средств массовой информации, основная причина переноса сроков избирательных кампаний — отсутствие стабильности в военно-политическом и экономическом положении в стране, ухудшение ситуации в сфере безопасности населения, перманентная острота межнационального конфликта. По-прежнему остро стоял и вопрос о наркобизнесе, нарастала напряженность в отношениях центра и влиятельных местных полевых командиров, одновременно курирующих социально-экономическую жизнь регионов. Не были решены проблемы сотрудничества, взаимодействия и разделения функций боевых и миротворческих миссий НАТО, ISAF² и контингента вооруженных сил США в Афганистане. Военно-политическая и экономическая обстановка в стране усложнялась по мере приближения даты президентских выборов и в самом Афганистане, и в США. Европейский Союз выражал тревогу в связи с сообщениями о якобы тесных контактах Х. Карзая с лидерами провинциальных вооруженных группировок, которые не намерены признавать центральную власть в Кабуле.³

Принимая во внимание афганские вековые традиции, независимо от политической окраски той или иной партии, добивавшейся доступа к власти в Кабуле, основная роль в принятии окончательных решений всегда принадлежала **пуштунским племенам** юга и юго-востока страны. Позитивное (или негативное) разрешение проблем всегда зависело и от персоналий (политических авторитетов), межплеменных и межнациональных связей. В период после второй мировой войны просматривался некий баланс в разделе властных полномочий между центром и периферией. Вторжение в страну иностранных войск — сначала советских, а затем НАТО во главе с США — нарушило это относительное равновесие. Среди актуальных социальных характеристик афганского общества теперь необходимо отметить: а) ментальную настороженность к присутствию чужестранцев; б) недопустимое вмешательство во вну-

¹ Date set for landmark Afghan vote// BBC. — 2004. — July, 10 (URL: <http://www.rebuild-afghanistan.com>).

² International Security Assistance Forces.

³ EU concerns at Afghan leader's ties to warlords// Reuters. — Brussels, 2004. — July 7.

трение дела афганской (пуштунской) и мусульманской общины; в) нарушение иностранной державой государственной (хотя и не признанной афганской стороной де-юре) границы. К этому надо присовокупить и несомненное влияние наемников «Аль-Кайды». Провал операции «Буря в горах», спланированной весной 2004 г. Пентагоном с целью захвата Осамы бен Ладена и его сподвижников, окончательно подорвал доверие к «антитеррористическим» планам и намерениям США в регионе. 18 июня 2004 г. командующий контингентом ISAF генерал-лейтенант Р. Хиллер заявил, что пребывание международных сил в Афганистане нужно считать **временным** фактором, то есть — нахождение этих сил в стране измеряется «терпимостью афганцев к их присутствию с учетом **реальных** результатов» военной операции против талибов и «Аль-Кайды». Следовательно, поскольку руководство талибов, бен Ладен и его ближайшее окружение смогли избежать пленения, администрация США не выполнила тех обещаний, которые были даны афганскому народу в отношении «борьбы с терроризмом» и «установления демократии».¹

Американские эксперты подчеркивают две взаимоисключающие концепции, принятые на вооружение инициаторами вторжения в Афганистан. С одной стороны, было объявлено о начале «глобальной войны с терроризмом». С другой, интервенция представлялась как «легкая прогулка» («light footprint»). Все это было рассчитано на то, чтобы вызвать доверие у стран-доноров, озабоченных положением дел с «установлением демократического порядка» в этой стране. Военная коалиция во главе с США, сконцентрировав свои усилия на ликвидации режима талибов и групп «Аль-Кайды», рассчитывала найти опору в деле борьбы с террористами в лице полевых командиров с их «частными армиями». На деле же оказалось, что вооруженные силы коалиции более всего озабочены «собственной безопасностью», укрепившись в пределах столицы, если не считать символических «вылазок» в некоторые провинции. Цена, оплачиваемая афганцами за «легкую прогулку», оказывается слишком высокой. Результаты действий сил коалиции за период с октября 2001 г. по июль 2004 г. весьма плачевны:

1. власть основных полевых командиров значительно усилилась, они действуют более нагло, не считаются с центральной властью, грабят и унижают местное население;

2. производство наркотиков взлетело на небывалый уровень;

3. рядовой афганец, не говоря уже о сотрудниках НГО,² членов

¹ Minimal investments, minimum results: The failure of security policy in Afghanistan. — Afghanistan Research and Evaluation Unit. — 2004, 29 June.

² Негосударственная организация.

избирательных комиссий, чиновниках, – не чувствует себя в безопасности.

Только в июне 2004 г. были убиты: один провинциальный министр, один начальник полиции, один солдат НАА¹, один переводчик, 12 полицейских, 6 сотрудников МВД. За этот же месяц были убиты 18 сотрудников международных организаций. Для сравнения, за 12 месяцев 2003 г. погибли 14 человек. Накануне выборов в южных провинциях талибы открыли настоящую охоту за жителями, прибывшими для получения бюллетеней для голосования. В июне в провинции Нуристан были убиты три сотрудника ООН – специалиста по выборным технологиям, двое из них были англичанами.² На периферии обстановкой по-прежнему владеют только вооруженные отряды племенных авторитетов. Доходы с плантаций опиумного мака используются для оснащения вооруженных отрядов. Прибыли наркоторговцев составляют, как и раньше, более половины ВВП страны. Большая часть национального дохода уходит на финансирование той части местной милиции, которая сотрудничает с воинскими подразделениями США.

В целом, ситуация стала гораздо хуже по всем аспектам. 20 тысяч личного состава американских войск, дислоцированных в стране, брошены исключительно на поимку бен Ладена и талибов, а не на обеспечение безопасности мирных жителей. Кроме американского контингента в стране находился интернациональный корпус ISAF (6500 человек), расквартированный в Кабуле, и 250 германских военнослужащих, входящих в состав «провинциальных команд возрождения», в Кундузе.³

Важный вопрос – взаимоотношения США со своими союзниками в Афганистане. Директор Международной кризисной группы⁴ Марк Шнейдер назвал отношение американцев к своим коллегам в ISAF до июля 2003 г. «сдержанным». США противились расширению деятельности ISAF, опасаясь, что контингент миротворцев перехватит у них инициативу. В итоге был упущен момент в установлении стабильности и по-

¹ Национальная армия Афганистана

² Minimal investments, minimum results: The failure of security policy in Afghanistan. — Afghanistan Research and Evaluation Unit. — 2004, 29 June.

³ Создание Объединенных региональных команд (JRT) из военнослужащих, работников социальной сферы, инженеров, медиков и представителей госдепартамента, направляемых в регионы, должно было, по замыслу американского командования, помочь Хамиду Карзаю распространить власть своего правительства за пределами Кабула. Предполагалось разместить JRT по всей стране — в частности, в Бамиане, Мазар-и-Шарифе, Герате, Гардесе, Желалабаде и Кандагаре. Их создание началось весной 2003 г. Решение о размещении в регионах Афганистана нескольких JRT накануне вторжения США в Ирак должно было также продемонстрировать, что американцы не собираются покидать Афганистан.

⁴ International Crisis Group, ICG.

рядка, и администрация Буша многое потеряла в смысле политического влияния на европейских союзников.¹ Специалист по контрповстанческим операциям Джон С. Блэтон, возглавляющий «Службу советников по вопросам стратегии» (группу военных консультантов), считает, что и афганская армия, во-первых, малочисленна и малоопытна, во-вторых, она не имеет мандата ООН, и, в-третьих, США продолжают считать приоритетной задачей охоту на талибов и бен Ладена. Администрация в Вашингтоне упорно добивалась успеха в осуществлении этой акции, которая была необходима Дж. Бушу в ожидании президентских выборов.

Обращает на себя внимание такое серьезное упущение со стороны натовского контингента (и ISAF), как идущее от непонимания менталитета афганцев нежелание налаживать тесные контакты с **племенными авторитетами**, через которых только и можно предпринимать какие-либо действия. Вожди пуштунских племен признавались в покушениях на жизнь, например, сотрудников негосударственных организаций, оказывавших содействие местным властям в строительстве дорог, мостов, школ и т.д. Доводы приводятся оправданные (с точки зрения афганского менталитета): вы строите дорогу через нашу территорию и не спрашиваете у нас разрешения. Мы, мол, готовы оказать вам помощь, обеспечить охрану за соответствующую плату, а вы почему-то ведете переговоры только с кабульскими представителями, «с теми, у кого есть деньги и оружие. Карзай должен осознать, что он ничего не сделает без поддержки местных племен».²

В течение двух с половиной лет, прошедших со времени свержения режима талибов, продолжает идти война по принципу «племя на племя, деревня на деревню». При этом талибы и «Аль-Кайда» знают местную расстановку сил, дух, настроение местных жителей, традиции лучше, чем американцы, и не хуже, чем урбанизированные правительственные чиновники в Кабуле, пытающиеся править страной из столицы. Этот момент исключительно важен в условиях, когда центральное правительство имеет статус «переходного». Афганистаном веками правили именно племена, а власть эмиров была всегда ограничена Кабулом, куда лишь отправлялись обговоренные (с племенами, в первую очередь с титульными, т. е. с пуштунскими) пошлины и сборы.

JRT не решают существующие проблемы, поскольку в результате их деятельности материальную помощь получает какое-то одно племя, а

¹ Lobe, Jime. US in search of allies in Afghanistan// URL: <http://www.atimes.com>.

² Key to governing Afghans: the clans. By Scott Baldauf// The Christian Science Monitor. — New York, 2004. — June, 24.

другие оказываются обделены. Соперничество и зависть при этом неизбежны, и вооруженные нападения продолжаются уже с целью завладения (или раздела) добычей.

Итак, ключевыми проблемами, требующими решения, на сегодняшний день являются следующие.

1. Планирование и координация действий должны быть разработаны более детально и в более гибкой форме. Ориентация на осуществление конкретных мер должна варьироваться на международном, региональном, национальном и провинциальном уровнях.

2. Международное сообщество, как единое целое, может принести стабильный мир в Афганистан, если каждой стране-донору будет выделен «отдельный участок ответственности».

3. Самое серьезное внимание необходимо уделить строительству (реформированию, реструктурированию и усилению) государственных институтов. Правительство должно продемонстрировать свою силу в проведении ряда реформ, повышении ответственности за планирование действий в области безопасности.

Международные и американские эксперты, каждый по отдельности, понимали конкретные насущные проблемы, но, по всей вероятности, не были в силах противостоять нажиму американской администрации, стремившейся отрапортовать о достижениях в области «борьбы с терроризмом» и «установлении демократического порядка» непременно к дате проведения выборов в Афганистане и США.

Кроме того, необходимо разграничить подходы к развитию процессов на севере и на юге. Север — регион влияния нацменьшинств, постоянно враждующих между собой за передел собственности (земля, опиумные плантации, газ, уголь, промышленные предприятия). Но они объединяются, когда речь идет о противодействии пуштунам, то есть южным и юго-западным провинциям.

Пуштуны играют на двух полях — собственно афганском и пакистанском. Ссылаясь на опасность (реальную или воображаемую) присутствия в своем регионе талибов и бен Ладена, они «стригут» американцев, делая вид, что «трудятся в поте лица», охотясь за «террористом № 1». Чем дольше продлится «сезон охоты», тем больше дивидендов получают наиболее предприимчивые приграничные пуштуны. Осуществляя боевые операции на «афганско-пакистанском поле» (не забудем, что почти половина пуштунов проживает в Пакистане), американцы игнорируют опыт трех англо-афганских и одной советско-афганской

войны. Ни Пентагон, ни ЦРУ не вели и не ведут индивидуальную работу с авторитетами в племенах Юга и Юго-Востока (отдельно!) и с лидерами вооруженных формирований Севера (отдельно!). В мусульманском мире нельзя действовать «нахрапом», а американцы привыкли именно к таким методам. В 1930-х гг. известный британский разведчик Лоуренс Аравийский в своих «Двадцати семи заповедях» писал: «Весь секрет обращения с арабами заключается в непрерывном их изучении. Будьте всегда начеку; никогда не говорите ненужных вещей, следите все время за собой и вашими товарищами. Прислушивайтесь ко всему, что происходит, доискивайтесь действительных причин. Изучайте характеры арабов, их вкусы и слабости, и держите все это при себе... **Ваш успех будет пропорционален количеству затраченной вами умственной энергии**».

Некоторые американские политические деятели, как показывает международная практика, готовы тратить деньги, но не умственную энергию. Американская стратегия сделала упор на военном решении афганской проблемы, аргументируя свой выбор настоятельной необходимостью борьбы с международным терроризмом, намереваясь приписать себе лавры победителя с всемирным злом (предпочитая забывать, что этот «дракон» является порождением именно американской политики). Известный российский американист А. Уткин справедливо замечает: «Одно дело быть начеку, трезво обеспокоенным, а другое — сводить стратегию к битве с практически невидимым врагом». «Именно в этом, — подчеркивает автор, — и заключается сила терроризма — в подталкивании к иррациональным решениям, к эмоциональному всплеску вместо хладнокровного анализа. Чем дольше бьются США в Афганистане и в Ираке, тем вероятней, что боевая мощь Пентагона может многим показаться неэффективной».¹ Намереваясь взять бен Ладена «живьем», командование вооруженных сил США сначала отстранило от участия в «охоте» подразделения ISAF. Когда стало ясно, что основной враг ускользает, Пентагон постепенно пришел к мысли использования НАТО, одновременно рассчитывая разделить ответственность за свои неудачи с западными коллегами.

Все обозреватели и наблюдатели за ходом процесса президентских выборов в Афганистане сошлись во мнении о том, что первые «демократические» выборы можно признать состоявшимися. Отмечалась необычайная активность населения, хотя в первый же день разразился

¹ Уткин А. Слабые места колосса// Литературная газета. — М., 2004. — 9-15 июня. — С. 10.

скандал, когда обнаружилось, что «несмываемые» чернила, использовавшиеся для того, чтобы избежать повторного голосования, и паста, применявшаяся для этой же цели при снятии отпечатков пальцев на некоторых избирательных участках, оказались вполне смываемыми. Оппозиция в лице 14 (15 — ?) кандидатов в президенты призвала к бойкоту результатов выборов. Однако афганский «Центризбирком», посоветовавшись с американскими консультантами из состава представителей ООН, решил, что, несмотря на «определенные уступки», процесс может быть продолжен. Аргумент Карзая: «Из-за того, что 15 человек сказали «нет», мы не можем отрицать голосование миллионов». После разъяснительных бесед, проведенных с кандидатами послом США в Афганистане Залмаем Халилзадом, они сняли свои возражения и согласились (во имя единства народа) не чинить препятствий продолжению выборной кампании.¹ Практически все наблюдатели отмечали беспрецедентный нажим, оказанный «западными дипломатами» в Кабуле на оппозиционных кандидатов с тем, чтобы они не создавали препятствий для кандидатуры Карзая, обещая, что они выйдут из неприятной ситуации, «не потеряв лица», и смогут рассчитывать на «ролевые» должности в будущем правительстве.² Официальные представители администрации США уверенно заявляли, что Хамид Карзай набрал 51% голосов и второго тура не будет. 11 октября группа экспертов (13 человек), «тесно связанных с партией республиканцев США и финансируемая Агентством США по международному развитию» объявила, что Хамид Карзай одержит победу в президентских выборах подавляющим большинством голосов.³ Была создана и специальная комиссия по расследованию нарушений, допущенных в процессе выборной кампании.

Дж. Буш в своем предвыборном выступлении в Сент-Луисе заявил: «Сегодня подходящий день, чтобы вспомнить и поблагодарить мужчин и женщин наших вооруженных сил, которые освободили Афганистан». За прошедшие три года после вторжения ВС США в Афганистан они потеряли около 100 военнослужащих, за последний год в стычках с талибами и при ведении боевых действий были убиты более тысячи человек из числа мирных жителей, служащих международных организаций, афганских солдат и полицейских. Лейтмотивом высту-

¹ Fox, David. Afghan Poll Crisis Subsides as Karzai Rivals Back Off// World-Reuters. — 2004. — October, 10.

² Karzai Interview. Ahmed Rashid in Kabul// Daily Telegraph. — London, 2004. — October, 9; Rashid, Ahmed. Afghan// Wall Street Journal. — New York, 2004. 0 October, 11; Constable, Pamela. Afghan Election Concerns Subsides// Washington Post. — Washington, 2004. — October, 11.

³ Exit Poll. Projects Karzai as Winner// AP-Asia. — 2004. — October, 12.

плений руководства администрации США (Дж. Буша — в первую очередь) после окончания выборов стали заявления о том, что «выборы в Афганистане означают успех внешней политики США, и могут стать ее зеркальным отражением в охваченном войной Ираке». Высказываются мнения (Джеймс Уилкинсон, помощник по связям советника президента по вопросам национальной безопасности) о том, что «эти выборы произошли в стране (Афганистане), где «свобода является новым понятием, это также новое понятие для Ирака. Совершенно ясно — эти выборы показывают, что эта идея захватит весь Средний Восток, который никогда не выражал такого страстного желания принять участия в голосовании».¹

В ходе предвыборных дебатов между Дж. Бушем и Джоном Керри, последний объявил о «провале стратегии Буша» потому, что по его (Буша) вине проведение выборов в Афганистане неоднократно переносилось, что 75% опиума поступает из Афганистана и что по этой причине сейчас умирает больше американцев, чем в прошлом году. Д. Керри заявил: «Афганистан, а не Ирак должен быть в фокусе борьбы с терроризмом».² 20 сентября 2004 г., выступая в Нью-Йоркском университете, кандидат в президенты Д. Керри заявил: «Политика президента [Буша] в Ираке отвлекла наше внимание и средства от других, более серьезных, угроз Америке. Это, скажем, Северная Корея, которая практически обладает оружием массового уничтожения, включая ядерный арсенал... Это усиливающаяся ядерная опасность от Ирана... Это тонны и килотонны необезвреженного химического и ядерного оружия в России... Это растущая нестабильность в Афганистане». В Афганистане, по словам Керри, полевые командиры контролируют большую часть страны, талибы перестраивают свои ряды, возрастает производство опиума, а «Аль-Кайда» продолжает строить планы и устраивать заговоры не только там, но и еще в 60 странах. Вместо того, чтобы использовать вооруженные силы США, говорил Д. Керри, мы полагались на полевых командиров в стремлении захватить бен Ладена, когда он был окружен в горах, но скрылся. Затем мы перенаправили нашу цель и армию, и перешли от охоты за теми, кто устроил трагедию 11 сентября, к вторжению в Ирак. Теперь мы знаем, что Ирак не имел никакого отношения к событиям 11 сентября и не имел оперативных связей с «Аль-Кайдой»... У Джорджа Буша, продолжал Д. Керри, нет никакой стратегии в отно-

¹ Wright, Robin. Election Touted as Model for Iraq// Washington Post. — Washington, 2004. — October, 13.

² Wright, Robin. Election Touted as Model for Iraq// Washington Post. — Washington, 2004. — October, 13.

шении Ирака. Вторжение в Ирак, по его мнению, сделало США «слабее в смысле безопасности и в войне против терроризма. У меня есть план, как действовать более решительно и более эффективно по проблеме борьбы с террором, и обеспечить нашу безопасность». Никаких планов Керри не раскрыл и, возможно, это дань обычной предвыборной риторике. Основной упор в своей предвыборной пропаганде он делает на беспроигрышных выпадах против Буша в отношении войны в Ираке, которую тот начал, не завершив окончательно операцию по стабилизации ситуации в Афганистане.

Во внешнеполитической части своей предвыборной кампании Керри основной акцент делает на ошибочной стратегической линии Буша, которая заключается в поспешности перехода от одной военной операции (в Афганистане) к другой (в Ираке). Лозунг «борьба с терроризмом» был провозглашен Бушем через пять дней после воздушного нападения на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и здание Пентагона.¹ Об Афганистане Керри говорит очень сдержанно, видимо, понимая, что на этом «поле» Буш оказался в более выигрышной ситуации. В пользу игры Дж. Буша на «афганском поле» можно записать следующие позитивы:

— во главе временной администрации поставлен «свой человек» Карзай (которого «курирует» посол США, афганец по происхождению, З. Халилзад);

— талибы не оказывают серьезного сопротивления, почти сломавшись под ударами американского воинского контингента и оказавшись между двух огней благодаря активной военной поддержке со стороны вооруженных сил Пакистана;

— опубликованные данные свидетельствуют о поддержке большинством афганцев кандидатуры Карзая и его политики по обеспечению мира и безопасности в стране;

— неуступчивые полевые командиры типа Исмаил Хана, Достума, Мохаккика поддались натиску Карзая, который, умело проводя политику «кнута и пряника», смог уговорить их не оказывать сопротивления проведению «свободных демократических» выборов;

— сравнительно успешно проходит осуществление под эгидой ООН программы разоружения «частных армий» и демобилизации бое-

¹ Gellman Barton and Linzer Dafna. Afghanistan, Iraq: Two Wars Collide// Washington Post. — Washington, 2004. — October, 22.

виков. По словам Халилзада, у них изъято 57% тяжелого оружия, 20 тыс. (из 50) боевиков распущены и разоружены¹;

— Осам бен Ладен, хотя и не найден, но оказывается не в состоянии предпринять активных действий;

— президент Пакистана Мушарраф оказывает полное содействие в операциях против талибов и «Аль-Кайды» в СЗПП;

— иранцы при проведении выборной кампании сохраняли благожелательный нейтралитет.²

Основная задача: борьба с наркотрафиком и завершение программы разоружения и демобилизации отрядов местной милиции. Так выглядит картина, представленная республиканцами — сторонниками Буша.

Что касается демократов (Керри), то об их невятной позиции в отношении афганской проблемы частично упоминалось выше. В этом смысле представляет интерес мнение сторонника Керри, известного эксперта по Афганистану профессора Б. Рубина, который, кстати, являлся основной фигурой в процессе выработки новой конституции Афганистана.³

Поскольку приведенные выше аргументы, свидетельствующие о значительных успехах политики администрации Буша в Афганистане, сторонникам Керри опровергнуть было трудно, демократы сосредоточили свои усилия на жесткой критике мер по борьбе с наркопроизводством и наркоторговлей. По данным ЦРУ, количество земельных участков, засеваемых опиумным маком в Афганистане, увеличилось по сравнению с прошлым годом на 60%. А 96% нелегального товара, доставляемого в среднеазиатские государства из Афганистана, составляют героин или морфин, что означает значительное увеличение количества лабораторий по переработке опиума-сырца.⁴ Б. Рубин утверждает: «Наркотики в Афганистане — это экономика. Именно доходы от наркобизнеса обеспечивают импорт и поддерживают стабильность цен. Когда Д. Рамсфельд проезжает по Кабулу, он восторгается: «Это ве-

¹ Khalilzad Identifies Challenges Facing New Afghan Government. — Documents & Texts From the Washington File. — 2004. — October, 21. — URL: <http://usinfo.state.gov>

² Khalilzad Identifies Challenges Facing New Afghan Government. — Documents & Texts From the Washington File. — 2004. — October, 21. — URL: <http://usinfo.state.gov>

³ Barnett, Rubin. Afghan Elections «Remarkable and Positive» (Interview). — 2004. — October, 23. — URL: <http://www.CFR.org>

⁴ Отметим, что посол США в Афганистане З. Халилзад, выражающий точку зрения нынешней администрации Буша, на пресс-конференции в Вашингтоне 21 октября 2004 г., заявил, что число таких лабораторий невелико и их следует просто уничтожить, что и решит проблему.

ликолепно», имея в виду масштабы строительства в рамках программы реконструкции. Но ведь это сделано за счет наркобизнеса. Суммы, получаемые в Афганистане за счет наркоторговли, почти в два раза превышают размеры международной помощи.

Администрация Буша предлагает для борьбы с наркопроизводством использовать опыт, применяемый в Колумбии: уничтожение посевов с помощью распыления химических веществ с воздуха. Для Афганистана такой способ неприменим, поскольку, говорит Б. Рубин, во-первых, здесь посевы мака занимают слишком большие площади и, во-вторых, «мы сотрудничаем с некоторыми основными наркоторговцами, которые являются нашими союзниками в нашей войне». Надо просто искать альтернативные варианты обеспечения жизнедеятельности населения. А распыление химикатов, кроме всего прочего, угрожает здоровью людей. В нынешней администрации есть влиятельные лица, настаивающие на методе распыления химикатов. Но это «уничтожит все позитивное, что мы стараемся здесь делать». Но получается, что министерство обороны к уничтожению посевов относится с осторожностью, войскам отдан приказ ничего в этом отношении не предпринимать. Один из влиятельных командиров, наш союзник по антитеррористической борьбе, был арестован с грузовиком, полным героина. Его отвезли на базу ВВС в Баграм и через три дня отпустили, он возвращен на свою должность командира одного из четырех крупных армейских гарнизонов. Военные говорят: «Это не наша работа». Сейчас США говорят: «Это наша работа», но то, как мы собираемся ее выполнять — не правильно. Нельзя уничтожить половину экономики путем введения силовых законов. Сейчас не разрабатывается ничего такого, что могло бы позволить экономике развиваться на законном основании.¹

К достижениям афганского правительства Рубин относит смещение некоторых полевых командиров с должностей губернаторов и размещение в этих провинциях частей Национальной армии (на Севере), улучшение административного порядка и безопасности на западе страны. По его мнению, часть полевых командиров на прошедших выборах трансформировалась в политических лидеров, и они начали подготовку к предстоящим парламентским выборам, которые будут более тяжелым испытанием для Х. Карзая, его правительства и США.

Борьба за президентское кресло в Вашингтоне сосредоточилась вокруг проблемы войны в Ираке. У соперников, по всей видимости,

¹ Общий доход от продажи опиума в 2003 году составлял 2,3 млрд. долларов, а прибыль от легальной экономики всей страны оценивалась в 4,1-4,2 млрд. Ни в одной стране мира не наблюдается таких пропорций между легальной и нелегальной экономикой.

ситуация, сложившаяся в Афганистане, не вызывает особых опасений. Ни один из них не может выдвинуть возражений против очередных задач, сформулированных экспертами: 1) ликвидация остатков отрядов талибов, к которым нужно проявить «сбалансированный подход»: согласных сложить оружие — амнистировать и предоставить должности; строптивых — уничтожить; 2) демобилизация и разоружение оставшейся части отрядов «частных армий (в ООН разрабатывается план проведения кампании «деньги в обмен на сданное оружие»¹); 3) борьба с производством и сбытом наркотиков.

Таким образом, во внешнеполитическом плане «афганская проблема» для претендентов на пост президента США не оказалась актуальной. А по остальным вопросам внешней политики в выступлениях Буша и Керри трудно было заметить какие-либо отличия. Они сходятся в отношении предполагаемых угроз для безопасности США. Расхождения в приводимых претендентами аргументах касаются в основном того, какие действия нужно было бы предпринять раньше или позже, а также в использовании тех или иных методов борьбы с терроризмом. Стратегический же курс внешней политики США по проблеме Афганистана существенных изменений не предполагает.

В то же время довольно четко звучат мнения о том, что еще рано говорить о безоговорочной победе курса США в Афганистане, «гарантом» которого считается Хамид Карзай. Хусейн Хаггани² полагает, что в личности Карзая афганцы видят в большей степени «посредника», при помощи которого можно получить помощь от США и других доноров, а это не значит, что они разделяют его политическую платформу. «Процесс идет вперед, практически ничего не меняя», — сказал Хаггани. Надо еще подождать весны 2005 года и результатов парламентских выборов, в ходе которых станет ясно, сколько полевых командиров и наркоторговцев войдет в высшие органы власти страны. От этого будет зависеть, не превратится ли Афганистан в «центральноазиатскую версию Колумбии». А окончательный вывод можно будет сделать после того, как будет (и будет ли?) сокращаться присутствие Соединенных Штатов в стране (и регионе).³

По всей видимости, администрации Соединенных Штатов удалось «уломать» оппонентов Х. Карзая в первую очередь обещанием

¹ Afghanistan: Commanders to receive cash to surrender military units// IRIN. — 2004. — October, 20.

² Эксперт «Carnegie Endowment for International Peace».

³ Wright, Robin. Election Touted as Model for Iraq// Washington Post. — Washington, 2004. — October, 13.

предоставления постов в будущем правительстве и щедрыми посулами. Впрочем, сомнений в этом и не могло быть, поскольку слишком велика ставка с геополитической точки зрения: Афганистан — это «пуп» стратегически важного центральноазиатского региона.

В то же время представляется, что «борьба с международным терроризмом» — предлог для усиления влияния США и укрепления позиций НАТО в данном регионе. Об этом свидетельствует намерение американской администрации, высказанное министром обороны Д. Рамсфельдом в ходе его визита на Балканы (об этом ниже), оказать давление на своих союзников по НАТО в решении вопроса об объединении под своей эгидой НАТО и ISAF в Афганистане при решении **военных проблем**.¹

Общее впечатление от оценок, высказываемых зарубежными экспертами по поводу политики США и НАТО в Афганистане, можно определить как растерянность и разочарование, наступившие после наблюдения результатов «несрабатывания» вроде бы проверенных методов.

Изучая обстановку, складывающуюся в Центральной Азии в результате осуществления Соединенными Штатами принципа «переноса войны на территорию противника», исследователи отмечают: дислокация в этом регионе вооруженных сил *«увеличивает степень угрозы и американским интересам, и американскому военному персоналу»*.² Вряд ли можно считать достаточно весомым аргумент о том, что расширение системы и увеличение количества военных баз США за рубежом послужит надежным щитом против террористических нападений на территорию самих США.

Соединенные Штаты оказывают нажим на своих союзников по НАТО, намереваясь в 2005-2006 гг. полностью возложить на НАТО миссию в Афганистане. Об этом шли дискуссии на совещании представителей НАТО, которое состоялось в Румынии.

Как известно, в настоящее время войска США действуют отдельно от воинских подразделений ISAF. Первые заняты осуществлением боевых операций по «добыванию» остатков отрядов талибов и «Аль-Кайды», вторые, подчиняясь командованию НАТО, — не принимают участия в боевых действиях. ISAF выполняет функции поддержания

¹ Burns, Robert. U.S. Urges NATO to Take Afghan Mission. — AP, Poiana Brasov, Romania. — 2004. — October, 12.

² Уткин А. Слабые места колосса// Литературная газета. — М., 2004. — 9-15 июня. — С. 10. Выделено в тексте автором цитируемой статьи.

безопасности, возложенные на них ранее в связи с уже состоявшимися президентскими выборами, а также выделили часть личного состава своих войск для оказания содействия ПКВ, дислоцирующимся в Северном Афганистане.

Теперь речь идет о том, чтобы объединить американский контингент и ISAF под единым командованием НАТО. Цель — расширить плацдарм действий объединенных (под эгидой НАТО) «миротворческих сил» (ISAF) и американского контингента в направлении, предусматривающем ведение ими боевых действий в западных провинциях.¹ Таким образом, НАТО планирует заставить своих союзников перейти от исполнения миротворческих функций к участию в боевых действиях, то есть выдвинуть отряды ISAF, пока еще дислоцирующиеся в Кабуле, на передовые позиции в западных провинциях Афганистана, т. е. — к границе с Ираном.

Перед кампанией по президентским выборам ISAF увеличила численность своих «миротворцев» с 6.500 до 9.000. Сейчас разговор (разговор трудный, по словам представителя США в НАТО Николаса Бернса) идет о прямом участии ISAF в боевых действиях, чего ранее не предусматривалось. Кроме того, членам ISAF представители США навязывают теперь и другую функцию — ведение антитеррористических операций.²

13 октября на совещании министров обороны стран-членов НАТО по вышеуказанному вопросу выяснилось, что с критикой этого предложения «решительно» выступают Германия и Франция. Министр обороны Германии заявил, что германские войска «не будут участвовать в боевых операциях в Афганистане»³. В ответ, американские представители стали предлагать комбинированные варианты, при которых могут применяться боевые и миротворческие функции частей ISAF.

Тем не менее, хотя официально ни о каком решении не было объявлено, наблюдатели сообщили, что «большинство членов НАТО, возможно, согласятся с объединением 20.000 миротворцев и 9.000 боевых подразделений под флагом НАТО»⁴.

Можно констатировать, что в стратегическом плане США

¹ Burns, Robert. U.S. Urges NATO to Take Afghan Mission// Europe AP, 2004. — October, 12.

² White, Josh. NATO Considers Joint Mission in Afghanistan// Washington Post. — Washington, 2004. — October, 13.

³ White, Josh. NATO Considers Joint Mission in Afghanistan// Washington Post. — Washington, 2004. — October, 13.

⁴ White, Josh. NATO Considers Joint Mission in Afghanistan// Washington Post. — Washington, 2004. — October, 13.

— под предлогом угрозы международного терроризма — продолжают оказывать давление на своих союзников с целью наращивания военного присутствия НАТО в центральноазиатском регионе. США и НАТО настойчиво добиваются вовлечения в боевые действия на территории Афганистана как можно большего числа стран не только старых членов НАТО, но и «новоиспеченных» — из стран распущенного Варшавского договора. Если это произойдет, то никто не может исключить осуществления исламистскими радикальными группировками в качестве ответной меры терактов уже в странах Восточной Европы. В ходе своего визита в конце октября с. г. в страны центральноазиатского региона генеральный секретарь НАТО Я. Шеффер выразил признательность лидерам Киргизстана и Казахстана за поддержку операций, проводимых войсками коалиции НАТО в регионе, учитывая, естественно, что Казахстан является единственной страной региона, направившей свой воинский контингент в Ирак. Основная цель встреч Я. Шеффера с ответственными лицами «бывших советских центральноазиатских народностей»¹ — добиться соглашения об установлении транзитного сообщения «для обеспечения стратегической поддержки, когда ISAF осуществляет экспансию в западный Афганистан».²

В свете новых предложений США о включении ISAF в боевой потенциал НАТО с переносом тяжести действий на западные границы Афганистана вполне допустимо, что Вашингтон анализирует возможности использования Афганистана как плацдарма для противостояния ядерным амбициям Ирана. Во всех случаях стратегическая цель руководства США просматривается в виде втягивания как можно большего числа государств и правительств в «антитеррористический альянс», в котором лидирующую роль играла бы НАТО во главе с США.

В связи со складывающейся ситуацией, действия руководства РФ в части заключения договоров с некоторыми странами СНГ о размещении российских военных баз на их территориях вполне резонно можно рассматривать как адекватный ответ на явно наступательную тенденцию в стратегии США в центральноазиатском регионе.

¹ Термин редакции «Associated Press».

² NATO to increase cooperation with ex-Soviet Central Asian nations for stability in Afghanistan. — 2004. — October 19. — URL: <http://asia.news.yahoo.com/041019/ap/d85qirtg5.html>

Заветы генерала А.Е.Снесарева¹

А.А.Колесников

Поиск системных решений по выходу из исторической катастрофы на путь стабильного развития должен вестись в сфере геополитики. Но какова методология такого поиска? Ответ можно найти в наследии А.Е.Снесарева – в свое время ведущего геополитика России. Генерал Александр Евгеньевич Снесарев был незаурядным и многогранным специалистом – географом и экономистом, историком и лингвистом, социологом и психологом, религиоведом и востоковедом широкого профиля. Он был незаурядным военным стратегом, разведчиком, военачальником, педагогом. Он с большой точностью предсказывал самые невероятные для современников события: падение британского владычества в Индии, «культурную революцию» в Китае, поражение СССР в Афганистане – за десятки лет до самих событий. А.Е.Снесарев активно работал примерно в 12 областях науки и владел как минимум 12 языками (по некоторым предположениям – до 20). Он не был китаеведом, но именно ему открылись сокровенные истины древнекитайской геополитики и стратегии, актуальные по сей день. Именно А.Е.Снесарев нашел ключ к теории Сунь-цзы и разгадал его энигму «воевать не сражаясь»². Как геополитик А.Е.Снесарев практически неизвестен, хотя именно он внес в геополитику истинно научное начало и показал ее как «величайшее из искусств» (по определению А.Вандама³). И дело тут не только в личных дарованиях А.Е.Снесарева, проявившихся в обширном спектре от математики до музыки (он окончил одновременно математический факультет университета и оперное отделение Московской консерватории).

Дело в том, что в научном «пространстве» геополитики он верно отыскал решающее, системообразующее звено, ее методологическое средоточие. Мы привыкли считать геополитику лженаукой, оккультно манипулирующей пространствами. «Новое мышление» сменило тут минус на плюс, и только. Но разве инверсия политической географии – это геополитика? А.Е.Снесарев исходит скорее из философии А.Бергсона:

¹ В статье частично представлены некоторые положения нашей совместной с О.А.Зотовым работы «Евразийский синтез военной мысли»// Геомилитаризм. Геополитика. Безопасность. — М., 2003.

² Снесарев А.Е. Введение в военную географию. — М., 1924. — С. 283.

³ Вандам А. Величайшее из искусств. — СПб., 1912.

«нет пространства, есть протяженность»¹. Геополитика призвана преодолеть хаос как дурную пустоту пространства (где события бессмысленно иррациональны). Как и за счет чего преодолевается хаос? Уже у Аристотеля А.Е.Снесарев подмечает подчиненность политики императивам не географии, а истории. «История опровергает географию и должна быть выслушана», - подчеркивает он. И даже более чем просто выслушана. Силу теории К.Клаузевица А.Е.Снесарев видит в том, что для него «история есть единственный путь, ведущий к цели»².

Еще предшественник А.Е.Снесарева генерал А.Агапеев (автор «Войны наверняка») видел силу военной стратегии в ее «соответствии природе вещей – правде истории»³. Другой русский военный классик генерал Е.И.Мартынов видел целью стратегии не военные победы, а гармонизацию развития всех социальных сфер⁴. Генерал Н.П.Михневич (автор «Основ русского военного искусства») указывал, что «социология (комплекс общественных наук) выводит законы борьбы и побед»⁵. В.Новицкий в «Высшей стратегии» видит в геополитике синтез всех жизненно важных интересов государства и общества⁶. Все эти авторы правы в постановке вопроса, но им не удалось найти «стратегический центр тяжести» (Клаузевиц) геополитики как науки и тем более как искусства. Это удается А.Е.Снесареву.

Специфика науки принципиально не отличается от условий Элевсинских мистерий. Сперва темный лабиринт поиска и отбора фактов. Затем, на стадии их обработки – бурный поток, преодолеваемый также во тьме. Далее на стадии анализа – огненный коридор. И лишь затем, на этапе синтеза, вступаем в святая святых истории. Только пройдя лабиринты и преграды, можно постучаться во врата истины.

Чтобы не пропасть на опасной тропе Элевсинских мистерий, соискатель посвящения должен сохранить огонь в своем факеле. Именно с таким факелом А.Е.Снесарев сравнивает стратегический метод гео/историо/политики в своем докладе 1927 г. Доклад «Стратегический метод как пособие в исторических изысканиях на Востоке» был – символическое совпадение – назначен на 6 декабря, день памяти св.Александра Невского, выдающегося геополитика и... практического востоковеда.

¹ См.: Лосский Н. Интуитивная философия Бергсона. — М., 1914. — С.74.

² Снесарев А.Е. Введение в военную географию. — М., 1924. — С. 250-251; Его же: Афганистан. М., 1922— С. 36; его же рец. на: Клаузевиц К. Основы стратегического решения// Военная мысль и революция. — 1924, № 4. — С.240

³ Агапеев А. Война наверняка. — Варшава, 1897— С. 223.

⁴ Мартынов Е.И. Обязанности политики по отношению к стратегии. — СПб, 1899 — С. 46.

⁵ Михневич Н.П. Военная наука и степень точности ее выводов. — СПб, 1899 — С. 4.

⁶ Новицкий В. Высшая стратегия. — СПб, 1913.

Что позволило А.Е.Снесареву именно так поставить проблему гносеологии и методологии востоковедения?

История Востока как никакая иная изобилует массой разрозненных и отрывочных фактов, эта масса калейдоскопична. В традиционных обществах нет такой дифференциации сфер и процессов, как в западных, модернизированных. При всей своей длительности, инерционности исторических эволюций Восток предстает как сверхдискретный мозаичный объект. Что с ним делать? Изучать его многообразно, всесторонне и всеохватно – как это и делается в военной географии. Но результат все же не будет гарантирован, если в методе востоковедения множественность подходов не будет сочетаться с единством принципов, если метод не будет универсален. Таковым может быть лишь стратегический метод – продукт методологии военных наук, выходящих за свои чисто военные рамки – в категориальную сферу исторических потребностей, или жизненно важных интересов. Поэтому историческое востоковедение в первую очередь заинтересовано стать гео/историо/политикой Востока.

Поскольку исторические интересы многообразны, но целостны, геополитика состоит в продуктивном синтезе естественных, гуманитарных и политических наук. Объемность геополитики задана критериями «военной географии и статистики» (ее предмет – все жизненные сферы общества), ее стержень – философия истории, системно-историческое начало – стратегический метод. У геополитики и востоковедения не только однотипный предмет равной сложности, но и аналогичный состав дисциплин (числом около дюжины). При близких по значению «числителях» «знаменатель» у них общий – стратегический метод.

В стратегическом методе А.Е.Снесарева воплощен военный опыт управления сложными системами в неординарной обстановке. Без стратегического метода многообразное общественное развитие в нормальных условиях не оптимально, в кризисных – неэффективно, в катастрофических – попросту немислимо. На уровне теории стратегический метод позволяет объединять усилия научных дисциплин, делать это эффективно и в итоге синтезировать многообразные научные результаты. В том и другом случае – и теоретически, и практически – метод позволяет познать глубинные процессы действительной истории и со знанием дела управлять ее метаморфозами.

Именно с этих позиций рассматривал в своих работах А.Е.Снесарев проблемы Центральной Азии и, в частности, Афганистана. Примечательно, что почти во всех исследованиях А.Е.Снесарева проходит мысль о том, что «нам, русским, нельзя оставаться равнодуш-

ными ко всему происходящему на Востоке, ибо наша судьба слишком с ним связана».

Чрезвычайно актуальны сегодня призывы А.Е.Снесарева научно и объективно подходить к изучению всех проблем Азии: «Мы имеем дело с совсем иной психикой, иными навыками мышления, иной этикой, совсем иным, для нас чуждым и мало понятным миром».

Выдающийся востоковед еще в позапрошлом веке предвидел развитие и исламского радикализма на Востоке. Чего стоит такая его посылка: «Панисламитизм пока – только идеологическое течение и оно может выявиться практически разве лишь после того, как в основе его ляжет прочная организация и определенная финансовая поддержка. Панисламитизм все еще находится в периоде эволюции, его вам придется наблюдать, над ним подумать, придется сделать о нем те или иные выводы».

Что касается Афганистана, то в трудах А.Е.Снесарева пыливый читатель найдет всю предысторию, историю и прогнозы развития отношений России с этой страной. Осмысленный геополитический анализ был впервые сделан именно А.Е.Снесаревым. Им же было громогласно заявлено и о бессмысленности, опасности и чрезвычайной сложности покорения Афганистана, который, по его мнению, сам по себе никакой ценности для России не представлял. Гениальным можно, на наш взгляд, полагать один из выводов А.Е.Снесарева о том, что природа и история афганского народа «сделали его воинственным, что его подоплека, с точки зрения основных требований войны, положительна, а такой народ понесет все военные невзгоды легко, способен создавать государство, склонен увеличивать его территорию и умеет отстоять свою самостоятельность». Политическая практика сегодняшнего дня неумолимо доказывает необходимость следования научным заветам генерала А.Е.Снесарева.

Наркоситуация в Афганистане и ее влияние на безопасность Республики Таджикистан

К. Искандаров

Н. Назаров

9 октября 2004 г. впервые в истории Афганистана всенародно был избран президент страны. В первом же туре с 55 % голосов избирателей победу одержал глава Переходного исламского правительства Хамид Карзай. В целом, в победе Х. Карзая мало кто сомневался. Ибо за ним стояли США и международные силы по поддержанию мира в Афганистане. К президентским выборам в Афганистане не было другого общенационального лидера, который устраивал бы большинство населения Афганистана, представляющего разные этнические группы страны. Поэтому в сложившейся ситуации, надежды лидеров стран региона на установление мира в Афганистане и минимизации угроз, исходящих из этой страны, также были связаны с избранием Х. Карзая. Многие рядовые избиратели, уставшие от многолетней войны, междоусобной борьбы различных военно-политических группировок, беззакония и вседозволенности полевых командиров, подали голоса за установление власти закона, за мир и безопасность в стране. Свидетельством этому является невиданная активность избирателей, которые, несмотря на угрозы противников режима сорвать выборы, приняли в них активное участие.

Конечно, нельзя сказать, что первые после многолетней войны всеобщие выборы прошли без нарушений и давления на избирателей. За период многолетней войны крайне обострились чувства недоверия, не только между различными политическими силами, но и между представителями основных этнических групп. В стране, особенно на местах, сильно ощущается власть отдельных полевых командиров и сила оружия. Но не секрет, что и Х. Карзай пользуется поддержкой ведущих стран мира, имеющих многотысячный военный контингент в Афганистане.

Выборы явно продемонстрировали устойчивость этноплеменных порядков, когда старейшины племени решают, за кого голосовать членам племени, и они вынуждены подчиняться воле старейшин. Таким образом, пуштуны проголосовали за Х. Карзая, узбеки — за А. Р. Дустума. Хазарейцы — в основном за своего соплеменника С. М. Мохаккика, и лишь малая часть хазарейцев — сторонников лидера партии «Вахдат» Карима Халили — отдали голоса за Х. Карзая, по той причине, что хазарец К.Халили баллотировался в команде Х. Карзая вторым вице-президентом.

Пожалуй, только голоса таджиков разделились между разными

кандидатами. Многие отдали голоса за Х. Карзая. Наблюдатели отмечают отсутствие единства и этнической консолидации у таджиков Афганистана. Хотя нам кажется, это может быть показателем того факта, что у таджиков отсутствует племенное разделение и чувство племенной солидарности, когда выполнение воли старейшины или решение племенной джирги является обязательным для всего племени.

Тем не менее, несмотря на все перипетии, президентские выборы показали, что исламистские партии, которые в течение 10 лет нахождения у власти, не могли создать государство, покончить с анархией и вседозволенностью отдельных полевых командиров, во многом потеряли доверие населения. Полевые командиры, за исключением талибов и некоторых командиров, принадлежащих к ИПА Г. Хекматиара, также отдают себе отчет в том, что ситуация сильно изменилась, и они не могут рассчитывать на поддержку населения, если попытаются занять открытую антиправительственную позицию.

Основные соперники Х. Карзая признали результаты выборов, несмотря на явные, по их мнению, нарушения, только потому, что не захотели большего обострения ситуации и начала нового вооруженного конфликта в стране. Примечательны в этом плане слова одного из основных соперников Х. Карзая на президентских выборах Ю. Кануни, заявившего, что «признание результата выборов это яд, который мы вынуждены принять ради мира и стабильности в стране».

Формирование легитимной власти, признание ее на всей территории Афганистана, особенно на севере страны, безусловно, отвечает интересам безопасности стран Центральной Азии.

Вместе с тем, устойчивый мир в этой стране зависит и от ряда других факторов. Во-первых, от того, насколько Х. Карзаю при формировании правительства, удастся учесть интересы всех этнических групп и регионов. Выполнит ли он обещание сформировать «правительство национального согласия» вместо «коалиционного правительства»? Во-вторых, насколько США и их союзники будут последовательны в выполнении своих обязательств перед Афганистаном, не только в деле обеспечения мира в стране и борьбы против «Аль-Кайды», «Талибана» и других террористических и экстремистских группировок, но и в деле оказания помощи в восстановлении Афганистана. Сегодня все отрасли экономики и социальной сферы Афганистана нуждаются в реконструкции. Возвращающиеся беженцы не могут найти ни жилья, ни работу. Афганцы серьезно обеспокоены и тем, куда и как распределяется поступающая международная помощь, их волнует высокая степень

коррупционности государственных органов, ответственных за распределение этой помощи. Простые афганцы пока не очень ощущают наличие этой помощи. Вместе с тем социальные неурядицы, безработица и несправедливость могут пополнить ряды воюющей части талибов, или привести к формированию новых антиправительственных группировок и к новому противостоянию.

Для Таджикистана и других стран Центральной Азии, несомненно, важно, чтобы США и их союзники, преследующие в регионе свои стратегические цели, в борьбе против терроризма и за восстановление Афганистана продолжали свое сотрудничество с центральноазиатскими странами. Очевидно, что действующие в некоторых странах Центральной Азии экстремистские исламские партии и группировки это часть широкой международной сети. Они имеют связи со своими зарубежными покровителями, получают от них помощь. Отчасти эти связи обеспечиваются через территорию Афганистана. Сотрудничество международной коалиции в борьбе с терроризмом и в постконфликтном восстановлении Афганистана могло бы значительно облегчить положение центральноазиатских стран в их борьбе против современных вызовов.

Наиболее серьезной угрозой безопасности стран Центральной Азии после прошедших выборов в Афганистане будет оставаться проблема незаконного оборота и распространения наркотиков. Вызывает озабоченность тот факт, что за три года пребывания вооруженных сил НАТО и США в Афганистане не произошло сокращения объемов производства наркотиков. США и коалиционные силы не предприняли никаких практических мер по сокращению производства наркотиков и пресечению их распространения.

Правительственная программа Афганистана по уничтожению посевов опийного мака не достигла своей цели. Принятый в октябре 2003 г. переходным правительством закон «О борьбе против наркотиков» делает основную ставку на добровольность, а не на принуждение, в этом законе не предусмотрена ответственность за культивирование опийного мака. При этом наблюдается тесная взаимосвязь между структурами, осуществляющими производство наркотиков, и влиятельными полевыми командирами. И, самое главное, существует большой спрос на афганские наркотики, цены на них все еще высоки. Поэтому Афганистан продолжает сохранять свое лидирующее положение среди стран производителей наркотиков.

По экспертным оценкам ООН и других международных институтов, ежегодно в Афганистане производится более 2/3 мирового незаконного производства опия-сырца (с 1979 г. производство опия увели-

чилось более чем в 15 раз). В международной торговле афганским опиум принимает участие более полумиллиона человек, ежегодный оборот от этой торговли составляет около 300 млрд. долларов США.¹

Согласно последнему отчету ООН, в 2004 г. Афганистан вновь возглавил список основных стран-производителей наркотиков. Согласно отчету, эта страна производит 78 % мирового опия. В 2004 г. было произведено более 4200 тонн наркотиков (в 2003 г. — 3600 тонн).

В последние годы продолжает набирать темп опасная тенденция смещения основных маршрутов транзита наркотиков в сторону стран центральноазиатского региона, продолжается рост масштабов культивирования опийного мака в северных провинциях, расположенных вдоль границ стран Центральной Азии. Здесь же разворачиваются сети минилабораторий по производству героина. Например, до последнего времени только в провинции Бадахшан выращивали опиум. Однако в 2003-2004 гг. практически во всех провинциях севера началось выращивание опийного мака, а в Бадахшане в 2003 г. посевные площади под наркосодержащие культуры увеличились на 55 %. Афганская частная газета «Андараб» обвиняет «специалистов» из южных приграничных провинций, особенно из провинции Нангархар, в расширении посевных площадей опиума на севере Афганистана. По сообщению газеты, нангархарцы ведут усиленную работу по вовлечению крестьян севера в дело выращивания опиума. Они выступают в роли фьючеров, обучают крестьян, бесплатно поставляют семена и даже выдают предоплату за будущий урожай.²

Усиление внимания такого рода к северным провинциям происходит, на наш взгляд, и в связи с тем, что из-за продолжающейся антитеррористической операции в южных регионах произошло некоторое сокращение поступления наркотиков на север страны. Расширение посевных площадей, увеличение числа лабораторий вблизи границ стран Центральной Азии, несомненно, увеличивают вероятность резкого роста объемов контрабанды наркотиков через страны Центральной Азии, особенно через Таджикистан. Именно Республика Таджикистан является надежным заслоном на пути афганских наркотиков. По данным Агентства по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан (АКН) в 2002 г. 86 % изъятого в странах Центральной Азии героина и 77 % опия приходилось на долю Республики Таджи-

¹ Обзор наркоситуации в Республике Таджикистан за 2003 год. — Душанбе, 2004. — С.34.

² Мирдод, Ханиф. Взгляд на причины расширения площадей для выращивания наркосодержащих культур// Андараб. — Кабул, 2003. — 10 декабря (на языке дари).

кистан¹. В 2003 г. этот показатель примерно сохранился. Таджикистан находится на четвертом месте в мире (после Пакистана, Китая, Турции) по изъятию героина и на третьем месте (после Ирана, Пакистана) по изъятию опия-сырца, и, таким образом, входит в число государств, внесших наибольший вклад в дело борьбы с наркотиками (по данным ООН за 2003 г.).

Территория Таджикистана стала одним из направлений транзита наркотиков в страны СНГ и Европы в силу своего геополитического положения. Общая протяженность границы с Афганистаном составляет 1433 км. Из Афганистана в Таджикистан проложено 5-6 основных маршрутов перемещения наркотиков, тогда как через территорию Узбекистана непосредственно из Афганистана пролегает только один маршрут: Афганистан — Сурхандарьинская область — г. Ташкент — Казахстан — Россия.² Основная нагрузка лежит, прежде всего, на пограничниках, охраняющих таджикско-афганскую границу. Показательно, что 62 % наркотических средств изымается при попытках их контрабандного перемещения через государственную границу с Афганистаном.³

Анализ наркоситуации в Афганистане показывает, что сфера наркобизнеса в Афганистане находится под контролем полевых командиров, с которыми коалиционные силы сотрудничают, вместе воевали против «Талибана». Наркокурьеры без согласия командиров не могут переправлять наркотики на территорию Таджикистана. Более того, на всем протяжении афганско-таджикской границы организованные преступные группы создали устойчивую систему преступных связей с хорошим прикрытием, современными средствами связи, транспортом и вооружением.

В связи с этим, некоторые аналитики полагают, что с выводом российских пограничников с таджикско-афганской границы наркоситуация в Таджикистане и других странах Центральной Азии может серьезно осложниться. Следует отметить, что подразделения пограничной группы РФ внесли значительный вклад в борьбу против незаконного оборота наркотиков и в целом в защиту государственных границ Таджикистана. Только за один 2002 г. из 6724 кг наркотиков, изъятых из незаконного оборота, 4 тысячи кг приходились на долю рос-

¹ Обзор наркоситуации в Республике Таджикистан за 2002 год. — Душанбе, 2003. — С. 33.

² Информационный бюллетень о наркоситуации. Центральноазиатский регион. — OSCE, 2004. — С. 49.

³ Обзор наркоситуации в Республике Таджикистан за 2003 год. — Душанбе, 2004. — С. 27.

сийских пограничников.¹ ими были предотвращены десятки попыток вооруженного нарушения таджикско-афганской границы. Российские пограничники не раз вступали в боестолкновения с вооруженными контрабандистами.

На основе подписанного в ходе официального визита в Республику Таджикистан президента Российской Федерации В.В.Путина соглашения, к концу 2004 г. все оставшиеся под контролем российских пограничников участки таджикско-афганской границы в ГБАО (Ишкашимский, Хорогский, Калай-Хумбский участки) переходят под контроль таджикских пограничников. В 2005 г. и до весны 2006 г. будут переданы таджикским пограничникам участки таджикско-афганской границы в Хатлонской области. Таким образом, контроль над таджикско-афганской границей на всем ее протяжении полностью перейдет к Таджикистану. На основе достигнутых договоренностей, в Таджикистане не должна будет оставаться группа российских пограничников в качестве советников. Однако, по словам заместителя председателя Комитета по охране государственной границы РТ генерала М. Низамова, остался нерешенным вопрос о количественном составе этой группы. Российская сторона предлагает оставить в Таджикистане группу в составе 200-300 человек, тогда как руководство Таджикистана не видит в этом необходимости и согласно на группу в количестве 20 человек. Возможно, уход российских пограничников с таджикско-афганской границы, на начальном этапе приведет к некоторому осложнению наркоситуации. Пограничные войска Таджикистана нуждаются в лучшем техническом оснащении, в укомплектовании подготовленными офицерскими кадрами и т. д. Тем не менее, таджикские пограничники уверены, что нет оснований для того, чтобы драматизировать ситуацию. Таджикские пограничники, по их словам, готовы защитить южные рубежи Таджикистана.

Вместе с тем, наркоситуация во многом будет зависеть от того, как в дальнейшем в самом Афганистане будут бороться с выращиванием наркосодержащих культур. К сожалению, факты увеличения объемов производства пока вызывают обоснованную тревогу. Убедить афганских крестьян сеять легальные сельскохозяйственные культуры взамен нелегальных оказывается трудно, и эта ситуация будет сохраняться до тех пор, пока сохраняются очень высокие цены на наркотики, и, следовательно, высокая прибыльность опия в сравнении с другими сельскохозяйственными культурами.

¹ Джафаров Рамазан. На переднем рубеже// Обзор наркоситуации в Республике Таджикистан за 2002 год. — Душанбе, 2003. — С. 19, 30.

В 1995 г. МПКНС ООН в Афганистане предприняло программу альтернативного развития сельского хозяйства, однако, истратив 8,5 млн. долларов, пришлось к выводу, что она была не успешной.¹ Конечно, прибыли крестьян от выращивания наркотиков значительно выше. По данным АКН РТ, среднегодовой доход одной афганской семьи в 2003 г. составил 3900 долларов США при среднем доходе на душу населения 594 доллара США. Совокупный доход (производство крестьянами плюс оборот) составляет 50% ВВП Афганистана (который, по сведениям Азиатского банка развития, составляет 4,4 млрд. долларов США).²

Хотя правительство Х. Карзая заявляет о своей решимости бороться с наркотиками, создается впечатление, что эта борьба будет идти не один год. Об этом, в частности, заявил председатель комиссии по борьбе с наркотиками Афганистана Ясини. При МВД Афганистана также создан специальный орган по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Но, учитывая колоссальные масштабы выращивания наркосодержащих культур, производства и контрабанды наркотиков, Афганистан без международной помощи никогда не сможет эффективно бороться с незаконным оборотом наркотиков. В связи с этим, по данным печати, США и Евросоюз намерены выделить Афганистану более 800 млн. долларов для борьбы с наркотиками. Однако транснациональная наркомафия никак не заинтересована в реализации в Афганистане программ альтернативного развития сельского хозяйства и восстановления экономики. Поэтому параллельно с этой программой требуется принятие мер против рынка опия в стране, борьбы с трафиком опия.

Некоторые эксперты в Афганистане уверены, что США и их союзники должны бороться против рынка наркотиков и взять под строгий контроль границы Афганистана. Если наркотики не будут вывозиться из Афганистана, цены на них снизятся, крестьянин не будет заинтересован в выращивании наркосодержащих культур. Кстати, еще в июне 1998 г. на Сессии Генеральной Ассамблеи ООН президент Таджикистана Э. Ш. Рахмонов предлагал создать «Пояс безопасности» вокруг Афганистана.

Опыт Таджикистана в борьбе с наркотиками свидетельствует, что меры, предпринятые правительством, и помощь, оказанная мировым сообществом в укреплении технического потенциала правоохранительных органов, силовых структур республики и российских пограничников, привели к определенным успехам. По данным АКН

¹ См.: Олкотт М., Удалова-Зварг Н. Наркотрафик на Великом Шелковом Пути: безопасность в Центральной Азии. – М.: Центр Карнеги, 2000. — С.7.

² Обзор наркоситуации в Республике Таджикистан за 2003 год. — Душанбе, 2004. — С.39.

при президенте РТ за четыре последних года из незаконного оборота изъято свыше 32 тонн наркотиков, в том числе около 16 тонн героина. Это позволило сохранить от наркотической зависимости около 19 млн. жителей планеты.¹ И это в то время, когда в Афганистане в течение многих лет не только не велось никакой борьбы против выращивания, производства и контрабанды наркотиков, но и, например, при талибах, когда, взимая с крестьян налоги, правительство практически поощряло деятельность, связанную с наркотиками.

Формирование правительства национального согласия, разработка и принятие программы по борьбе с наркотиками, которая должна сочетать поощрительные и силовые меры: оказание помощи крестьянам в выращивании альтернативных сельскохозяйственных культур, конфискация и уничтожение запасов наркотических веществ, воздействие на полевых командиров, контролирующих наркотрафик, безусловно, могут привести к определенному успеху в борьбе против наркотиков.

Вместе с тем, проблема и в том, насколько правительство Афганистана считает целесообразным на данном этапе, когда единственным средством к существованию для сотен тысяч афганских семей остается работа по выращиванию опия, идти на радикальные меры против производителей наркотиков. Не приведет ли это к обострению ситуации в Афганистане? Мировой опыт показывает, что на борьбу с этим злом уйдет не один год. Следовательно, Таджикистану и другим странам региона придется еще много лет бороться против наркоагрессии со стороны Афганистана.

¹ Обзор наркоситуации в Республике Таджикистан за 2003 год. — Душанбе, 2004. — С.4.

Экономическая ситуация в северо-восточных провинциях Афганистана и проблемы обеспечения региональной безопасности

А.А. Князев

Ставший следствием бурных военно-политических событий 1970-х — начала 2000-х гг. распад государства усугубил специфическую и имманентную особенность афганской социально-политической структуры: постоянное стремление регионов и этнических общин к максимальной самостоятельности.

Явление для Афганистана не новое: регионализм в высокой степени всегда был характерен даже для государствообразующего этноса, для пуштунских племен: «...Племенное ополчение всегда сохраняет значительную автономность и является лишь временным союзником той или иной армии — органа государственной власти».¹ Система связей между государством и пуштунскими племенами, существовавшая при монархическом режиме и президенте Дауде, была к 1990-м гг. полностью разрушена. С падением правительства Наджибуллы и приходом к власти в Кабуле президента-таджика Бурханутдина Раббани, множество пуштунских вождей и местных полевых командиров предпочли полную самостоятельность в пределах своего племени или уезда борьбе за единое афганское государство. В этом смысле, многие пуштунские племена фактически солидаризировались с национальными меньшинствами в борьбе за интересы локальные в противовес интересам общегосударственным. Даже в ходе конституционной Лойя Джирги в декабре 2003 — январе 2004 гг. было очевидным, что лидеры всех основных этнополитических сил и группировок в большинстве являются убежденными сторонниками той точки зрения, что региональные интересы должны превалировать над попытками создания некоей всеафганской идентичности.

К концу 2004 г. страна продолжает оставаться устроенной по принципу танзимов, то есть является простой совокупностью независимых военно-политических группировок. Этой особенностью традиционной государственности, отмеченной С. Олимовой для средневековой Средней Азии, можно уверенно объяснять и прочность и устойчивость современного афганского регионализма, основой которого на уровне ментальности является региональная самоидентификация, являющаяся одной из важнейших частей персональной идентичности, которую века-

¹ Катков И.Е. Социальные аспекты племенной структуры пуштунов// Афганистан: история, экономика, культура. — М., 1989. — С. 44.

ми могло изменить лишь что-то подлинно чрезвычайное.¹ Административное районирование в регионе никогда не совпадало с этническим расселением, в основе административного деления лежали природные, географические факторы, типы землепользования, рынки и коммуникации, но только не этнические территории, никогда не бывшие реальностью в Центральной Азии.²

На этом историческом фоне в сегодняшнем Афганистане далеко не в пользу центральной власти развивается ситуация в военно-политической сфере. К середине 2004 г. военно-политическая нестабильность сохраняется на высоком уровне и остается одним из основных факторов, определяющих состояние сферы безопасности для всего региона Южной и Центральной Азии. Ситуация с точки зрения региональной безопасности является значительно менее предсказуемой по сравнению, например, с противостоянием по линии Северный альянс — «Талибан» второй половины 1990-х гг. — 2001 г.³ Правительство Хамида Карзая по существу контролирует лишь Кабул и ряд районов Кабульской провинции. У провинциальных администраций, назначенных кабульским правительством, нет, как правило, ни достаточных сил, ни политической воли для реализации своих решений. Для таких провинций характерна кадровая чехарда, высокая сменяемость ключевых должностных лиц. Новые назначения обычно мотивируются необходимостью «усилить влияние центрального правительства на афганские провинции, где не исполняется закон». Такая формулировка содержалась, например, в указах о замене губернаторов Забола, Батгиза и Фариаба в январе-феврале 2004 г.⁴ Но отстранение реальных региональных лидеров от административных постов проблемы не решает, правительственные назначенцы реальных рычагов воздействия на местную ситуацию не имеют, вдобавок, они воспринимаются местным населением не всегда положительно. Выведенные же из состава формализованных государственных структур лидеры становятся потенциальными противниками правительства, продолжая занимать свое место в местной социальной иерархии и имея при этом все необходимые возможности для воздействия на ситуацию.

¹ См. например: Бартольд В. В. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в. // Сочинения. — М., 1964. — Т. 2, ч. 2.

² Олимова С. Национальные государства и этнические территории// Многомерные границы Центральной Азии. — М.: Гендальф, 2000. — С. 16.

³ См. подробнее: Князев А.А. Развитие военно-политической ситуации в Афганистане весной-летом 2003 г. и некоторые аспекты центральноазиатской безопасности// Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Материалы Четвертой международной научно-практической конференции. Вып. 4. — Барнаул, 2003. — С. 110-122.

⁴ Afghan Islamic Press. — Islamabad, 2004. — February, 3.

Анализируя условия для экономической деятельности в военно-политическом контексте Афганистана начала XXI в., необходимо сделать некоторое важное уточнение в отношении субъектов внутриафганской ситуации. Рассматривая военную ситуацию в Афганистане, уже к 2003 г. вряд ли уместно продолжать говорить о боевиках «Аль-Кайды» или «Талибана». Судя по всему, примерно с середины 2002 г. идет постепенное формирование некоего качественно нового движения сопротивления иностранному военному присутствию в стране, в которое интегрируются бывшие талибы, сторонники Гульбетдина Хекматиара, представители оппозиционных Карзаю пуштунских племен.¹ Называть эти силы «остатками талибов» уже некорректно хотя бы с точки зрения мотивации их активности. Значительная часть участников этого движения, не принадлежавших к движению «Талибан», целый ряд пуштунских племен, воюют против правительственных подразделений и иностранных войск не за то, чтобы вернуть к власти «Талибан», а против антинародного правительства, против иностранных войск. При этом иностранные группы большей частью передислоцировались в Пакистан, где и задействованы в боевых действиях с пакистанской армией, лишь изредка совершая рейды на афганскую территорию.² В самом же Афганистане в течение 2002-2004 гг. осуществляется определенная концентрация сил нового движения, идет реорганизация ранее действовавших отрядов и группировок, происходит формирование командных структур. В начале апреля 2003 г. в рамках этого движения сопротивления было создано единое командование («Рехбар-е шура»), огромные территории страны, целый ряд провинций находятся под его контролем.

Очередной виток дестабилизации был, по существу, инициирован США и «мировым сообществом» — как результат президентских

¹ В том числе на трайбалистской основе, по мотивам кровной мести, как результат американских военных акций и т.д. См. подробнее: Князев А.А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI вв.). — Душанбе: Дониш, 2004. — С. 483-484.

² Большие группы боевиков ИДУ продолжают дислоцироваться, в частности, в Белуджистане и в СЗПП, в том числе — в Читральском агентстве, в Банну и в районе Мирамшаха. Ряд представительств ИДУ — «дафтаров» — действует практически открыто в Афганистане, Пакистане и Турции. Финансовая поддержка из арабских стран осуществляется через «дафтар» в Карачи. В рядах ИДУ существует определенный раскол, возникло даже понятие «мухолифат» — внутренняя оппозиция Тохиру Юлдашеву. Главный критерий этого раскола — нежелание части боевиков воевать в Пакистане и Афганистане, в то время как их главная цель — Узбекистан. Для Юлдашева сохранение боевого потенциала актуально, поскольку арабские боевики уже не участвуют в боях в южном Вазиристане, в большинстве своем покинув этот регион. В распоряжении Тохира Юлдашева находятся и несколько сотен наемников из пуштунского (пакистанского) племени масудов, а также из афганских пуштунов (в частности, племени сулейманхель). Последнее интересно, поскольку сулейманхели всегда были подконтрольны Сейиду Ахмаду Гейлани, который на последних выборах поддержал Хамида Карзая.

выборов, проведенных в октябре 2004 г. Эти выборы стали очевидной попыткой распространить на Афганистан западные представления об обществе, исходящие из того, что население страны — это относительно однородная масса граждан, из которых можно создать любую политическую конструкцию. Но Афганистан обладает весьма специфической общественной и политической структурой, которая ничего общего не может иметь с так называемым «гражданским обществом». Начался новый этап военно-политического противостояния. Едва ли не главным из результатов выборов стали попытки ряда представителей бывшего Северного альянса скоординировать с воюющими группировками, в частности, Гульбетдина Хекматиара, борьбу против иностранного военного вмешательства и марионеточного правительства Хамида Карзая. Детальное содержание этих переговоров, как и сам их факт, естественно, тщательно скрываются. Примерно с середины лета 2004 г. таджикские отряды под видом боевиков ИДУ или талибов совершают отдельные операции против американцев и подразделений карзаевского правительства в провинциях Газни, Кунар, Нангархар, некоторых других. Пакистанские пуштуны определяют в них «парсеванов», как они называют всех персоязычных, в первую очередь таджиков, а заодно хазарейцев и даже узбеков. Параллельно Хамидом Карзаем делаются попытки расширить социальную базу поддержки правительства — при посредничестве муллы Вакиль Ахмада Мутаваккиля в в очередной раз вырабатываются основания для компромисса с бывшими талибами — и в очередной же раз под лозунгом поиска «умеренных» талибов.

Локальные лидеры продолжают определять и характер морально-этической и социально-политической оценки населением той или иной местности любых решений или действий властей или иных сил общенационального масштаба. Экономические и иные социальные отношения на местах продолжают регулироваться не столько государственными законодательными актами, сколько адатом, местными традициями и обычаями, авторитетом основных собственников, являющихся, как правило, и родоплеменными лидерами. Данное обстоятельство обуславливает тот факт, что приоритетной для реализации любых экономических инициатив является поддержка со стороны локальных традиционных лидеров, включая религиозных, нежели одобрение центрального (кабульского) правительства или министерств, носящее характер скорее формальный. Уровень взаимодействия центрального правительства с местными органами власти в экономической сфере характеризуется, например, следующим показателем. Сумма налогов, которая сегодня может быть собрана в Афганистане, оценивается при-

мерно в 500 млн. долларов, из которых в бюджет правительства пока попадает только около 80 млн.¹

Общий анализ ситуации в Афганистане в 2003-2004 гг. позволяет сделать следующий вывод. Достичь определенного успеха, по крайней мере, для граничащих с Афганистаном государств, могут лишь проекты, реализуемые в полосе приграничных провинций при условии, что они будут основаны на взаимопонимании с местными реально действующими авторитетами и региональными властями. Исследование, проведенное автором в сентябре-августе 2003 г. и в июне 2004 г. на северо-востоке Афганистана лишь подтвердило эти выводы.

Основным методом исследования являлось интервьюирование официальных лиц и представителей частного бизнеса четырех северо-восточных провинций Афганистана: Кундуза, Тахора, Баглана и Бадахшана.² Понятно, что мнения, высказанные данными лицами, не могут служить исчерпывающе полной базой для формирования некоего плана социально-экономического развития той или иной провинции. Тем не менее, представления локальных лидеров о первоочередных проблемах развития подконтрольных им территорий могут стать основой для организации того или иного производства, для реализации тех или иных отдельных проектов.

В ходе исследования ставилась задача определить преобладающие виды хозяйственной деятельности населения регионов, реальные возможности местных (провинциальных) администраций в экономической (и социально-экономической) сфере, потребности местных рынков в товарах и работах, не обеспечиваемых за счет внутренних источников, готовность местных администраций оказывать содействие в реализации проектов и коммерческих сделок. Параллельной задачей являлось определение состояния и безопасности коммуникаций, практикуемых форм транспортировки грузов, методики таможенных процедур, форм и методов финансовых расчетов. Еще одной задачей было выявление наличия (отсутствия) программ международной помощи по развитию экономической сферы и ассигнований центрального (кабульского) правительства в том или ином из рассматриваемых регионов. Исследовательские поездки осуществлялись по маршруту Душанбе—Нижний Пяндж—Кундуз—Пули-Хумри—Баглан—Талукан—Калафгон—Кишим—Файзабад—Джурм—Зebak—Ишкашим. В частности, в Кундузе

¹ См.: Верхотуров Д. Как «мировое сообщество» восстанавливает Афганистан. Часть 1. — По URL: <http://www.afghanistan.ru>

² Записи всех интервью хранятся в архиве автора.

среди опрошенных лиц были губернатор провинции Амир Латиф Иброхими, мэр (шорвали) города Кундуза Сейид Джахангир, а также имеющие в Кундузе свои резиденции Нурулло Нурулло — представитель МИД и Абдулманнон Хашеми — представитель министерства планирования по северо-восточным провинциям.

Основным видом хозяйственной деятельности населения Кундуза является выращивание пшеницы и риса. По объему производства этих культур провинция занимает первое место в Афганистане и полностью обеспечивает себя, а также поставляет эти зерновые в другие провинции.¹ Монокультурный характер земледелия в Кундузе обуславливает наличие постоянно высокой потребности в минеральных удобрениях. Отсутствие минеральных удобрений приводит к заболеваниям культур и большим потерям урожая.² По мнению представителей местной администрации, строительство завода азотных удобрений, является важнейшей задачей для развития сельского хозяйства. Построенный когда-то советскими специалистами и ныне действующий комбинат по производству азотных удобрений в Кудыбарке (провинция Балх) не может обеспечивать потребности Кундуза, к тому же доставка удобрений из Балха резко увеличивает их стоимость. С вводом в действие собственного завода минеральных удобрений Кундуз смог бы увеличить объемы производства пшеницы и риса. Власти провинции готовы выделить для строительства завода необходимые площади, правда, вопрос о наличии сырьевой базы для данного производства не изучен. Одним из приоритетных направлений развития сельского хозяйства провинциальные власти считают животноводство, в котором, однако, испытывается дефицит питьевой воды. Поэтому очень важным является строительство скважин. Вопрос спорный, поскольку в результате четырех лет засухи и бесконтрольного хаотичного бурения уровень грунтовых вод в Кундузе, как и в большинстве других провинций страны, резко снизился. При поливах в Афганистане применяется преимущественно способ затопления полей, т.е. используются максимальные возможности водных источников без учета нормы орошения (как правило, вода отводится из рек или от скважин каналами). На орошение расходуется приблизительно 21 км³ воды или 32 % общих ресурсов речного стока. Из них 17 км³ составля-

¹ Согласно архивным материалам конца XIX в., район Кундуза являлся и в те времена одним из основных регионов по производству зерна. Наряду с другими центрами, Кундуз, а также район бадахшанского Файзабада, специализировались и на производстве риса. В горных районах северного Афганистана широко распространено также возделывание бобовых культур. — Махмадшоев Р. Таджики Афганистана в новое время. Очерки истории, хозяйства и материальной культуры. — Душанбе: Дониш, 2001. — С. 62-64.

² Специалисты ФАО и ИРИН ООН констатируют также потерю семенного фонда в масштабе всей страны. — URL: <http://www.irinnews.org>

ют безвозвратные потери. События последних десятилетий разрушили многие километры «кяризов» — древних традиционных подземных водосборных каналов. Оценки в величинах орошаемых земель в Афганистане значительно расходятся, но если принять наибольшее значение — 2,0 млн. га, то на полив 1 га в вегетационный период тратится 10500 м³ воды.¹ В результате событий последних десятилетий были разрушены и многие километры «кяризов» — традиционных подземных водосборных и оросительных каналов.

На территории Кундуза находятся несколько предприятий по переработке хлопка и кунжута и производства масел из этих культур.² Все эти предприятия нуждаются в реконструкции и, соответственно, в привлечении финансовых средств. Наличие данных производств могло бы, в частности, обеспечить сырьевую базу для производства мыломоющих средств, которые (очень низкого качества) импортируются из Пакистана. Провинция заинтересована в создании предприятий по производству строительных материалов.

Большинство вопросов, связанных с развитием экономики и инфраструктуры, в регионе можно решать на уровне местной администрации. В Кундузе существует комиссия по восстановлению провинции. По уверениям администрации, на территории провинции могут осуществляться различные проекты, в которых могут участвовать специалисты и рабочие из других стран. Пока такого рода работы не велось.

Одним из стратегически актуальных проектов является восстановление ГЭС в районе Ханабада (на границе с провинцией Тахор). По местным оценкам, для этого необходимо около 10 млн. долларов. В апреле 2002 г. министерствами энергетики Таджикистана и водного и энергетического хозяйства Афганистана был подписан протокол о реконструкции ряда ЛЭП и строительстве станций для передачи электроэнергии в северные провинции Афганистана. Таджикистанская компания «Барки Точик» вложила 300 тысяч долларов в реализацию этого проекта, в результате чего ежегодно поставляет в Кундуз около 45

¹ См.: Игошин Н.И. и др. Норма стока рек, водный баланс и водные ресурсы Афганистана. Межведомственный научный сборник Украины «Метеорология, климатология и гидрология». — Вып. 32. — Одесса: Мидина, 1995. — С. 137-163.

² Выращивание кунжута и некоторых других масличных культур издавна было присуще жителям многих районов Кундуза. — См.: Махмадшоев Р. Таджики Афганистана в новое время. Очерки истории, хозяйства и материальной культуры. — Душанбе: Дониш, 2001. — С. 64-65. В апреле 2002 г. автору довелось интервьюировать Хакима Палвана, жителя кундузского улусволи Ак-Тева, занимающегося выращиванием опийного мака. С разрушением оросительной системы в начале 1990-х гг. он и начал выращивать опий взамен традиционного для этих мест кунжута и хлопка, за которыми скупщики приезжали раньше из Пакистана. Запись интервью в архиве автора.

млн. кВт/час электроэнергии, не имея при этом никаких долговых претензий.¹ Однако потребности в электроэнергии намного выше.

В Кундузе заинтересованы и в поставках товаров из центральноазиатских стран, которые могли бы конкурировать с пакистанскими, монопольно распространяемыми в этом регионе. Уровень торговли с сопредельными Таджикистаном и Узбекистаном кундузские чиновники оценивают как чрезвычайно низкий.²

Баглан — один из наиболее развитых промышленных районов на северо-востоке Афганистана.³ Здесь имеются гидроэлектростанция, сахарный завод, текстильная фабрика, цементный завод, мелькомбинат, четыре угольных шахты. Возраст всех этих предприятий — 40-50 лет, строились в основном при содействии СССР. Все предприятия по разным причинам работают не на полную мощность. Сахарному заводу не хватает средств для закупки у населения сахарной свеклы, в связи с этим из года в год снижаются посевные площади. Из-за низких урожаев зерновых простаивает часть мощностей мелькомбината. Не хватает хлопка для работы текстильного комбината: недостаток поливных возможностей не позволяет расширить посевные площади для хлопка, многие крестьяне за годы войны переориентировались на производство риса как более востребованной продукции. В провинции более 20% трудоспособного населения составляют безработные (оценка губернатора провинции).

В сельском хозяйстве Баглана всегда большое значение имели широко известные ореховые леса (в первую очередь — фисташковые). Однако после сильных засух и сопровождавших их лесных пожаров, 1999-2000 гг., для возрождения этого промысла требуются средства.

В Тахоре основной вид деятельности сельского населения — выращивание риса, под посевы которого заняты основные плодородные земли. Однако частые разливы реки Талукаун (заливаются более 50

¹ «Недоступный» Афганистан// Asia Plus. — Душанбе, 2004. — 23 сентября. — С. 8.

² Население провинции нуждается в продовольственных товарах, ГСМ, мыломоящих средствах. Эти товары не облагаются никакими налогами, кроме таможенного сбора. Таможенные пошлины на продовольственные товары и товары первой необходимости составляют 1% от стоимости, на промышленные товары — 35-40%. Процедура прохождения грузов через КПП «Шерхан-Бандер» достаточно проста. Груз регистрируется таможней на границе, где предъявляются необходимые документы в соответствии с международными стандартами, затем груз предъявляется в департамент экономики в г. Кундузе, где определяется его стоимость, после чего таможенный департамент определяет размер пошлины. Вопросы с получением лицензии решает также таможенный департамент.

³ Основным респондентом при проведении данных опросов в провинции Баглан являлся тогдашний губернатор Инженер Мохаммад Омар. С 2004 г. он — губернатор провинции Кундуз. Бывший губернатор Амир Латиф Иброхими был переведен в провинцию Саманган.

тыс. га плодородных земель, при этом, фильтруясь через соляные почвы, вода обедняет плодородные) мешают эффективному земледелию. Поэтому чрезвычайно важным администрация провинции считает строительство 140-километровой предохранительной дамбы. В Кабуле имеется проект этой дамбы, разработанный французскими специалистами, однако проект заморожен. Важными проектами здесь считают также реконструкцию аэропорта в Ходжагаре, строительство дороги Талукан—Файзабад. Местными усилиями заканчивается строительство небольшой фабрики по йодированию соли. В провинции Тахор не работают иностранные компании, мечтой администрации является создание специализированной фирмы по разработке бизнес-проектов для Тахора. Техническую документацию по многим актуальным проектам можно получить, по мнению администрации, в министерских архивах в Кабуле.

По информации губернатора провинции Бадахшан¹, провинция приняла в ходе войны 1994-2001 гг. очень большое количество внутренних перемещенных лиц, преимущественно этнических таджиков. Обеспечение занятости населения является задачей номер один.

В сельском хозяйстве Бадахшана наиболее приоритетно развитие племенного животноводства каракулевых овец. В провинции практически отсутствуют молочные продукты, поэтому насущной проблемой является разведение крупнорогатого скота и создание молочных ферм. Перспективным направлением может стать производство фруктовых соков, т.к. в регионе имеется большое количество фруктовых садов: пока большая часть урожая пропадает. Урожай абрикосов составляет 2,5-3,0 тысяч тонн, яблوك — 3,5-4,0 тысяч тонн в год. Как и Баглан, Бадахшан известен ореховыми лесами, ежегодный урожай грецкого ореха составляет более 10 тысяч тонн. В регионе всегда было развито пчеловодство, однако из-за отсутствия оборудования по расфасовке бадахшанский мед не увидишь в продаже, в файзабадских лавках продается пакистанский. Как и другие северо-восточные провинции, Бадахшан нуждается в минеральных удобрениях. Для Киргизии, Казахстана и Таджикистана Бадахшан является едва ли не наиболее приоритетным для развития экономических взаимоотношений. В провинции имеются перспективный, текущий и краткосрочный планы развития хозяйства. К перспективным планам относится строительство дорог, что должно дать импульс к развитию всей экономики региона. В настоящее время имеется договоренность с Европейским банком реконструкции и разви-

¹ Аминулло Хан — до 2004 г.

тия о финансировании проекта строительства дороги Талукан—Файзабад. Однако пока существует лишь договоренность, да и строительство этой дороги не решит многих проблем. Основные проблемы провинции должна решить дорога Файзабад—Ишкашим. Кроме этого, необходимо строительство дорог к основным населенным пунктам провинции. Фактически отсутствуют дороги в направлении таких улусов и алякадарств как Джурм, Дарваз, Шахр-и-Бузург, Шахр-и-Мунджан, Зебак, Хандуд, Санглич и других.

По оценкам специалистов бадахшанской провинциальной администрации, наиболее актуально ответвление дороги Файзабад — Ишкашим до Зебака и Санглича, продолжение этой дороги через перевалы Мунджан, Рабат и Анджуман позволило бы напрямую связать восточную часть Бадахшана с Панджшерской долиной с выходом на Кабул. Возможен также вариант строительства дороги Бахорак—Джурм—Анджуман—Панджшер—Кабул. По всем этим направлениям местами существует грунтовая дорога, местами это караванные тропы. Чрезвычайную важность имеет также дорога Ишкашим—Хандуд (Ваханский коридор). Важное значение имеет автодорога Файзабад—Шугнан (афганский)—Хорог, наличие которой позволило бы использовать мост через Пяндж, построенный «Agha Khan Development Network».¹

Разговор о местных коммуникациях был бы неполным, если не упомянуть о том, что во всех провинциальных центрах имеются аэродромы (грунтовое покрытие, минимум навигационного оборудования). Используются только аэродромы в Кундузе и Файзабаде, осуществляются пассажирские перевозки в Кабул и обратно. Рейсы осуществляются самолетами АН-26 и АН-28, но нерегулярно, в зависимости от наличия пассажиров и горючего.

Как и вся страна, большие потребности Бадахшан испытывает в электроэнергии. Одновременно провинция располагает большими водными ресурсами. По территории Бадахшана протекает одна из крупнейших рек страны — Кокча, среди других сравнительно крупных рек — Зардев, Санглич, Дараим, Шахдара, Раванджаб, Гуломдара, Иорхдара, Вардудж, Дара-и-Бузург, Зарриноб, Вахан-Дарья. На краткосрочную перспективу здесь имеет смысл создание минигидроэлектростанций. В целом же, вопрос водопользования (как для энергетики, так и для

¹ И Файзабад — Дарваз (афганский) — Калай-Хумб (Таджикистан).

орошения) в Афганистане, включая и северо-восток, должен решаться, конечно, более широко.¹

Общеизвестно, что водные ресурсы являются составной частью природных богатств, величина и распределение которых во многом определяют темпы социально-экономического развития страны. Афганистан относится к числу стран с возрастающим водопотреблением и растущим водным дефицитом, что отмечалось уже в 1920-1930-х гг.² В 1968 г. советский исследователь В.Л.Шульц по материалам наблюдений и экспедиционных исследований выполнил первую попытку оценки ресурсов речного стока Афганистана. Знание условий формирования стока в горах Средней Азии позволило ему определить объем стока рек, близкий к действительному — 55 км³, и составить схематическую карту нормы стока рек северного Афганистана.³ Рядом зарубежных фирм по изучению водных ресурсов в рамках создания проектов гидротехнического и мелиоративного строительства (1950-1970 гг.) были также проведены отдельные исследования.⁴ В дальнейшем с использованием материалов многолетних наблюдений (1969-1978 г.г.) были получены уточненные сведения о водных ресурсах и водном балансе Афганистана. Для территории Афганистана элементы водного баланса характеризуются следующими значениями: осадки — 338 мм, речной сток — 126 мм, испарение — 212 мм. Суммарные водные ресурсы составляют примерно 276 км³. Из них 190 км³ — это запасы, сосредоточенные в ледниках, 22 км³ — озера и водохранилища и только 64 км³ — речной сток. В течение года на территории страны в среднем выпадает 203 км³ воды в виде твердых и жидких осадков. Из них 156 км³ испаряется, 40 км³ стекает в крупные речные системы (Инд и Амударья) и 7 км³ теряется в песках Сеистанской впадины и Бактрийской равнины.⁵ На общем фоне «сухости климата» на территории Афганистана выделяются районы с достаточ-

¹ Установленная мощность всех действовавших к началу 1990-х гг. ГЭС равна 188,2 МВт. На выработку электроэнергии использовалось менее 1% ресурсов поверхностных вод. Потенциальные водно-энергетические ресурсы Афганистана оценивались примерно в 23000 МВт.

² См.: Вавилов Н.И., Букинич Д.Д. Земледельческий Афганистан. — Л., 1929.

³ Шульц В.Л. Реки Афганистана. Труды Среднеазиатского научно-исследовательского института. Вып. 42 (57). — Ташкент, 1968. Эта карта была использована при написании отчета Межведомственного Комитета по МГД ЮНЕСКО. — Мировой водный баланс и водные ресурсы Земли. — Л.: Гидрометеиздат, 1974.

⁴ В частности, в рамках известного Гильмендского проекта. — См.: Садриддинов З. Экономическая «помощь» США Афганистану на примере освоения Гильмендской долины// Афганистан: (вопросы истории, экономики и филологии). — Ташкент: Фан, 1978. — С. 33-38.

⁵ Игошин Н.И. и др. Норма стока рек, водный баланс и водные ресурсы Афганистана// Метеорология, климатология и гидрология. Межведомственный научный сборник Украины. Вып. 32. — Одесса: Мидина, 1995. — С. 137-163.

ным и даже с избыточным увлажнением. Наиболее обеспечены водой провинции Кунар, Бадахшан, Парвон и Тахор, их удельная водообеспеченность составляет соответственно 1200, 300, 250 и 220 тыс. м³/год на 1 км² площади. Для сравнения, в южных и юго-западных районах, занимающих большую часть страны, удельная водообеспеченность уменьшается в 20-100 раз. В провинции Газни удельная водообеспеченность равна соответственно 11 тыс.м³/год на 1 км² площади.¹

Площадь бассейна Амударьи на территории Афганистана составляет 242100 км², из них 191307 км² занимают горные области. На территории Афганистана формируется более 25% общих водных ресурсов Амударьи (2540 м³/с).²

В 1946 г. СССР и Афганистан подписали соглашение по Амударье, согласно которому последний имел право использовать до девяти кубических километров воды Пянджа. По некоторым оценкам, к настоящему времени Афганистаном используется около двух кубических километров.³ Годовой сток Пянджа составляет девятнадцать кубических километров, и полное использование Афганистаном своей квоты по соглашению 1946 г. коренным образом изменит сток воды в Амударье. В советский период Москва стремилась поддерживать потребление Афганистаном воды Пянджа на минимальном уровне путем содействия Афганистану в развитии орошаемого земледелия на юге. Тем более что площади орошаемого земледелия на севере сравнительно невелики (отчасти по причине рельефа).

В августе 2004 г. узбекской компанией «Узводзарубежстрой» и американской Lemna International (LI) был подписан протокол о намерениях о совместном восстановлении ирригационной инфраструктуры Афганистана. LI должна разработать схему финансирования проекта, общая сумма субсидий по которому оценивается в 85 млн. долларов. Ирригаторы Узбекской ССР работали в Афганистане с начала 1960-х гг. — в частности, на строительстве Джелалабадского ирригационного комплекса. В 1965-1970 гг. специалистами «Узводзарубежстроя» было проведено освоение дополнительных орошаемых земель на площади около 32 тысяч гектаров, в 1964-1970 гг. был сооружен гидроузел в провинции Газни.

¹ Игошин Н.И. и др. Норма стока рек, водный баланс и водные ресурсы Афганистана// Метеорология, климатология и гидрология. Межведомственный научный сборник Украины. Вып. 32. — Одесса: Мидина, 1995. — С. 137-163.

² Игошин Н.И. и др. Норма стока рек, водный баланс и водные ресурсы Афганистана// Метеорология, климатология и гидрология. Межведомственный научный сборник Украины. Вып. 32. — Одесса: Мидина, 1995. — С. 137-163.

³ Центральная Азия: вода и конфликт. Отчет № 34 МГПК — Азия, 30 мая 2002 г. — С. 32.

Техническая документация на большинство ирригационных объектов Афганистана хранится в архивах «Узводзарубежстроя», но активность Узбекистана в этой сфере объясняется еще и другим.

В январе 2002 г. японский «Global Infrastructure Fund» объявил, что считает невозможным спасение Аральского моря, и предложил направить усилия на максимальное увеличение выгоды для сельского хозяйства от водных ресурсов Сырдарьи и Амударьи, особое внимание уделяя Афганистану. Этот вопрос обсуждался в феврале 2002 г. на международной конференции доноров по Афганистану в Токио, но ни о каких решениях объявлено не было.¹ Инициатива японских экологов вызвала большое возмущение в Узбекистане. Первый заместитель председателя Хорезмского департамента мелиорации и водного хозяйства заявлял, например, что Узбекистан боится последствий для своих областей: «Помогая Афганистану, международное сообщество не должно забывать о нас... Не дай бог, нам придется давать воду еще и Афганистану. Что тогда будет с нами?».² Учитывая полную зависимость Узбекистана в вопросах водообеспечения от Таджикистана и Киргизии, любые изменения в структуре забора воды из Амударьи могут мгновенно поставить экономику Узбекистана на грань катастрофы. Хотя в современной ситуации представляется маловероятным, что какие-либо доноры смогут помочь Афганистану резко увеличить потребление воды из Пянджа и Амударьи, учитывая огромные ресурсы, необходимые для этого, а также политическое и экономическое воздействие на Центральную Азию.

Однако Афганистан не сможет восстановить свое сельское хозяйство, не увеличивая забор воды из Амударьи.³ Все дальнейшие инициативы в сфере управления водными ресурсами в Центральной Азии должны принимать в расчет возможные требования Афганистана. Наилучший способ удовлетворения таких требований — это подлинно региональные переговоры с участием всех стран, расположенных на Амударье и поиск принципиально новых взаимоприемлемых решений.

Столь же широкий региональный (и шире) характер имеет транспортная проблема, связанная с любой внешнеэкономической активностью. В первую очередь транспортный вопрос касается, конечно, стран-соседей.

¹ Тебин Н. Японцев беспокоит проблема Арала// Независимая газета. — М., 2003. — № 175 (3007), 22 августа. — С. 11.

² Центральная Азия: вода и конфликт. Отчет № 34 МГПК — Азия, 30 мая 2002 г. — С. 3.

³ Подробнее о традиционных системах орошения в Афганистане см.: Махмадшоев Р. Таджики Афганистана в новое время. Очерки истории, хозяйства и материальной культуры. — Душанбе: Дониш, 2001. — С. 76-85.

Налаживанию новых экономических связей Таджикистана, находящегося по большому счету в геоэкономической изоляции, препятствуют такие факторы, как удаленность республики от мировых транспортных артерий, высокая стоимость перевозок, отсутствие дорог, которые связывали бы Таджикистан с перспективными торгово-экономическими партнерами: Пакистаном, Индией, Ираном. Так, например, для того, чтобы отправить товары из Пакистана в Таджикистан, их необходимо перевозить морем через Суэцкий канал до черноморских портов Одессы и Новороссийска, затем железнодорожным транспортом через целый ряд стран — в Таджикистан. Хотя два государства разделяет лишь Ваханский коридор.¹ Немного отличается ситуация для Киргизии или даже Казахстана. Для всех трех названных центральноазиатских стран и, объективно, для России первостепенное значение имеет создание транспортных коммуникаций в направлении «Север-Юг», априори предполагающих использование территории и учет интересов Афганистана.

Отчаявшись дожидаться стабильности в Афганистане, в конце 1990-х гг. Китай и Таджикистан (при активном содействии Пакистана) форсировали проект строительства автодороги Мургаб—Каракорум. Уже к сентябрю 1998 г. участок автодороги до границы с КНР был открыт для «чернового проезда» автомобильного транспорта. 25 мая 2004 г. на перевале Кульма открылся автомобильный пограничный переход между Таджикистаном и Китаем. В соответствии с таджикско-китайским протоколом, подписанным в сентябре 2003 г., автомобильное сообщение через КПП Кульма—Карасу в качестве эксперимента открыто на летне-осенний период (с 1 мая до 1 октября). Официальные представители Таджикистана и Китая отмечали, что открытие КПП имеет большое значение для развития торгово-экономических отношений между двумя странами. В тот же день первый пассажирский микроавтобус отправился из Хорога в Кашгар по маршруту протяженностью 683 километра, предположительно этот маршрут должен быть регулярным и осуществляться пять раз в месяц.² Впрочем, вызывает сомнения — по крайней мере, в среднесрочной перспективе — экономическая целесообразность такой интенсивности сообщения Хорога с Кашгаром. Скорее всего, маршрут может с китайской стороны ограничиться Тошику (Ташкурганом), центром таджикской автономии СУАР КНР. Смысл данного сообщения состоит, в первую очередь, в развитии челночной торговли, объем которой будет ограничен рамками ГБАО.

¹ Подробнее см.: Сохибов Н. Коммуникационные проекты Республики Таджикистан// Центральная Азия и Кавказ. — Лулео, 1999. — № 2 (3).

² IRNA. — Dushanbe, 2004. — May, 26.

В перспективе таджикско-китайская автомобильная магистраль должна соединиться с Каракорумским шоссе, выходящим на Равалпинди, Кашмир и Карачи. Это придаст ей статус международной автомобильной транзитной магистрали, и превратит Таджикистан из тупиковой зоны в транзитную, с выходом к портам Индийского океана и странам Южной и Юго-Восточной Азии. В случае продолжения реализации проекта, этот путь, вполне вероятно, будет доступен и российским грузоотправителям. Речь идет о сообщении через Казахстан, Ташкент и западные области Китая в пакистанский порт Карачи на побережье Аравийского моря.

Этот маршрут существует в нескольких вариантах, из которых, видимо, станет в будущем главным только какой-то один.

Вариант 1. Ташкент—Худжанд—Душанбе—Хорог— Лянгар—Вахан— перевал Барогиль—Карачи. Этот маршрут — самый короткий. Его первый недостаток политически детерминирован сложными отношениями между Ташкентом и Душанбе. Другая сложность — отсутствие круглогодичного сообщения между Худжандом и Душанбе. Проблемным является и участок Душанбе—Курган-Тюбе—Калай-Кумб—Хорог, или Душанбе—Тавильдара—перевал Хабуработ—Калай-Хумб—Хорог. Оба варианта занимают до двух суток пути на автомобильном транспорте. Эти дороги являются сезонными, в зимнее время основные перевалы закрыты. Хотя значение этой трассы, особенно ее значительной части, проходящей в непосредственной близости от таджикско-афганской границы, трудно переоценить. В августе 2002 г. началось строительство первого моста через Пяндж, всего в рамках программы восстановления транспортного сообщения между Афганистаном и соседними государствами планировалось построить еще четыре моста через Пяндж. Закончено строительство моста в районе Хорога, в июле 2004 г. начал функционировать мост в с. Рузвай Дарвазского района ГБАО. Строительство осуществляется по инициативе и на средства «Agha Khan Development Network». Однако пока строительство этих мостов не решает основных коммуникационных проблем в этих регионах ввиду отсутствия транспортной инфраструктуры на афганской стороне и слабости этой инфраструктуры на стороне Таджикистана.

Весьма спорным является продолжение этого маршрута — через территорию Ваханского уезда Афганистана и перевал Барогиль. Обратимся к первоиспытателям: «Проход Барогиль самый доступный в хребте Гиндукуш. Он открыт в течение круглого года, имеет не более 12 тыс. ф. высоты и представляет седловину, шириною до 5 верст, покрытую отличной травой. Вследствие указанных свойств перевала и

принимая во внимание, что от него ведет удобная разработанная дорога по р. Архуни, следует признать, что проход Барогиль имеет выдающееся значение для движения с Памирского поста в Читраль, через который открывается самый легкий доступ в равнины северного Индостана. Для движения же к Гильгиту направление через перевал Барогиль менее удобно, так как оно более кружно и за проходом Барогиль имеется в этом направлении еще второй перевал — Даркот через параллельный кряж Гиндукуша. Перевал Даркот покрыт ледником, закрывается на ½ года... Важнейшие перевалы в западной части Гиндукуша — Дора и Мандаль. Они закрыты не более, как на 4 месяца в году...»¹ «... Перевалы через Гиндукуш, лежащие к востоку от Читральской стены и ведущие в Кашмирскую долину, несравненно более доступны, чем перевалы, ведущие в Кафиристан. Самым удобным из них считается Барагильский перевал, называемый Барагильской степью, который не только доступен большую часть года для лошадей и верблюдов с вьюками, но даже и для телег с кладью. От этого перевала одна дорога, по расспросам, весьма хорошая, ведет в Читральский город Мастучь, а другая, через города Ясин и Гилгит, к верховьям Инда и далее в долину Кашмира».²

В качестве контраргумента для использования этого направления обычно указывают на сложную военно-политическую ситуацию в Афганистане, хотя специалистам известно, что как раз Ваханский уезд в каких-либо военных действиях задействован в последние десятилетия не был. Строительство же дороги межгосударственного значения позволило бы заметно стабилизировать в данном регионе социально-экономическую обстановку на основе создаваемой параллельно дороге инфраструктуры. Соединение Ваханского уезда с Файзабадом позволило бы использовать этот путь и для потребностей экономики всего афганского северо-востока.

Вариант 2. Ташкент—Худжанд—Душанбе—Хорог—перевал Кульма—Каракорумское шоссе—Карачи. Открытие перевала Кульма³ является, собственно, этапом реализации этого варианта. Предполагает выход через Таджикистан в СУАР КНР и далее на Каракорумское шоссе, проходящее через территорию Джамму и Кашмир. Хотя на

¹ Путята Д.В. Краткий очерк Памира. — Добавление к СМА, вып. 7. — СПб, 1902. — С. 8-9. Цит. по: Русские путешественники в Афганистане/ Составители: Колесников А.А., Харатишвили Г.С. — Душанбе: Дониш, 1988. — С. 123.

² Поездка Генерального штаба полковника Матвеева по Бухарским и Афганским владениям в феврале 1877 г. — СМА, вып. 5. — СПб, 1883. — С. 49-50. Цит. по: Русские путешественники в Афганистане/ Составители: Колесников А.А., Харатишвили Г.С. — Душанбе: Дониш, 1988. — С. 137.

³ Для сравнения: высота перевала Барогиль — 3777 м, перевала Кульма — 4352 м.

данное направление приходится всего 20% экспортно-импортных потоков Пакистана, самому шоссе в Исламабаде придают колоссальное значение — до его постройки единственным связующим звеном между Пакистаном и внешним миром был порт Карачи, что делало экономику страны крайне уязвимой в случае военных действий.¹ Понятно, что для Пакистана это шоссе является ключевым и при любом обострении обстановки в Кашмире. Для КНР Каракорумское шоссе является звеном в воссоздании стратегического единства центральноазиатских государств. Создание системы, включающей две оси — Север-Юг (через Россию, Казахстан, Узбекистан, западные районы Китая и Пакистан) и Запад-Восток (через весь Китай, Среднюю Азию и Россию в Европу), — должно позволить Китаю эффективно контролировать соседние страны и обеспечить себе на случай войны независимость от морских коммуникаций, которые легко перерезать. В эту схему легко включается и еще один компонент. Летом 2003 г. была начата реализация совместного проекта (Иран, Афганистан и Таджикистан) по строительству транзитной автомагистрали Мешхед—Герат—Мазар-и-Шариф—Кундуз—Нижний Пяндж—Душанбе. Несмотря на постоянную напряженность в штате Джамму и Кашмир, Каракорумское шоссе — удобный и короткий путь в Южную Азию. Однако ни российские, ни казахские или узбекские компании маршрутом через Душанбе пользоваться не могут по политическим причинам. Автотрейлерами обычно (хотя и очень редко) используется объездной путь через территорию Киргизии: город Ош и таможенный пункт Иркештам.

Вариант 3. Ташкент—Андижан—Ош—Иркештам—Каракорумское шоссе—Карачи. Фактически это прямая линия из Ташкента на юг. Этот путь вряд ли будет интенсивно использоваться в обозримой перспективе. Во-первых, огромные инвестиции, направляемые Китаем в железнодорожное строительство в 2001-2005 гг. (350 млрд. юаней, или около 42 млрд. долларов) в рамках программы «Сибу да кайфа» («Западный поход»), предназначены прежде всего для достраивания Цинхай-Тибетской железной дороги и на совершенствование уже имеющейся железнодорожной инфраструктуры в СУАР (в частности, на севере СУАР, в направлении Урумчи-Дружба). Другими словами, ждать скорого строительства железнодорожной ветки и соответствующих терминалов с китайской стороны не приходится. Одной из причин низкой актуальности этого направления является и тот факт, что условия стро-

¹ Григорьев С.Е., Забелло Я.Ю., Чакеева М.У. Автодорога Ташкент-Карачи: для российских экспортеров открываются новые маршруты// Новые рынки. — М., 2002. — № 4 (август). — С. 14-16.

ительства (железнодорожного отрезка) обставлены крайне невыгодно для Киргизии (например, склонность китайской стороны к строительству нетрадиционной узкоколейной дороги). Да и в целом этот маршрут для Китая сориентирован в первую очередь на Узбекистан, Киргизия же по условиям контракта мало что получает даже от транзита. Для Киргизии приоритетное значение имеет осуществление проекта ККЖД, ветки трансасиатской железнодорожной магистрали (в рамках проекта ТРАСЕКА) Кашгар—Торугарт—Джалал-Абад. По этому поводу парламентом был даже принят закон «О приоритете строительства железнодорожной линии Балыкчы—Джалал-Абад—Торугарт с выходом в Китай».¹

В России любой из трех указанных маршрутов мог бы быть интересен экспортерам и импортерам Урала и Западной Сибири, работающим со странами Азии, и финансово-промышленным группам, которые собираются выходить на рынок автоперевозок в Средней Азии. Маршрут через Казахстан, Ташкент и Каракорумское шоссе — самый короткий маршрут в Пакистан (и в Индию тоже, что по политическим соображениям, однако, неосуществимо), а также, через порт Карачи, в страны Персидского залива, Сингапур, Бангладеш, Малайзию и Индонезию. Кроме того, это самый короткий путь в западные, центральные и отчасти южные провинции Китая. Доля перечисленных регионов в общем грузообороте регионов Урала и Западной Сибири со странами Азии составляет (в зависимости от области) от 10% до 30%. Основные грузопотоки из Сибири и Урала в Азию идут через балтийские, черноморские и дальневосточные порты. Часть грузов в Китай отправляется по Забайкальской железной дороге и около 5% — через Казахстан.² Каракорумское шоссе и автодороги Средней Азии являются частью проекта, начатого в 1992 г. Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО, UN ESCAP). Проект включает создание сети автодорог — «Азиатского шоссе» (Asian Highway, АН) и трансасиатской железной дороги (Trans-Asian Railway, ТАР). Россия участвует только в одном из подпроектов — создании коридора авто- и железных дорог от Корейского полуострова через Китай, Монголию, Казахстан и Белоруссию в Европу. Южные маршруты, связывающие Китай и страны Юго-Восточной Азии с Европой, пройдут, как предполагается, мимо российской территории. Эта ситуация во многом вполне

¹ Куда повернется транспортный вектор республики?// Рынок капиталов. — Бишкек, 2003. — № 5 (55), май. — С. 27-30.

² Григорьев С.Е., Забелло Я.Ю., Чакеева М.У. Автодорога Ташкент-Карачи: для российских экспортеров открываются новые маршруты// Новые рынки. — М., 2002. — № 4 (август). — С. 14-16.

устраивает правительства стран Центральной Азии. Уничтожив в первые годы независимости собственную экономическую базу, созданную в советское время, местные политические элиты оставили себе только одну возможность для поддержания собственного благополучия — воспользоваться более или менее благоприятным географическим расположением и получать дивиденды от транзита. Поскольку производимые в самих этих странах товары на мировых рынках не востребованы, остается одно — транспортировка чужих товаров. Эта ситуация попросту эксплуатируется, используется внешними политическими центрами в своих — не столько, может быть, экономических, сколько военно-политических — целях. Именно из этого обстоятельства проистекает несоизмеримо высокая актуализация вопроса о транспортных коридорах в конце 1990-х гг. Впрочем, как раз в Афганистане местные товары при разумной ценовой политике могут оказаться востребованными.

Разговор о коммуникациях, имеющих отношение к Афганистану, не был бы абсолютно полным и еще менее был бы компетентным без рассмотрения возможностей знаменитого «Памирского тракта». Дорога (М-41) Ош—Мургаб—Хорог была построена в 1930-х гг., неоднократно реконструировалась и совершенствовалась в советское время. По Памирскому тракту уже после распада СССР осуществлялось снабжение российских пограничных отрядов и других воинских частей. С этой целью в г. Ош специально был дислоцирован на постоянной основе российский автомобильный батальон (в/ч 3333). За счет российских дотаций работали дорожно-эксплуатационные управления, постоянно поддерживавшие трассу в рабочем состоянии. Судьба ошского российского автобатальона, как и самой трассы, становится неясной в связи с выводом российских пограничных отрядов с Памирского участка.

Протяженность участка Ош—Хорог составляет 817 км, общая протяженность от Оша до афганского Файзабада — примерно 1100 км. Преобладающая часть участка Ош—Хорог за исключением перевальных участков¹ имеет хорошее асфальтовое покрытие. От пограничного пункта пропуска «Ишкашим» в Мургаб идет одно из ответвлений трассы — через таджикский Ишкашим вдоль границы. Участок Ишкашим—Файзабад, протяженностью около 300 км проходит в основном на высоте около 3000 м, покрытие грунтовое, среднего качества. Дорога Ош—Хорог—Файзабад действует круглый год, это единственная круглогодичная наземная дорога через Памир. Серьезная ее реконструкция

¹ На трассе расположено несколько перевалов средней и высокой сложности: Кой-Тезек (4271 м), Найза-Таш (4137 м), Харгуш (4165 м), Ак-Байтал (4655 м), Кызыл-Арт (4280), Талдык (3615).

была проведена в январе-феврале 2002 г. в связи с реализацией МЧС России, Киргизии и Таджикистана гуманитарных поставок в Файзабад по программе WFP. Трасса Ош—Хорог—Файзабад активно использовалась в ходе реализации этой программы с января 2002 г. до весны 2003 г. Имея в виду наличие в Оше (станция Кара-Суу) железнодорожных подъездных путей, можно утверждать о достаточно высоком потенциале «Памирского тракта» не только в военно-стратегическом, но и в экономическом отношении.

В обозримой перспективе Афганистан — страна преобладающего импорта. Традиционные для афганского экспорта статьи — такие как орехоплодная продукция, ковры и каракуль — вряд ли займут сколько-нибудь значимое место в экспортно-импортной структуре. Что же касается импорта, то в Афганистане востребовано буквально все. Простой опрос бизнесменов и чиновников в Кундузе, Талукане и, особенно, в Файзабаде, говорит о дефиците любых товаров, особенно российского производства либо производства стран СНГ. Во всех провинциальных центрах северо-востока есть бизнесмены, работающие через банки в Кабуле, Мазар-и-Шарифе, Пешаваре, Мешхеде, Душанбе.¹

Местными властями установлен и определенный порядок регистрации и деятельности юридических лиц для осуществления хозяйственно-экономической деятельности в Афганистане. После подачи заявления, в котором должны быть указаны цели и задачи создания организации, в местное (региональное) отделение министерства планирования, местное отделение министерства планирования составляет все необходимые документы, в т.ч. устав, и направляет для регистрации в Кабул. Участвовать в таких организациях могут граждане Афганистана и других государств. Региональное отделение министерства планирования по северо-востоку (исследованные четыре провинции) находится в г. Кундузе. После оформления документов министерство планирования представляет организацию международным финансовым организациям и определяет направление, в котором организация будет работать. Организация может участвовать в тендерах и получать сред-

¹ В Талукане это, например, «Farhar Bastan LTD» и «Nesar-Ansar LTD», с годовым объемом продаж свыше 500 тысяч долларов, каждая имеет офисы в Кабуле, Мазар-и-Шарифе и Талукане. Перевозки осуществляют из Ирана автомобильным транспортом, из Казахстана и Узбекистана железной дорогой до Термеза-Хайратона и далее автомобильным транспортом. Расчеты производят через частные коммерческие банки в Кабуле и Мазар-и-Шарифе. Часть расчетов производят за наличные. Там же работают «Masbub LTD» — поставщик ГСМ, арматуры и других стройматериалов из Узбекистана, и «Gadir Nadir Co. LTD», специализирующаяся на поставках в Тахор продуктов питания, минеральной воды и других напитков. Частная специализированная фирма «Fakharistan Construction Company LTD» занимается строительством дорог и постоянно испытывает потребность в строительной технике.

ства на реализацию своих проектов. Основные направления деятельности, финансирующиеся при содействии министерства планирования — строительство и ремонт школ, строительство и реконструкция дорог, строительство больниц, работы по ирригации и мелиорации, строительство и реконструкция электростанций, объектов связи, газоснабжение, строительство промышленных объектов, которые обеспечат население рабочими местами.

Впрочем, за прошедшее после падения режима талибов время все программы международной помощи по развитию экономической сферы, как и ассигнования центрального (кабульского) правительства для северо-восточных провинций, остаются пока лишь программами благих намерений и вожделений. Объективно, стержнем всех программ по восстановлению Афганистана должны являться проекты развития сельскохозяйственного производства и ликвидации нехватки продовольствия. Упор же на структурные преобразования, главными из которых считаются развитая банковская система и условия для инвестиций, в условиях, когда не решены насущные экономические задачи: восстановление городов и инфраструктуры, устройство беженцев и восстановление производства, в этих условиях и банковская система, и инвестиционный климат оказываются не вполне востребованы.

Яркой иллюстрацией несоответствия «восстановительных» проектов США объективным потребностям восстановления экономики и страны в целом является политика, связанная с дорожными коммуникациями. В рамках финансируемых США проектов восстанавливаются главные, магистральные дороги. Внутренняя дорожная система восстановительными работами почти не затронута. Не планируются, например, к восстановлению автодороги Шинданд — Бамиан и Герат — Шиберган. Точно так же во время советского военного присутствия в Афганистане строились и восстанавливались те дороги, которые были важнейшими каналами снабжения 40-й армии.¹ Внутренняя дорожная сеть, в том числе дороги Шинданд—Бамиан и Герат—Шиберган, не использовались для этого. Восстанавливаемые американцами автодороги Кабул—Газни— Калат-и-Гильзаи—Кандагар, Кабул—Джелалабад—Турхам, Кабул—Пули-Хумри—Мазар-и-Шариф, Герат—Калай-и-Нау—Меймане, Чарикар—Бамиан, Андхой—Мазар-и-Шариф и Мазар-и-Шариф—Хайратон имеют первостепенное значение для поддержания над территорией страны военного контроля. Фактически, это транспортное разобщение страны в интересах поддержания контроля американских войск над территорией страны.

¹ Верхотуров Д. Как «мировое сообщество» восстанавливает Афганистан. Часть 2. — По URL: <http://www.afghanistan.ru>

Динамика финансовых затрат стран-доноров в Афганистане¹:

Год	План афганского правительства (млн. долл.)	Участие стран-доноров (млн. долл.)
2002	1718	537
2003	2179	371
2004	3666	176

В этих условиях предприятия стран бывшего СССР, вознамерившиеся работать в Афганистане, даже не имея особо крупных инвестиционных возможностей, имеют определенные практические — технологические, кадровые и некоторые иные — преимущества: при технико-экономическом содействии Советского Союза в стране было построено 193 экономических объекта, причем наиболее крупные из ныне существующих. Большинство из них за годы войны были не разрушены, а просто запущены, их необходимо переоснастить, модернизировать и пустить в эксплуатацию. Для этого требуются инженерно-технические кадры, сравнительно небольшой объем оборудования и запасных частей.² И, вероятно, не слишком большие инвестиции. И это — несмотря на то, что России и другим странам бывшего СССР отведена далеко не первая роль среди внешних игроков на афганском поле (недаром Карзай, находясь в Москве, не раз упоминал советскую оккупацию страны 1979-1989 годов как фактор, приведший к бедственному положению народа³). С данным политическим обстоятельством связано и следующее, уже почти бесспорное, условие — в экономической деятельности постсоветских государств в современном Афганистане бессмысленно рассчитывать на освоение средств каких-то международных спонсоров, включая и ООН, выделение которых опосредуется целым рядом факторов политического свойства. Так, предприятием «Узавтойул» были получены контракты на восстановление и строительство мостов на автотрассе Кабул — Хайратон. Планируется также участие предприятий Узбекистана в строительстве железнодорожной ветки протяженностью 68 км от Хайратона до Мазар-и-Шарифа.⁴

Другое дело, что реальные возможности местных администраций афганских провинций и, особенно, неформальных авторитетов, не так

¹ Верхогуров Д. Как «мировое сообщество» восстанавливает Афганистан. Часть 1. — По URL: <http://www.afghanistan.ru>

² Коргун В. Россия и Афганистан// Internationale Politik. — 2002. — № 3.

³ Коргун В. Россия и Афганистан// Internationale Politik. — 2002. — № 3.

⁴ РИА «Новости». — Ташкент, 2003. — 4 сентября.

уж малы.¹ Готовность местных администраций к содействию в реализации проектов и коммерческих сделок можно было бы оценивать как довольно высокую, если бы не обстоятельство, о котором уже шла речь в начале статьи. Это — непредсказуемая сменяемость региональных чиновников. В этом — еще один аргумент в пользу того, что гарантировать безопасность всей экономической деятельности, а также коммуникаций и транспортировки грузов, соблюдение таможенных процедур, легитимность форм и методов финансовых расчетов могут в основном реальные лидеры, пусть и не всегда обладающие формальной властью.

Без разговора о безопасности любые рассуждения об экономической деятельности в стране, находящейся в состоянии войны, вообще бессмысленны. Важно отметить, что в рассматриваемом регионе проблема безопасности далеко не столь остра, как, скажем, в центральной части страны и, особенно, на юге и юго-востоке. Сохранение такого положения легко прогнозируется и в обозримой перспективе даже в том случае, если военное противостояние между правительством Карзая и таджикскими формированиями бывшего Северного альянса окажется реальностью. Рассматриваемый регион в этом случае почти традиционно оказывается тыловым. В Афганистане весьма актуальна проблема межэтнических противоречий, поэтому при выборе региона для экономической деятельности, или, например, при подборе кадров, необходимо соблюдение этнического баланса и этнических интересов. Весьма актуально это условие для Кундуза и Тахора. В районах компактного проживания выходцев из советской Средней Азии могут быть сильны религиозные настроения, там может присутствовать и негативное отношение к приезжим из бывшего СССР. Напротив, в Бадахшане и Баглане обычно имеет место очень доброжелательное отношение к деятельности специалистов из стран бывшего СССР. Население Бадахшана (за исключением небольшого ряда сельских местностей и небольших городков, где проживает ортодоксальное суннитское население) в целом настроено по отношению к деятельности каких-либо иностранцев и, в частности, из стран Центральной Азии доброжелательно. В исмаилитских районах религиозный фактор как таковой практически не влияет на экономическую деятельность.

Экономическая двусторонняя активность на локальных уровнях в какой-то мере, наверное, усугубит традиционный афганский региона-

¹ По информации представителя МИД в Кундузе Нурулло Нурулло, имеет место и такое, весьма своеобразное, явление как стремление некоторой части представителей криминального бизнеса (скупка и перепродажа наркотических веществ) к легализации (отмыванию) капиталов путем их вовлечения в легальный оборот, в том числе — вложения в производство, строительство, легальную торговлю.

лизм. Однако с точки зрения государственных и национальных интересов стран постсоветской Центральной Азии и России несоизмеримо более важными представляются любые позитивные перемены в экономической ситуации в провинциях, граничащих с постсоветским пространством.¹ Экономическое развитие, влекущее создание рабочих мест и повышение уровня жизни, способно создать в указанных провинциях своеобразную полосу безопасности, население и, особенно, традиционные лидеры которых будут больше заинтересованы в экономическом сотрудничестве, нежели в той или иной деструктивной деятельности.

¹ Автор разделяет точку зрения на государственные и национальные интересы, как исторические категории, в том, что они определяются в современном мире на основе разумного национального эгоизма. — См. подробнее: Шевцов В.С. Государственный суверенитет (вопросы теории). — М., 1979. — С. 167-168.

Афганистан на начальном этапе независимого развития (1920-е годы): центральноазиатский контекст внутренней и внешней политики¹

В.С. Бойко

Проблемы современной истории Афганистана привлекали внимание исследователей различных научных школ: историю общественной мысли этой страны XIX — первой половины XX вв. подробно исследовал таджикский востоковед Ш. Имомов,² особенности общественных движений накануне восстановления и в первые десятилетия независимости — классик среднеазиатской ветви мировой афганистики Х.Н. Назаров,³ социальные и внешнеэкономические аспекты афганской истории рубежа XIX — XX вв. стали предметом научных изысканий столь же блестящего представителя Средней (Центральной) Азии М.А.Бабаходжаева.⁴ Многоплановое и основательное исследование влияния афганского фактора на ситуацию в сфере безопасности Центральной Азии на протяжении XIX — начала XXI вв. предпринял А.А. Князев.⁵ Подход российского академического сообщества к социально-политическим проблемам позднемонархического и республиканского (анархического/теократического) Афганистана наиболее полно представлен в трудах В.Г. Коргуна,⁶ хотя в последние годы появились немногочисленные, но достаточно интересные работы исследователей нового поколения, например Ю.В. Босина.⁷ В зарубежной (западной и восточной) афганистике со времени выхода в свет солидного, хотя и не безупречного в научном и политическом отношениях двухтомника П. Сайкса⁸ появилось не так много публикаций обобщающего характера, будь то обзорные или проблемно-тематические работы. Уникальным по панорамности и взгляду на афганскую историю, в особенности на события первой трети XX в., можно считать очерк известного индо-

¹ Данное исследование проведено при частичной поддержке Британской академии — SG 32383.

² Имомов Ш. История общественной мысли Афганистана во второй половине XIX — первой половине XX века. — Москва-Душанбе, 2001.

³ Назаров Х.Н. Социальные движения 20-х годов в Афганистане. — Душанбе, 1982.

⁴ Бабаходжаев М.А. Очерк социальной истории Афганистана начала XX века. — Ташкент, 1975.

⁵ Князев А.А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI в.). — Душанбе: Дониш, 2004.

⁶ Коргун В.Г. Афганистан: политика и политики. — М., 1999; его же: История Афганистана. XX век. — М., 2004.

⁷ Босин Ю.В. Афганистан: политическое общество и государственная власть в историческом контексте. — М., 2002.

⁸ Sykes, Percy. A History of Afghanistan. — V. 1-2, 1940.

мусульманского просветителя Абдул Гани — увы, его произведение, до сих пор практически не введенное в научный оборот, увидело свет спустя многие годы после смерти автора.¹ Своего рода сенсацией по обстоятельствам появления и в меньшей степени — по содержанию, стала публикация в начале 2000-х гг. второго (посмертного) тома книги ведущего афганского историка М.Г.М. Губара «Афганистан на пути истории».²

Но по ряду причин существующая историография проблемы, основной для данного исследования, распадается на сюжетные, тематические и другие «блоки», каждый из которых не создает сколько-нибудь цельного представления о происходящих в Афганистане процессах. Из-за нехватки достоверных источников особую сложность для изучения представляет один из самых противоречивых периодов новейшей истории Афганистана — 1920-е гг., вместившие в себя целую историческую эпоху: восстановление государственной независимости, смелый, но неудачный реформаторский эксперимент Аманулла-хана, гражданскую войну и многое другое. В этом периоде коренятся как причины последующих социально-политических конфликтов, так и истоки созидательных процессов, заложивших прогрессивную перспективу для афганского государства и общества в XX в.

Целью предлагаемого очерка является реконструкция и оценка (переоценка) некоторых важных явлений афганской истории после смены политического режима и восстановления полной государственной независимости Афганистана в 1919 г. Особое внимание уделяется центральноазиатскому контексту афганских событий, то есть роли центральноазиатского фактора во всех его проявлениях (отношения Афганистана с северными соседями, миграционные процессы и пр.) на ход и исход эпохи Аманулла-хана — одного из важнейших периодов современной истории всего гигантского региона Центральной, а отчасти и Южной Азии, а также Среднего Востока.

1. Борьба за выбор путей развития Афганистана в первые годы независимости и центральноазиатский фактор

В конце февраля 1919 г. в Афганистане в результате убийства эмира Хабибулла-хана возникло кратковременное двоевластие: в Джелалабаде провозгласил себя новым правителем сардар Насрул-

¹ Ghani, Abdul. A Brief History of Afghanistan. — Lahore, 1989.

² Ghobar M.G.M. Afghanistan in the Course of History. Vol. Two. — Herndon, 2001.

ла-хан¹, брат покойного, а в столице о своем праве на престол заявил сын убитого монарха, принц Аманулла-хан. Победителем в борьбе за власть стал Аманулла — ему присягнул кабульский гарнизон и оказали поддержку наиболее влиятельные пуштунские племена. Оказавшись у власти в силу чрезвычайных обстоятельств, Аманулла-хан фактически не был готов руководить страной, хотя и стремился к этому в силу своей амбициозности и искреннего желания изменить положение дел в стране. Генератор идей и сторонник Махмуд-бека Тарзи, идеолога реформ и просветителя, активно пропагандировавшего турецкий опыт, новый эмир не мог, однако, грамотно осуществлять свои или чужие планы перестройки Афганистана на современный лад. Как отмечали наблюдатели, серьезным просчетом Аманулла-хана, особенно очевидным на начальном этапе его деятельности, было игнорирование племенного фактора и в целом наивно-романтический подход к государственным делам.² Формирование и проведение курса, наиболее соответствующего в тот момент нуждам страны, затруднялось наличием в правящих кругах нескольких группировок. Одна из них ассоциировалась с матерью Аманулла-хана, Улья Хазрат, и придерживалась традиционных взглядов. Англофильская ориентация была кредо группы Шир Ахмад-хана и Али Ахмад-хана. Прогрессивной ориентации придерживались *младоафганцы* — патриотически и реформаторски настроенные политики, обще-

¹ Претензии Насрулла-хана можно объяснить договоренностью 1901 г., о которой рассказал в своей «Краткой истории Афганистана» доктор Абдул Гани. После смерти эмира Абдурахман-хана в 1901 г. возник вопрос о престолонаследии. Сам Абдурахман-хан полагал, что престол должен перейти к достойнейшему, которого определит он сам перед смертью или выберут наиболее влиятельные лица страны. Наиболее подходящим кандидатом считался старший сын эмира Хабибулла-хан, но его мать по своему происхождению не принадлежала к королевской семье. Претензии на трон имел и другой сын эмира, принц Насрулла-хан. Предотвратить схватку за власть сумел влиятельнейший сардар Абдул Куддус-хан Эттемади — он достиг компромисса между братьями: Хабибулла унаследовал трон, а следующим претендентом объявлялся Насрулла, а не кто-либо из сыновей нового эмира. Договоренность об этом была подписана Хабибуллой-ханом на коране. См.: Ghani, Abdul. A Brief History of Afghanistan. — Lahore, 1989. — P. 597. Н.М. Гуревич, известный советский специалист по экономике Афганистана, полагал, что события 21-28 февраля 1919 г. были «младоафганским переворотом», но имеющиеся в распоряжении исследователей факты и документы позволяют считать такое заключение слишком категоричным. — Гуревич Н.М. Афганистан: некоторые особенности социально-экономического развития (1919-1977). — М., 1983. — С. 48.

² Абдул Гани, длительное время проживший в Афганистане и хорошо знавший особенности афганского общества, со скепсисом оценивал управленческий потенциал Аманулла-хана и его жизненный опыт в момент восхождения на престол. Он также считал, что и взгляды идейного учителя Амануллы, Махмуд-бека Тарзи, далеко не во всем отражали реальную ситуацию, сложившуюся в афганском обществе на исходе второго десятилетия XX в. В частности, его насторожило идеализированное представление Тарзи о пуштунских племенах как о единой нации. Сам же Абдул Гани, внесший значительный вклад в дело просвещения и прогресса в Афганистане, полагал, что «объединение афганских племен должно быть необходимым условием развития, но оно возможно лишь в условиях мирного управления и прогрессивной системы общественного просвещения, на что понадобится минимум полвека». — Ghani, Abdul. A Brief History of Afghanistan. — Lahore, 1989. — P. 733.

ственные деятели и частные лица, вдохновленные идеями прогресса и сделавшие ставку на молодого эмира. Сам Аманулла не торопился отождествить себя ни с одной из этих либо какой-то другой группировкой, претендуя на роль независимого лидера, способного единолично либо при незначительном постороннем участии править обремененной проблемами страной.

Будучи чрезвычайно амбициозным и противоречивым правителем и человеком, нередко игнорирующим советы своего окружения и аргументы оппонентов, он, сознательно или интуитивно, все же правильно определил целый ряд направлений своей внутренней и внешней политики. Обстоятельства прихода Амануллы к власти и особенности международного положения Афганистана после первой мировой войны обусловили чрезвычайную активность нового эмира и приоритетность внешнеполитических проблем. Именно поэтому первым важнейшим актом Амануллы стало восстановление полной государственной независимости страны. Выпадение Афганистана из британской зоны влияния стало возможно, благодаря изменившейся международной обстановке, в данном случае — социально-политическому кризису в Британской Индии и опасениям британских имперских кругов потерять весь южноазиатский регион. Столь высокие ставки на новом витке «Большой игры» в Азии предопределили кратковременность третьей англо-британской войны 1919 г. и ликвидацию прямого британского контроля над внешней политикой Афганистана. Подписание осенью 1919 г. прелиминарного, а в 1921 г. и полноформатного мирного договора юридически закрепило новый международный статус Афганистана как независимого государства. Сам факт объявления войны англичанам в форме джихада, а также стремление объединить пуштунские земли по обе стороны линии Дюранда на первых порах обеспечил Аманулла-хану поддержку духовенства.

Другим важным шагом правительства Аманулла-хана было установление в 1919 г. дипломатических отношений с Советской Россией и перевод их в 1921 г. на договорно-правовую основу. Развитие афгано-российских отношений не было поступательным и беспроблемным, скорее наоборот, — и во времена Амануллы в этой области возникали кризисы, хотя общий ход и тенденции взаимодействия РСФСР/СССР и Афганистана являли собой уникальный по тем временам пример мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Но реальные факты из их истории свидетельствуют, что антиимпериализм Аманулла-хана вполне уживался с антисоветизмом, сочетаемым с панисламистскими проектами, прямо предусматривавшими аннексию чужих территорий. На начальном этапе существования режима Ама-

нулла-хана внешняя политика афганского правительства отличалась непоследовательностью. Так, в частности, одним из ее направлений стал панисламизм в форме поддержки различных этно- и религиозно-политических движений Центральной Азии, предусматривавшей в конечном счете создание центральноазиатской конфедерации/федерации в составе бывшего Хивинского и Кокандского ханств, Бухарского эмирата и самого Афганистана. Уже в декабре 1919 г. новые афганские власти установили связи с предводителем ферганских повстанческих групп Мадамин-беком, то есть взяли курс на поддержку антисоветской оппозиции. Одновременно (в основном, кулуарно) они обозначили территориальную проблему — их территориальные претензии к России в совокупности представляли собой не что иное, как план выдвижения афганской границы параллельно среднеазиатской железной дороге. «Идея самодержавности и *домашнего империализма* (курсив мой. — **Б.В.**), сводящегося к объединению Бухары, Ферганы и Туркестана под руководством Афганистана, объективно льют воду на мельницу наших врагов. В военном отношении эта комбинация не опасна — мы уверены, что нам удастся ее расстроить. Однако она дезорганизует нас в Туркестане и соседних государствах»,¹ — говорилось в письме Турккомиссии ЦК РКПб в Москву (январь 1920 г.). Ее члены считали, что помешать афганским планам могла бы изоляция перечисленных административно-государственных образований от Афганистана через предоставление «независимости» Бухаре, автономии Туркмении и т.п., что отчасти и было сделано.

Афганское же руководство продолжало придерживаться противоречивой, отнюдь не дружественной линии по отношению к России: так, 25 октября 1920 г. премьер-министр Абдул Куддус-хан на собрании в Кандагаре зачитал фарман Аманулла-хана, в котором говорилось, что русские всегда были врагами ислама.

Политическая активность режима Аманулла-хана в Центральной (Средней) Азии с наибольшей очевидностью проявилась в начале 1920-х гг., особенно в период мятежа в Восточной Бухаре² и выступления турецкого националиста Энвер-паши, закончившейся серьезным поражением басмаческого движения и гибелью самого Энвера. Как

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). — Ф. 17. — Оп. 84, д. 80, л. 14-15.

² События начала 1920-х гг. в Бухаре стали результатом целого комплекса причин, в числе которых серьезные экономические просчеты советской власти. Постоянный представитель РСФСР в БНСР откровенно обозначил формулу кризиса: «Посадили Бухару в бутылку, закупорили пробкой и хотели, чтобы «независимая-самостоятельная» процветала... Что же будет делать дехканин, освобожденный от посевов хлопка, выделки каракуля, шерсти и сбора солодкового корня, — больше ни к чему не приспособленный? — Идет в басмачи». — РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 84, д. 338, л. 30, 34.

следует из записей Али Ахмада, личного секретаря Аманулла-хана, для поддержки Энвер-паши Аманулла направил в Бухару подразделение в 200 пехотинцев с двумя слонами и несколькими пулеметами под командованием бригадира Фазль Ахмад-хана¹. Факт участия афганцев в бухарских событиях подтверждал и советский посол в Кабуле Ф. Раскольников — он, ссылаясь на данные консульства в Мазари-и-Шарифе, сообщал о «блудливых похождениях афганцев в Бухаре» (от 300 до 2000 штыков).

Не меньшим потрясением для советской стороны стало направление афганцами к северной границе образцового полка («кита-и намуна»), подготовленного на советские же средства и с помощью турецких инструкторов, часть из которых находилась на тайном содержании советского полпредства в Кабуле. Вслед за этими частями на север планировалось отправить три полка гвардейской кавалерии («шахи»), что уже означало подготовку к войне. Ф. Раскольников, вблизи наблюдая процессы, происходившие в Афганистане в начале 1920-х гг., заключал, что авантюризм афганских властей зиждется на неверном представлении о ситуации в России — «такая искаженная перспектива подталкивает алчный империализм молодого, еще не ставшего на ноги государства к немедленному захвату плохо лежащей, по их мнению, Восточной Бухары, давно являющейся заветной мечтой эмира»².

Для ведения активной пропаганды в Российском Туркестане и «предупреждения русской агрессии» в северные области Афганистана были направлены специальные эмиссары центрального правительства: Надир-хан — в Бадахшан, Мухаммад Ибрагим-хан — в Мазари-Шариф, Шуджа уд-Даула — в Герат (Шуджа, входивший в близкий круг эмира и бывший к тому времени министром общественной безопасности, получил назначение на пост генерал-губернатора Герата).

В 1919-1920 гг. афганское правительство из соображений «исламской солидарности» с готовностью принимало беженцев из советизируемых областей Средней Азии — им предоставлялась земля, другие виды поддержки. Например, в Афганском Туркестане туркменам-беженцам по приказу министра юстиции оказывалась материальная помощь (3,5 пуда пшеницы ежемесячно и единовременное пособие в 30 рупий на каждого члена семьи)³. Но при этом эмигранты — туркмены, бухарцы и

¹ India Office Library and Records, L/P&S/10/1285, Ali Ahmad. The Fall of Amanullah. — P. 20back.

² РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 84, д. 405, л. 6. Истины ради следует отметить, что афганское руководство, направляя войска на север в 1922 г., помимо военно-стратегических соображений, руководствовалось и экономическими — в Мазари-Шарифской провинции был собран в тот сезон хороший урожай, тогда как в Кабульской и Кандагарской был недород, и содержание там воинских частей было проблематичным.

³ РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 84, д. 338, л. 91.

др. — в обязательном порядке разоружались и должны были мирно интегрироваться в местную жизнь. Однако в 1922 г. ситуация изменилась — они стали рассматриваться как весьма перспективный военно-политический ресурс: им возвращалось оружие, из их числа создавались боевые группы и целые отряды. В среде туркмен и других этнических групп афганско-российского приграничья культивировалась идея установления автономии или даже создания независимых государств (например, путем объединения туркмен Закаспия, Хивы, Бухары и Персии — Туркмении).¹ Судьба спорных, с точки зрения афганцев, Кушкинского района и Пендинского оазиса, должна была решаться в ходе плебисцита. Однако российская сторона не допускала такой постановки вопроса по историческим и тогдашним геополитическим соображениям: строго говоря, эти районы никогда не принадлежали Афганистану, а передача их (в том числе крепости Кушка) резко ухудшала бы военно-политическую ситуацию в российском приграничье с преимущественно туркменским населением.²

Правительство Аманулла-хана выставляло непомерные требования и к вновь возникшим на территории Средней Азии государственным образованиям, в частности, к формально независимой до конца 1922 г. Бухарской Народной Социалистической Республике: ее руководитель Ф. Ходжаев докладывал 3-му Всебухарскому курултаю о желании афганцев «установить в крупных городах Бухары религиозные представительства для контроля над тем, совершает ли население намазы или нет».³ В этом же списке был призыв не прокладывать железную дорогу

¹ РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 84, д. 338, л. 84. В 1919 г. российско-афганские противоречия по поводу судьбы среднеазиатских окраин бывшей Российской империи были столь остры, что англофоб Аманулла пытался договориться с англичанами об их помощи Бухаре и Хиве. С просьбой такого же рода обращался к британскому послу в Кабуле Хэмфрису Махмуд Тарзи, глава афганского дипломатического ведомства. Тарзи предложил идею создания буферного государства между Афганистаном и Россией и для этой цели просил у англичан 6 тысяч винтовок. Оба раза афганская сторона получала отказ. — Magwat, Fazal-ur-Rahim. *The Evolution and Growth of Communism in Afghanistan (1917-1979): an Appraisal.* — Karachi, 1997. — P. 93

² РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 84, д. 241, лл. 25-26. В докладе на имя Постоянного представителя РСФСР в Афганистане, датированном 10 февраля 1922 г., военный секретарь при Полпредстве Э. Рикс писал: «Допуская вполне, что наше наступательное движение на юг и юго-восток ... прекратилось на долгое время и в Кушке, как в операционной базе, необходимости не представляется, я в то же время не могу согласиться на передачу ее Афганистану, правительство которого никогда не заслуживало полного доверия и которое вело двусмысленную политику даже в моменты наилучших дружественных взаимоотношений, благодаря идеям панисламизма, которое всячески наталкивало и будет наталкивать афганцев на мысль о легкой возможности воспользоваться нашими территориями в Туркестане и Закаспии». — РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 84, д. 241, л. 21.

³ РЦХИДНИ. — Ф. 7. — Оп. 84, д. 339, л. 33-34.

в Восточную Бухару, не иметь крепостей и гарнизонов в приграничных с Афганистаном областях. Разумеется, такие настроения и планы афганской стороны были известны советскому руководству — летом 1922 г. оно было готово заморозить свои обязательства по российско-афганскому договору (поставки оружия и техники и др.). В июне афганскому посланнику в Москве был заявлен протест по поводу провокационных действий его страны в Бухаре, но, в конечном счете, изменение положения в этом регионе (разгром войск Энвер-паши и гибель его самого), с одной стороны, а также британская активность в Северо-Западной пограничной провинции Индии заставили Аманулла-хана пересмотреть свою политику в Средней Азии.

2. Первые опыты левого радикализма в Афганистане

Зигзаги внешней политики «аманистского» режима на начальном этапе его существования побуждали северного соседа — Советскую Россию — предпринимать контрмеры или следовать двойным стандартам при проведении курса в отношении Афганистана. Факты показывают, что афганская политика России тех лет также не была свободна от заблуждений. Одним из таких заблуждений в 1919 — начале 1920-х гг. стало создание и поддержка афганских группировок леворадикального направления. Зарождение этого феномена на Востоке и, в частности, в Афганистане было в значительной степени связано с экспортом революционных идей и прямым политико-идеологическим вмешательством, осуществляемым большевистской Россией, а потом СССР. Но, как уже указывалось, такая линия афганской политики советского режима отчасти была и реакцией на соответствующие действия афганской стороны, прежде всего официальных властей.

С начала 1919 г. в Ташкенте при краевом комитете РКПб действовал орган, ведавший «закордонной» работой в странах, сопредельных с Туркестаном. В конце 1919 г. по инициативе Отдела внешних сношений при Турккомиссии ЦК РКПб был создан Совет интернациональной пропаганды на Востоке (СИП), призванный временно выполнять функции восточного отдела Коминтерна, вплоть до создания такового. СИП руководил работой всех революционных организаций и групп на Востоке, действуя через специальные пограничные отделения: кавказо-турецкое, персидское, афгано-индийское, бухаро-хивинское и кашгаро-китайское. В задачу этих отделений входила организация подпольных пунктов на территории указанных стран и регионов, переброска в них агентуры и т.д. Через СИП субсидировались все революционные партии и группы, действовавшие как в эмиграции на территории России, так и в зарубежной Азии. Зимой 1920 г. под руководством Совета работали персидская партия «Адалят», компартия Бухары, организовывались ту-

рекая, хивинская и афганская партии.¹ Эти организации действовали как секции политотдела СИП.

Основной упор делался на Бухару и Персию. Первая довольно скоро была непосредственно введена в советскую зону, а вторая привлекла внимание большевиков наличием значительного рабочего слоя, антиколониальным потенциалом; кроме того, на территории Туркестана и Бухары проживало соответственно около 100 тыс. и 30 тыс. персов-отходников, торговцев и др. Однако в центре внимания СИП находилась подпольная революционная работа в Индии, так как считалось, что именно в Индии имелась не только «благоприятная обстановка для революционного брожения вообще, но и для проникновения туда идей коммунизма».² Что касается Афганистана, то, как утверждал летом 1920 г. председатель СИП, «время на Востоке горячее, даже в Афганистане, *наименее для революции подготовленной стране* (подчеркнуто мною. — Б.В.), идет определенное брожение в армии».³ По существу же на момент рассматриваемых событий эта страна занимала второстепенное место в структуре приоритетов революции на Востоке, выступая лишь «лучшим коридором и наиболее удобным путем проникновения в Индию».⁴ Тем не менее, заинтересованные российские ведомства и Коминтерн неоднократно пытались создать очаги революционности как в среде афганской эмиграции в Средней Азии, так и в самом Афганистане, общественный строй которого определялся в начале 1920-х гг. (правда, не ими самими, а их протее в Средней Азии) как «доморощенный империализм ..., направляемый против Бухары и России».⁵

В 1920 г. в Бухаре был создан *Центральный комитет младоафганских революционеров*⁶ (председатель — Хаджи Мухаммад Якуб), членами

¹ РЦХИДНИ. — Ф. 544. — Оп. 1, д. 9, л. 4.

² РЦХИДНИ. — Ф. 544. — Оп. 1, д. 9, л. 21.

³ РЦХИДНИ. — Ф. 544. — Оп. 1, д. 9, л. 11 об.

⁴ РЦХИДНИ. — Ф. 544. — Оп. 1, д. 9, л. 21.

⁵ Это характерное замечание содержится в одном из документов бухарских левых («Проект организации Бухарской революции») от 12 ноября 1921 г., направленном в ЦК ВКПб. — РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 84, д. 97, л. 86 — 87. Характерно, что и большевистское руководство не особенно обольщалось относительно «революционности» Аманулла-хана, которую сам он при случае любил подчеркнуть. М.Н. Рой вспоминал, что В.И. Ленин в одном из разговоров с ним по поводу превращения Афганистана в плацдарм борьбы за Индию цинично заметил, что «в конечном счете, у короля Амануллы больше общего с британскими правителями Индии, чем с большевистским режимом России». — М.Н. Рой's Memoirs. — Bombay, 1964. — Р. 417.

⁶ Младоафганское движение (течение) возникло в самом Афганистане еще в начале XX в., его идеологом был Махмуд-бек Тарзи, а одним из приверженцев — будущий эмир Аманулла-хан. Что же касается Центрального комитета младоафганских революционеров в Бухаре, то его создание в 1920 г. было инициировано большевиками, скорее всего, по аналогии с партией младобухарских революционеров — мелкобуржуазной организацией, включенной, после краткого периода самостоятельности, в компартию Бухары в том же 1920 г.

которого являлись выходцы из Афганистана, живущие в Бухаре, Туркестане, России и «стоящие за революцию в Афганистане». Афганское правительство, информированное об этом, потребовало выслать своих подданных на родину, но «Бухара покровительствовала им».¹ Основной целью этой организации провозглашалось свержение существующего в Афганистане политического строя и установление республиканского правления, а для ее достижения предполагалось создавать при помощи Советского правительства «красные полки», вести издательскую и пропагандистскую работу, готовя почву к «восстановлению афганских войск и народа против существующего правительства».² Намечалось создание в Туркестанском приграничье (Керках, Кушке, Тахта-Базаре и др.), а затем и в самом Афганистане (Мазар-и-Шарифе, Герате и др.) отделов этой организации. Судя по *Внутреннему уставу Центрального комитета младоафганских революционеров*, их основной операционной базой и источником материальной поддержки должна была стать Советская Россия. Характерно, что основатели этой организации уповали на силовые методы, включая террористические акции³. Каких-либо материалов о практических действиях Комитета обнаружить не удалось, его следы теряются уже в 1921 г. Кратковременность его существования следует, вероятно, связывать с неэффективностью созданной к тому времени в Ташкенте новой патронирующей организации — Туркбюро Коминтерна. Эта аморфная структура, которую возглавляли Сокольников, Рой и Сафаров, находилась в состоянии перманентного кризиса и в 1922 г. прекратила свое существование. «...Вопрос об афганской революционной организации в Бухаре и особенно индусская работа показали, как дорого нам обходится неликвидированный и поныне «кризис» коминтерновской организации», — отмечалось в одном из советских политических документов того времени.⁴ Московские стратеги пытались, так или иначе, помочь своим эмиссарам в Средней Азии: они, в частности, централизованно выделяли в их распоряжение места для афганцев, а также персов и индусов в Коммунистический университет трудящихся Востока⁵.

Англичане недоумевали, зачем бухарским властям понадобилось поддерживать или, по крайней мере, допустить возникновение на своей территории оппозиционного режиму Аманулла-хана группировки,

¹ РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 84, д. 242, л. 15.

² РЦХИДНИ. — Ф. 544. — Оп. 3, д. 47, л. 19.

³ РЦХИДНИ. — Ф. 495. — Оп. 154, д. 98, л. 61.

⁴ РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 84, д. 201, л. 40.

⁵ РЦХИДНИ. — Ф. 495. — Оп. 154, д. 98, л. 7.

состоящей из «преступников, бежавших из тюрем, различного рода отщепенцев». «Если это дело рук кого-то еще, то чего тогда стоит независимость Бухары? Кроме того, ведь нынешнее правительство Афганистана само считает себя революционным. Какова же тогда причина для революции, если она уже происходит?», — говорилось в письме вице-короля Британской Индии политическому отделу внешнеполитического ведомства от 13 мая 1921 г.¹

По архивным документам можно проследить еще несколько попыток создания политически лояльных Москве структур в афганской среде: так, в Термезе в 1920 г. возник Афганский центральный революционный комитет (председатель — Магомед Гафар), в состав которого входили 55 человек, представлявшие целый ряд афганских провинций, а также Кабул, но в основном они были северянами. Члены комитета апеллировали к советскому руководству с просьбой «прислать инструкции для работы, а также деньги и месячное жалование».²

Наконец, первый и пока единственный из известных опыт создания организации леворадикальной ориентации непосредственно в Афганистане локализован Гератом: в 1920-1921 гг. не без усилий советских дипломатов и их агентуры здесь возник революционный кружок. Как указывалось в информации представителя российского НКВД в Средней Азии, кружок функционировал на советские деньги как преимущественно цеховая (учительская) организация, и был первоначально ориентирован на культурно-просветительскую работу, с последующей переориентацией на пропагандистскую деятельность в армии и трудовых массах. Сотрудники российского дипломатического ведомства — его фактические организаторы — намеревались затем передать все дела самим афганцам, предварительно связав «Бухарскую группу афганских революционеров с Гератским кружком»,³ то есть установив связь между афганским подпольем и афганской эмиграцией в Средней Азии. Результаты этого политического проекта также неизвестны, но

¹ Afghanistan Strategic Intelligence British Records 1919-1970. V. 1. Ed: Anita L.P. Burdett. — Archive Editions, 2002. — P. 198.

² РЦХИДНИ. — Ф. 495. — Оп. 154, д. 98, л. 53.

³ РЦХИДНИ. — Ф. 495. — Оп. 154, д. 98, лл. 70-72. См. об этом: В.С. Бойко. Советская Россия и афганские леворадикальные группы начала 1920-х годов// *Анналы, ИВ РАН*. — М., 1995. — Вып. II. — С. 74-81. В отечественной историографии проблематику истории афганского левого движения затронул А.Хейфец, см.: Хейфец А. Узы добрососедства и братства нерасторжимы (к 60-летию первого советско-афганского договора)// *Азия и Африка сегодня*. — М., 1981. — № 2. — С. 18-21. Методику анализа А. Хейфецем данного вопроса подверг критике другой российский востоковед, эмигрировавший за рубеж, М.И. Володарский, но он не предложил никаких новых аргументов и материалов по затрагиваемой теме. — См.: Володарский М. *Советы и их южные соседи Иран и Афганистан (1917-1933)*. — Лондон, 1985. — С. 172.

изучение последующих событий позволяет утверждать, что попытки создания организаций прокоммунистической, леворадикальной ориентации в начале 1920-х годов как в афганской эмиграции, так и в самом Афганистане оказались безуспешными — в этой среде практически отсутствовала соответствующая социальная и политическая база. Между тем, уже начальный опыт межгосударственных отношений России и Афганистана, несмотря на его некоторые негативные и даже конфликтные моменты (связанные, в частности, с поддержкой афганским правительством басмаческого движения, его очевидными панисламистскими устремлениями), побудил российское руководство постепенно изменить и стратегию, и тактику своей политики на афганском направлении. Мизерные результаты организационных экспериментов по созданию в афганской эмигрантской и подпольной среде прокоммунистических групп, с одной стороны, и наметившаяся к этому времени ориентация Аманулла-хана на глубокие социальные реформы, с другой, заставили российских большевиков и деятелей Коминтерна повнимательнее присмотреться к Афганистану и взять курс на тесное, преимущественно военно-политическое, сотрудничество с афганским правящим режимом, — курс, которому они оставались верны вплоть до падения последнего в 1929 г.¹

3. Реформы Аманулла-хана и афганское общество

Впервые за многие десятилетия освободив внешнюю политику своей страны от жесткого внешнего контроля, Аманулла-хан проводил на международной арене и в отношениях с соседями весьма противоречивую линию, не всегда отвечавшую по своей стратегии и/или тактике интересам народа и государства. Но ее суть все же оставалась неизменной — сохранение независимости Афганистана и повышение его роли в международных, прежде всего региональных, делах. Однако еще большей противоречивостью отличалась внутренняя жизнь афганского общества и его элиты, то есть страны в целом. Внутриполитический фронт потребовал усилий, беспрецедентных по масштабу и самой своей сути. Фактически, приходилось перестраивать почти весь общественный организм и государственную структуру страны, и афганским «революционерам сверху», к которым безоговорочно относил себя новый эмир, приходилось браться сразу за многое. Аманулла не мог ограничиться отдельными политическими жемами — стагнацию страны можно было

¹ Лишь поражение амануллистов и рост крестьянского, других оппозиционных движений в Афганистане в конце 1920-х — начале 1930-х гг. вновь побудили Москву, а точнее, политических романтиков из Коминтерна вернуться к идее создания афганской революционной партии.

преодолеть лишь серьезными преобразованиями. Собственно, эмир декларировал реформы еще при восхождении на престол, но прошло несколько лет, заполненных панисламистскими авантюрами, прежде чем эмир приступил к преобразованиям. В реформаторском эксперименте Аманулла-хана следует разделять замысел и его осуществление, но нельзя не признать, что это был сложный и противоречивый процесс, состоящий из нескольких этапов.

Ключевым событием первого этапа было принятие конституции 1923 г., второй начался после зарубежной поездки короля (падишаха — титул, введенный в 1926 г.) в 1928 г. Собственно реформы (иногда — только их проекты) соседствовали с рутинными, а нередко — провальными мерами властей. Политическая система Афганистана времен Амануллы носила во многом декоративный характер, — так, эмир фактически сам формировал Государственный совет, не играл особой роли и дурбар (собрание знати), созываемый раз в год для заслушивания доклада правительства. Одним из нововведений и в то же время слабых мест режима Аманулла-хана было правительство (совет министров), почти целиком состоявшее из представителей традиционной афганской (пуштунской) аристократии — сардарства. Эта социальная верхушка афганского общества была не просто чуждой, но и опасной для проводимого курса реформ и самого существования режима, что наглядно показали события конца 1920-х гг.

Справедливости ради следует отметить, что в высших эшелонах власти нашлось место и для последовательных реформаторов, тех, кто составлял ближайший круг монарха еще на ранних этапах его жизни и деятельности. Например, министерство иностранных дел возглавил тесть нового эмира, он же главный идеолог реформ, Махмуд-бек Гарзи. Однако совокупность доступных документальных и иных материалов позволяет утверждать, что, вопреки широко распространенному мнению, режим, сложившийся при Аманулла-хане, по своей политической сути, то есть реальной конструкции власти, вряд ли мог (и может, с современной точки зрения) считаться *младоафганским*, хотя в системе власти, как уже отмечалось выше, целый ряд ответственных постов занимали искренние реформаторы и прогрессисты. Военным министром после ухода с этого поста в ходе хостинского мятежа 1924 г. М. Надир-хана стал ближайший соратник эмира, действительный сторонник реформ, Мухаммад Вали-хан. По его же представлению начальником генерального штаба был назначен Мухаммад Омар-хан, «левый младоафганец», европейски образованный офицер, владевший несколькими иностранными языками (английским, русским, француз-

ским и немецким).¹ Можно заключить, что младоафганцы являлись одной из наиболее влиятельных политических группировок, причастных к разработке, принятию и осуществлению решений по ключевым вопросам внутреннего развития и внешних связей Афганистана в годы правления Аманулла-хана. Но даже в условиях относительной политической свободы действовали они все же неофициально, на основе прежних кружков. Существо дела состояло в том, что в Афганистане в 1920-е гг. отсутствовали объективные условия для партийного строительства, не созрела для такого рода деятельности и тамошняя политическая элита. Собственная инициатива короля — идея учредить партию «Истикляль ва таджаддод» («Независимость и обновление») — не получила поддержки в силу своей декларативности и запоздалости.

При всех перечисленных выше проблемах, динамику социально-политической ситуации в Афганистане придавало уже то, что многие решения в области государственного строительства, экономики и др., то есть реальная политика, были правильными по существу или по замыслу. Существенным в перестройке аппарата управления было то, что фактически впервые в Афганистане более или менее четко определялись полномочия и сфера деятельности главных правительственных чиновников. Серьезным политическим шагом Аманулла-хана стало принятие в 1923 г. первой афганской конституции, регулирующей прерогативы короля, министров, чиновников, государственного совета, судов и многое другое. Целая глава посвящалась индивидуальным правам граждан Афганистана, в ряду которых декларировалось их равенство перед законом, гарантировалась неприкосновенность частной собственности.

Экономическое положение Афганистана в 1920-е гг. определялось целым рядом факторов. Основой экономики страны было сельское хозяйство, ведущими отраслями которого оставалось скотоводство и земледелие. Обрабатываемые земли в Афганистане составляли лишь 2 % от общей площади земельных угодий, при этом под поливом находилось 400 тыс. га. Ирригации уделялось очень мало внимания, хотя именно ирригационные проекты, а также развитие хлопководства на севере и юге страны, могли быть занесены в безусловный актив «аманистского» режима. Появление элементов новой инфраструктуры, в частности, автомобильных дорог и автомобильного сообщения, под-

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). — Ф. Референтура по Афганистану. — Оп. 12, пор. 69, папка 156, л. 17. Советский дипломатический источник отмечал, что М.Омар-хан является афганским националистом и имеет ориентацию на СССР, хотя враждебно относится к Аманулле, «... по мнению левых младоафганцев, игнорированному армии и слишком поддававшемуся влиянию реакционных кругов». — АВП РФ. — Ф. Референтура по Афганистану. — Оп. 12, пор. 69, папка 156, л. л. 18.

рывало традиционную экономику кочевников (обслуживание вьючных караванов и др.). Медленное и противоречивое, но все же очевидное изменение основ хозяйственно-экономической жизни вызвало подвижки и в социальной структуре афганского общества. Наметилась тенденция к количественному росту и повышению роли торговой буржуазии. Правительство поощряло прежде всего крупную торговлю, за 1927-1928 гг. только 27 купцов внесли в казну государства пошлин на сумму в 3,5 млн. рупий. Новой формой торгово-предпринимательской инициативы стало создание объединений (ширкетов) по ведению совместного бизнеса — только в столице насчитывалось 7 таких объединений с общим капиталом в 3 млн. рупий.¹ В середине 1920-х гг. на севере Афганистана зародились основы товарного хлопководства: торговец-пуштун Абдул Азиз одним из первых оценил перспективы использования области для внедрения этой культуры, — он приобрел в Кундузе землю и учредил одну из первых компаний предпринимательского типа — «Спинзар» («Белое золото»). Абдул Азиз и его компаньоны учитывали также возможности экспорта афганского хлопка в СССР, соответствующая отрасль которого пребывала в кризисном состоянии из-за политической нестабильности в приграничных областях — основных центрах хлопкопроизводства. Определенные, и немалые надежды, в силу негласного, хотя и не абсолютного моратория на связи с Англией, возлагались на Россию/СССР, но подписание торгового советско-афганского договора затягивалось, да и ключевое межгосударственное соглашение — договор 1921 г. — выполнялось с перебоями, в которых были виновны обе стороны. Слабость советского экономического присутствия отчасти компенсировалась довольно тесными связями в военно-технической области, — достаточно сказать, что основной персонал афганского гражданского и военного авиапарка составляли советские летчики, в СССР готовились и афганские национальные кадры для этой отрасли и рода войск.

Даже объективно необходимые, но малопривлекательные в глазах населения меры, не говоря уже об амбициозных и ненужных проектах, вызывали отторжение в самых различных общественных слоях Афганистана. В ряде случаев недовольство вызывала стратегия режима, но нередко — и те методы, которыми осуществлялись реформы и рутинные мероприятия — волюнтаризм, жестокость и т.п. Первое масштабное

¹ АВП РФ. — Ф. Секретариат Карахана. — Оп. 12, кор. 71, папка 75, л. 38. Авторы справки «Краткие сведения об Афганистане» (Отдел Среднего Востока НКВД), датированной маем 1929 г., очевидно, опирались на статью «Экономические предпосылки восстания в Афганистане», опубликованную в феврале этого же года в сборнике: Аграрные проблемы. Книга первая. — М., 1929. — С. 105. — 117.

выступление против режима Аманулла-хана произошло в районе Хоста в середине марта 1924 г. Восстание, происшедшее летом 1925 г. в Шугнане и Рушане¹ — горных районах вдоль афганско-советской границы — стало вторым после Хоста звонком, одним из тех событий — ответов на указанную политику, которая в конечном счете привела к падению режима короля-реформатора Аманулла-хана в конце 1920-х гг.

Особенно ощутимо негативные черты государственно-политической жизни Афганистана стали проявляться в конце 1920-х гг., главным образом летом-осенью 1928 г., когда Аманулла-хан, возвратившийся из многомесячной зарубежной поездки, развернул очередную, оказавшуюся роковой, серию реформ. К концу 1920-х гг. в Афганистане возник глубокий социально-экономический и политический кризис, и как результат — массовое общественное недовольство действиями властей и лично Аманулла-хана. Его причинами было самоуправство и грубейшие просчеты центральных и местных властей, усугубляемые массовым взяточничеством чиновничества, непосильные налоги, введение повинностей, неприемлемых для определенных категорий населения (обязательной воинской повинности для кочевников и др.). Провокационный эффект произвели реформы в сфере быта и образования: отмена калыма при заключении брака, возможность бракосочетания только после получения среднего образования, введение всеобщего начального обучения, совместное обучение мальчиков и девочек 6-11 лет, отправка молодежи (в том числе девушек) для учебы за границу и др.

Мусульманское духовенство, недовольное ущемлением своих интересов, мобилизовало против реформаторов значительную часть населения, уставшего от зачастую бесплодных и дорогостоящих экспериментов. Серьезные претензии к королю имелись у сардарства, в массе своей очень медленно перестраивавшегося на новые формы хозяйственной и политической жизни. Как пишет Абдул Гани, последовательный, хотя и не всегда объективный критик эпохи «Амани»: «Анализируя жизненный путь Амануллы, причины последней революции в Афганистане можно свести к одной фразе, а именно: Аманулла сам был единственной причиной революции против себя самого. Его цель построить «современную Европу» вопреки религии в стране, подобной Афганистану, была неверна по самой своей сути. Пытаясь создать новую структуру, он разрушил старую, но как неопытный инженер, он тем самым уничтожил и себя самого».²

¹ См. подробнее: Boyko V. On the Margins of the Amanullah Era in Afghanistan: the Shughnan Rebellion of 1925// International Journal of Central Asian Studies. — Seoul, 2002. — V. 7.

² Ghani, Abdul. A Brief History of Afghanistan. — Lahore, 1989. — P. 747.

Экономические неурядицы и другие беды объективного и субъективного характера породили массовую маргинализацию населения, и как следствие — бродяжничество, бандитизм. Особенно беспокойно было в восточной провинции, где летом 1928 г. племя шинвари подняло восстание против новых мер правительства. Другим очагом общественных беспорядков стал север Кабульской области, где большую популярность приобрел предводитель одной из повстанческих групп Хабибулла, по прозвищу Бачаи Сакао («сын водоноса»). Задача разрушить Кухистан и арестовать популярного здесь мятежника оказалась невыполнимой, — напротив, многих заложников-шамоли пришлось освободить, дабы избежать дальнейших беспорядков. Как показали дальнейшие события, готовность правительства к компромиссу воспринималась Бачаи Сакао как слабость кабульского режима, но власти пошли именно по этому пути. Некоторые из требований повстанцев были приняты, Аманулла 7 января 1929 г. отменил большинство своих реформ. 14 января принц Инаятулла объявил об отречении Аманулла-хана от престола и передаче всей власти ему, Инаятулле. Сам бывший король тем же утром покинул столицу. Новый монарх Инаятулла и жители Кабула рассчитывали, что происшедшие во власти изменения удовлетворят оппозицию, но предводитель повстанцев отверг кандидатуру Инаятулла-хана как правителя страны и 19 января сам был провозглашен новым эмиром Афганистана под именем Хабибулло Гази.

4. СССР и Афганистан в конце 1920-х гг.

В декабре 1928 г., то есть в разгар афганского кризиса конца 1920-х гг., в момент попытки повстанческих сил во главе с Бачаи Сакао захватить Кабул, высшее политическое руководство Советского Союза приняло решение поддержать короля Аманулла. 20 декабря на заседании Политбюро ЦК ВКПб были определены меры поддержки агонизирующего режима, в основном военно-политического свойства: советская сторона прежде всего гарантировала падишаху неприкосновенность северной границы Афганистана, с тем, чтобы он мог снять с северной границы свои войска и направить их против повстанцев. Однако важным условием советской поддержки ставилось получение достоверной информации о расстановке сил, видах на победу и о дальнейших планах борьбы Аманулла за восстановление порядка в стране. Основной стратегический план советского руководства получил более четкое оформление 27 декабря 1928 г. — он был оформлен решением Политбюро в виде директивы советскому послу в Кабуле Леониду Старку. Восстание против Аманулла рассматривалось в этом документе как

«энергичная акция англичан, направленная также и против СССР». Основной задачей советской политики на афганском направлении провозглашалась поддержка существующего правительства, которое, по мнению высшего руководства СССР, представляло собой «единственное прогрессивное течение Афганистана, борющееся за независимость страны». Послу предписывалось поддерживать непрерывный контакт с Амануллой, побуждая последнего к решительным и энергичным мерам, главной из которых было бы создание «в кратчайший срок любой ценой» надежной дисциплинированной военной силы — ударного кулака — в Кандагаре или на севере, в районе Мазар-и-Шарифа. Конкретно речь шла о формировании воинской части из северных племен Афганистана, которую предполагалось снабдить советскими винтовками, пулеметами и инструкторами. Такая серьезная услуга требовала, по мнению советских стратегов, соответствующей правовой базы, то есть заключения нового межгосударственного договора.

Но было уже поздно — Аманулла потерял власть. Особую тревогу советской стороны вызывал вопрос о судьбе Северного Афганистана: любые комбинации с ним (образование самостоятельного государства и т.д.) требовали соответствующей подготовки и продуманного плана действий. Однако раскол соседнего государства в целом считался нежелательным, выгодным лишь Великобритании: отколовшийся север, как полагали советские наблюдатели в Афганистане, был бы нежизнеспособным без советской поддержки, что было бы и обременительно, и сомнительно с точки зрения сохранения стабильности на советско-афганской границе. Лишь в свои последние дни правительство Амануллы вновь обратилось к СССР за военной помощью: афганцы дали принципиальное согласие реорганизовать армию при помощи советских инструкторов, но политическая обстановка и тайный саботаж высших чиновников не позволили осуществить эту идею. Последовавшие на исходе второй недели января 1929 г. события: отречение Амануллы от престола и его бегство в Кандагар, захват Кабула силами Бачаи Сакао и провозглашение его новым эмиром Хабибуллой (II-м) — не захватили врасплох советских лидеров: уже 18 января коллегия НКВД предложила послу Л. Старку «поддерживать с новым правительством деловые отношения, формально его не признавая».¹ Одновременно послу поручалось выяснить планы и намерения Амануллы, при этом дистанцируясь от бывшего падишаха: ему было фактически отказано в убежище, и рекомендовано поселиться в Турции (Аманулла в начале лета 1929 г. вообще

¹ Ghani, Abdul. A Brief History of Afghanistan. — Lahore, 1989. — P. 187.

покинул пределы Азии и поселился в Италии).

До тех пор, пока формально аннулировавший свое отречение и создавший «национальное правительство» в Кандагаре монарх находился в стране, он оставался в поле зрения советских лидеров. Для прояснения ситуации зимой 1929 г. по решению Политбюро в ставку Амануллы был направлен специальный советский представитель В. Соловьев. За время пребывания в ставке Амануллы он собрал необходимую информацию о настроениях самого падишаха и его окружения и по прибытии предложил своему руководству программу помощи Аманулла-хану и его сторонникам: предоставление «в самом ограниченном количестве» оружия и боеприпасов, инструкторов для реорганизации армии (в основном таджикского и персидского происхождения), разрешение транзита оружия по советской территории и т.п. В предложениях Соловьева содержались также идеи, связанные, скорее, с непосредственным возвращением Амануллы на трон: содействие в реорганизации административно-налоговой системы и др. Другой блок мер предусматривал расширение связей с северными провинциями Афганистана (предоставление максимальных льгот афганским купцам, торгующим с СССР и др.). Официально же декларируемой советской политикой в Афганистане были нейтралитет и невмешательство во внутренние дела южного соседа.

Между тем, уже в самом начале описываемых событий возник и развивался еще один фон и направление советской политики в Афганистане, который был связан с действиями части афганской элиты, выступавшей в поддержку Амануллы и его реформ. Пожалуй, самым энергичным выразителем таких инициатив стало известное и влиятельное в Афганистане семейство Чархи, — сыновья известного военачальника времен эмиров Абдуррахмана и Хабибуллы Гулама Хайдар-хана. Самым предприимчивым среди них был Гулам Наби-хан, в тот момент посол Афганистана в СССР. Он немедленно развернул кипучую деятельность по собиранию помощи и сил в поддержку Амануллы. Главным людским ресурсом амануллистов на северной границе должны были стать отходники и другие категории афганских мигрантов, находившиеся на территории советской Средней Азии. Их выявление и рекрутирование оказались нелегкой задачей, сопряженной с решением ряда бюрократических и правовых проблем.¹ Но Гулам Наби, даже оказавшись в двус-

¹ АВП РФ. — Ф. Референтура по Афганистану. — Оп. 11, папка 151, кор. 67, л. 12. Гулам Наби предлагал использовать для регистрации соотечественников персонал афганского консульства в Ташкенте и аксакалов афганской колонии, тогда как советская сторона настаивала на более громоздкой, но легальной формуле смешанной комиссии.

мысленном положении чиновника свергнутого режима, фактически по собственной инициативе начал, и далее постоянно навязывал советской стороне, переговоры об оказании такой помощи. Однако активность Гулама Наби не встречала должного отклика в Москве — там дожидались большей ясности в афганских делах. В итоге 28 февраля 1929 г. Политбюро ЦК ВКПб приняло решение отказать Гуламу Наби в военной помощи и даже в аэропланах для вывоза ценностей Амануллы, сославшись на неосведомленность о планах падишаха.¹ Но энергичный посол буквально по крохам сам собирал под флаги Амануллы афганские силы: из советских военных вузов были отозваны обучавшиеся там 8 афганских офицеров, в приграничном Термезском районе началась запись в добровольческие отряды отходников и других афганских иммигрантов. Для этой же цели в Мерв выехал другой представитель семейства Чархи, Гулам Джейлани — он вербовал здесь отряды хазарейцев. Было собрано свыше 1 тыс. афганских подданных, вооруженных и экипированных советской стороной. Сводному советско-афганскому отряду придавалось 9 пулеметов, 2500 винтовок направлялось в Герат для вооружения второго отряда, который должен был выступить в направлении Меймане, для последующего объединения сил и похода на Кабул. Дополнительно советская сторона направила Гуламу Наби через гератского торговца Абдул Маджида (имевшего прочные деловые связи в Москве и Ташкенте) 200 тыс. рупий².

К середине марта 1929 г. амануллисты настолько активизировали свою вербовочную работу среди афганских эмигрантов Мервского района, что поставили в затруднительное положение даже советскую разведку, опасавшуюся скандала. Однако в дипломатическом ведомстве решили смотреть на это сквозь пальцы, хотя и не давали поводов к утверждениям о «нашем (то есть советском. — **Б.В.**) согласии на подобную деятельность (так как последнее не может не рассматриваться как вмешательство)».³ Эта активность имела свою логику — произошло сближение советской и афганской позиций. Детали соответствующего плана были обсуждены в Москве до середины марта — с этой целью туда прибыл Гулам Сиддик — министр иностранных дел кандагарского «правительства» Амануллы. 20 марта 1929 г. на заседании Политбюро ЦК ВКПб план совместной советско-афганской операции по восстанов-

¹ РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Опись 162, дело 7, л. 39.

² L/p&S/1285, Ali Ahmad, the Fall of Amanullah. — P. 38back. Как пишет тот же Али Ахмад, российскому консульству в Мазар-и-Шарифе была дана команда отправить в гератское казначейство 1 млн. рупий для выплаты этой суммы Аманулле. — L/p&S/1285, Ali Ahmad, The Fall of Amanullah. — P. 37-37 back.

³ АВП РФ. — Ф. Референтура по Афганистану. — Оп. 11, папка 68, л. 25 об.

лению статус-кво в Афганистане (решение было оформлено 21 марта) обрел почти законченный вид: амануллистам придавался специальный советский отряд, фигурировавший как «афганский отряд такого-то хана», им была обещана, в обмен на сырье, помощь оружием, причем оружие непосредственно для сил Амануллы в Кандагаре предполагалось переправить через Герат, установив предварительно контроль над этим важным стратегическим пунктом на северо-западе Афганистана. С этой целью из Лондона был отозван афганский посол в Великобритании Шуджа-уд-Даула, отлично знавший Гератскую область и сам город. В течение двух дней Шуджа усиленно вербовал себе сторонников из числа соплеменников, находившихся в поселке Полтавском близ Кушки, и устанавливал связи с жителями афганской приграничной полосы. Характерная деталь: из Кабула в Москву был временно отозван «ввиду болезни» посол Л. Старк, не проявивший характера, а его функции стал исполнять военный советник Э. Рикс. Советская военная поддержка не была бескорыстной — она предоставлялась в обмен на хлопок, шерсть, кожу и другие товарные ценности.¹

Главная роль в грядущих событиях отводилась Гулам Наби-хану — 8 апреля он прибыл в советский пограничный пункт Керки, где завершалось формирование афганских отрядов из эмигрантов и отходников. Среди них были как сознательные амануллисты, так и случайные люди. Советский дипломатический представитель в Керках Н. Фридгут с горечью замечал, что «формирование отрядов проводилось здесь Гулям Наби-ханом с чрезвычайной откровенностью, причем привлекался (иногда почти принудительно) буквально всякий афганский сброд, не соблюдавший никаких правил конспирации».²

План совместной советско-афганской операции был окончательно согласован Сталиным с Гуламом Сиддик-ханом, — он предусматривал, как уже указывалось выше, создание в Мазар-и-Шарифе опорной базы амануллистов на севере, организацию 5-6-тысячной армии «из афганцев» и захват ею Кабула. Другой важный пункт афганского севера, Меймане, освобождался отрядом Мухаммад Гаус-хана, ставшего к тому моменту командующим войсками Гератской провинции. На начальном этапе операции важная (но все же временная) роль отводилась советскому экспедиционному отряду под командованием советского военного

¹ РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 162, д. 7, л. 53.

² L/p&S/1285, Ali Ahmad, The Fall of Amanullah. — P. 65. Среди прочих изъянов в подготовке Мазарской операции следует отметить и факты ее саботажа со стороны некоторых афганских чиновников: так, распоряжением афганского консульства в Мерве были задержаны несколько ящиков с оружием, предназначенные для проведения операции. — АВП РФ. — Ф. Референтура по Афганистану. — Оп. 11, папка 151, кор. 68, л. 53.

атташе в Кабуле В. Примакова:¹ большая часть этих сил вскоре отзывалась назад, а в помощь афганцам оставалась бы небольшая группа пулеметчиков и артиллеристов. Основным принципом плана, как это следует из документа, было то, что Афганистан должны освободить сами афганцы, а не русские. Хотя советской частью отряда командовал В.Примаков, он же и лично набирал командос (предпочтение отдавалось лицам, знающим восточные языки) в Москве, формирование этого подразделения проводилось и в Среднеазиатском военном округе заместителем командующего округом М. Германовичем. Численность первоначального экспедиционного корпуса (без учета афганских формирований) достигала 800 человек, а отличительной чертой его экипировки была хорошая оснащенность скорострельным оружием и горными орудиями.

Между тем, в Москве о готовящейся операции знали лишь немногие, причем в их число не попал даже тогдашний начальник восточного отдела ГПУ Г. Агабеков. Неведение ГПУ объяснялось, возможно, тем, что в этом ведомстве, имевшем многолетнюю достоверную информацию о реальном положении дел в Афганистане, недолюбливали Аманулла. Появление же на местном политическом небосклоне фигуры из низов чекисты восприняли чуть ли не с оптимизмом, — они даже неоднократно предлагали признать нового правителя и помочь ему для свободы собственных рук. «... Мы пришли к выводу, что нам нужно предпринять шаги к установлению отношений с Бача-Саккау, который нам может быть более полезен, чем окончательно скомпрометированный в глазах населения Аманулла», — убеждал дипломатов Г. Агабеков.²

Советско-афганская операция началась в середине апреля 1929 г., когда из Герата в сторону Меймане выступил отряд М Гаус-хана. Но близ города Калай-и-Нау войско М. Гаус-хана, в основном состоявшее из таджиков, почти полным составом сдалось силам наступавшего на Герат со стороны той же Меймане генерала Абдуррахим-хана. Абдуррахим, сторонник Бачаи Сакао, был назначен председателем комиссии по реформам Гератской провинции, а до этого произвел успешные перевороты в пользу сакавистов в Мазар-и-Шарифе и Меймане. Остатки отряда М. Гаус-хана в количестве 104 человек, включая его самого и его родственников, бежали к границе, где были в конце апреля интернированы советской пограничной охраной. Так начал рушиться план победоносной войны на севере Афганистана, но ее итог зависел

¹ Его услуги предлагались еще в момент восстания шинвари осенью 1928 г., но были отвергнуты окружением Амануллы.

² Агабеков Г.С. ЧК за работой. — М., 1992. — С. 194.

от результатов главной экспедиции в Афганский Туркестан. 22 апреля 1929 г. отряды Гулама Наби взяли город Мазар-и-Шариф. Врасплох был захвачен даже советский консул в Мазар-и-Шарифе С. Вейзагер, не посвященный в воинственные планы своего московского начальства — его и его подчиненных спас только быстрый и успешный штурм города советско-афганским отрядом. «Несмотря на то, что по отряду было дано распоряжение по-русски не разговаривать, после занятия Мазар-и-Шарифа на улицах сплошь и рядом раздавалась русская брань. Наши аэропланы самым бесцеремонным образом, даже не закрасив звезд на крыльях, ежедневно совершали полеты в районе противника и бросали бомбы», — вспоминал российский очевидец — нелегальный разведчик в Мазар-и-Шарифе.¹

Но задержка дальнейшего наступления дала сакавистам возможность быстро оправиться и даже начать контр наступление. Проблема заключалась и в том, что местное население, — в основном национальные меньшинства, отнюдь не жаждущие возвращения Амануллы и раздраженные все более очевидным советским вмешательством, — не оказало Гуламу Наби никакой поддержки, да, собственно, и сами амануллисты не предложили какую-либо альтернативу. К этой идее обратились значительно позднее, да и то по подсказке того же Политбюро большевистской партии, — от имени Гулама Наби стали распространяться листовки с изложением сути афганских событий и призывом поддержать его борьбу против сакавистов². Однако трудностей не убавлялось — сам Примаков сообщал начальству: «Операция задумывалась как действия небольшого конного отряда, который в процессе боевой работы обработает формированиями, но с первых дней пришлось столкнуться с враждебностью населения».³ В конце апреля к Мазару пытались прорваться советские подкрепления, но это им не удалось, и тогда пришлось доставлять воздухом новую партию пулеметов и боеприпасов. Оставляла желать лучшего и общая организация операции, особенно взаимодействие

¹ Агабеков Г.С. ЧК за работой. — М., 1992. — С. 209.

² РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 1806, л. 235-236. Проекты пропагандистских документов периода мазарских событий составлялись амануллистами при прямом участии советского руководства. Так, после разговора с замнаркома иностранных дел Караханом и главой военного ведомства Ворошиловым, Гулам Сиддык, готовивший, очевидно, обращение к жителям Афганского Туркестана, внес в его текст тезисы об уважении к религии, роли образования, традиционному русско-афганскому добрососедству. — АВП РФ. — Ф. Карахана. — Оп. 12, папка 75, кор. 71, л. 33.

³ Павел Аптекарь. Первая кровь//Родина. — М., 1999. — № 2. Эта небольшая статья, подготовленная журналистом П.Аптекарем и помещенная в специальной подборке журнала «Родина» об афганском конфликте, — одна из немногих публикаций о Мазарской операции. Она содержит некоторые интересные факты, но изобилует грубейшими ошибками и неточностями.

афганских и советских партнеров: испрашивать подкрепления Гулам Наби был вынужден телеграммами-молниями через свое посольство в Москве, которое, в свою очередь, выходило на Гулама Сиддика (даже если тот находился, например, в Германии, как это случилось в разгар мазарских боев). Положение амануллистов на севере значительно ухудшилась к началу мая, когда на помощь изгнанным мазарским властям поспешил лидер бухарской эмиграции Ибрагим Бек со своими боевыми отрядами. Мазар-и-Шариф был окружен, отрезан от источников воды и продовольствия, базар закрылся, жизнь замерла. Примаков опять запросил подкреплений и боеприпасов, в том числе газовых (ипритовых) гранат к орудиям, но и в этот раз ничего не получил.¹ Лишь 5 мая через границу переправился второй отряд из 400 красноармейцев, укрепленный 6 орудиями и 8 пулеметами. Еще через пару дней Политбюро ЦК ВКПб разработало ряд срочных мер по развязыванию афганского узла, среди которых не последнее место занимали маневры по сокрытию советского участия в Мазарской операции.

Как уже отмечалось, в операции было задействовано два советских отряда, один из которых должен был вернуться на советскую территорию через Ахча-Андхой и по пути очистить от сакавистов этот пограничный район. Для занятия Меймане и прикрытия Гулама Наби со стороны Герата оказывалось содействие М. Гаусу, силы которого (речь, вероятно, шла об остатках его гератского войска, разбитого в апреле под Калай-и-Нау и интернированного советскими пограничниками) предусматривалось довести до 500-600 человек, с придачей ему артиллерийской батареи и 10 пулеметов с советской прислужгой, а также советских инструкторов и советника. Интернированный генерал некоторое время находился в Кушке, добиваясь от советских властей разрешения на выезд в Афганистан, формально — под предлогом выполнения распоряжения Шуджа-уд-Даула, нового губернатора Герата. Что касается Гулама Наби (при нем временно оставался и первый советский экспедиционный отряд), то его ориентировали на создание смешанных отрядов (пехота, кавалерия, артиллерия, команда пулеметчиков), способных самостоятельно действовать на отдельных направлениях. Тем самым снималась прежняя установка на формирование ударного кулака численностью до войсковой дивизии, предусматривались и некоторые оборонительные мероприятия,² то есть в целом, в совокупности с вы-

¹ Имеющиеся документальные материалы не подтверждают сенсационных утверждений некоторых средств массовой информации о применении советским экспедиционным отрядом в Афганистане весной 1929 г. иприта. См., например: Воронов В. Последний довод сатаны. Страницы неизвестной войны. — Собеседник. — М., 1995. — № 17. — С. 7.

² Захват перевалов на путях из Кабула в Мазар для останковки сил С. Хусейна — военного министра Бачаи Сакао.

шеуказанными мерами, существенно менялась тактика боевых действий в Северном Афганистане. Такая тактика позволила несколько развить успех советско-афганской операции: в течение мая 1929 г. Гулам Наби овладел еще целым рядом пунктов Северного Афганистана (Примаков к этому времени уже был отозван в СССР). Но амануллистам все же не удалось переломить безразличие и враждебность основной массы населения северных областей (узбеков, таджиков, туркмен и представителей других этнических меньшинств). Неожиданную точку во всем этом деле поставил сам Аманулла-хан — 23 мая он, разочаровавшийся в соотечественниках и не сумевший организовать борьбу своих сторонников в пределах всей страны, покинул Афганистан и, как оказалось, навсегда. Действовавшие изолированно, во враждебном окружении, силы Гулам Наби-хана потеряли и политическую перспективу. Тогда предводитель предоставил им право выбора — остаться на родине или искать убежище по другую сторону афгано-советской границы. Сам он 31 мая 1929 г. вернулся с небольшой (немногим более 100 человек) группой сторонников на советскую территорию, где был грубо, наравне с рядовыми афганскими участниками операции, интернирован.¹ Еще раньше, 28 мая, был отозван и советский отряд, общие потери которого (убитыми и ранеными) составили 120 человек. Афганцы же, мирное население северных областей, участники сражений с обеих сторон — амануллисты и сакависты — заплатили за эту авантюру тысячами жизней.

Активные боевые действия на севере и распространение слухов о прямом советском участии в них вызвали серьезное беспокойство кабульских властей: внешнеполитическое ведомство Бачаи Сакао сделало соответствующее представление поверенному в делах СССР Э. Риксу. Советские дипломаты в Кабуле оказались в очень щекотливом и даже опасном положении, и им ничего не оставалось делать, как опровергать «провокационные слухи» и даже выступить с контробвинениями в попустительстве бандитским налетам на советскую территорию басмаческих отрядов. Но самое большее, на что пошел кабульский режим — очередное требование его дипломатического признания СССР, хотя 26 мая Бачаи Сакао провел в столице большой сбор своих сторонников, потребовавших войны с Советским Союзом. Внешнеполитические притязания сакавистов были небезнадежны — в советском руководстве различных уровней были уже готовы к подвижкам в позиции относительно кабуль-

¹ Абдул Гани пишет, что Гулам Наби-хан, покидая Мазар-и-Шариф, захватил 800 тыс. рупий, а также мехов и ковров в количестве, какое он мог взять при тех обстоятельствах. — Ghani, Abdul. A Brief History of Afghanistan . — Lahore, 1989. — P. 784. Однако дальнейшие обстоятельства его интернирования и пребывания на советской территории не подтверждают этого факта.

ского режима. Так, на заседании коллегии НКВД от 3 июня 1929 г. было решено «поручить т. Риксу найти случай дать понять Баче-Сакао, что в случае укрепления и расширения его власти, не исключено признание его Советским Союзом, подтвердив при этом наше невмешательство во внутреннюю борьбу в Афганистане».¹

Уход отрядов Гулам Наби-хана из североафганской области породил здесь вакуум власти и беспорядки. Чтобы положить конец этому, местные старейшины избрали временный орган местного (регионального) самоуправления, который заявил о своей лояльности Кабулу, — его члены даже просили Бачаи Сакао прислать в Мазар-и-Шариф нового генерал-губернатора. Вместе с тем, новые власти и тамошнее купечество были настроены проводить вполне самостоятельный курс, в том числе и в вопросах внешнеполитического взаимодействия: известно, что они обращались к начальнику Сурхандарьинского отдела ОГПУ с просьбой как можно скорее прислать в Мазар дипломатического представителя СССР, а также возобновить торговые отношения с советской стороной.²

Между тем, не меньшую проблему составляли и другие последствия Мазарской операции: морально-психологические, социальные и др. В советской Средней Азии, прежде всего в приграничье, оказалось несколько сотен афганских участников «северного похода»: примерно 150 человек, прибывших вместе с Гулам Наби, находились в Ташкенте, более 100 человек составляла группа Мухаммад Гаус-хана, переведенная после интернирования в Ашхабад, наконец, десятки афганских патриотов-сторонников Амануиллы, прибывших из Европы, не говоря уже о немалом количестве простого люда (рабочих-отходников, торговцев, караванщиков и т.п.), завербованного или даже случайно вовлеченного в операцию на севере Афганистана. Многие из участников боев лишились не только оружия, но и своего личного имущества (денег, лошадей), без которого проблематичным стало даже их возвращение домой. В особенно затруднительном положении оказалась афганская образованная молодежь и кадровые офицеры, а также бывшие курсанты советских военных учебных заведений — эти, наиболее сознательные категории участников Мазарской операции, из-за махрового бюрократизма и не-

¹ АВП РФ. — Ф. Карахана. — Оп. 12, папка 75, кор. 71, л. 66.

² Характерно, что такую гибкость проявил Мирза Касым — один из наиболее твердых саккавистов. Бежавший в панике из Мазара в апреле 1929 г., бывший главный представитель Бачаи Сакао в Афганском Туркестане скрывался затем некоторое время в Андхойских песках, откуда в союзе с туркменским лидером Ишаном Халифой готовился нанести контрудар по силам Гулама Наби. Лозунгом М.Касыма было: «Взять Мазар, объявить газават — священную войну русским, как помощникам Гулам Наби-хана». — АВП РФ. — Ф. Референтура по Афганистану. — Оп. 12, папка 16а, д. 13, л. 28.

разберихи советских ведомств, оказались не у дел или даже были вынуждены бродяжничать в городах советской приграничной полосы.

Неблагоприятный исход Мазарской операции и особенно поведение кремлевских стратегов в ее решающие моменты стали серьезным моральным ударом для амануллистов, но, не имея особенного выбора, они вынуждены были и в дальнейшем иметь дело с Москвой. Некоторое время, примерно до конца лета 1929 г., верхушка амануллистов надеялась, что экс-падишах вернется к активной борьбе — Гулам Наби-хан, например, предполагал, что Аманулла из Италии переберется в Турцию, а оттуда сможет приехать в Москву. Но такая идея не устраивала советскую сторону, уже имевшую альтернативы политики в Афганистане — более перспективной фигурой к этому моменту выглядел влиятельный пуштунский националист, бывший военный министр Аманулла-хана Надир-хан.

Афганские события 1929 — начала 1930-х гг. серьезно повлияли на советскую внешнюю и даже внутреннюю политику. Прежде всего, ослабление центральной власти в Афганистане и изменение экономической конъюнктуры в этой стране, в целом и в отдельных ее регионах, побудило советскую дипломатию и внешнеторговые ведомства активизировать работу в прилегающих к границе областях и провинциях. Первой акцией такого рода стало постановление Средазбюро ЦК ВКПб от 22 апреля 1929 г. (документ был принят в день захвата советско-афганским отрядом г. Мазар-и-Шарифа) о положении и очередных задачах работы в приграничных с Афганистаном районах. Согласно постановлению, в обширной пограничной зоне, включающей Карлюкский, Кызыл-Аякский, Керкинский и некоторые другие районы, предусматривалось значительное (на 1/3) понижение сельхозналога, расширение льготного кредитования бедноты и т.п. В то же время несколько ужесточался режим хозяйственной деятельности эмигрантов — у них изымались из владения колодцы, запрещался вывоз каракуля и шерсти¹. Но ужесточения не были тотальными: например, афганские (пуштунские) племена дуррани и гильзаев по-прежнему выпасали скот в советском приграничье, причем налог на него был снижен на 50 %. «...Наиболее надежным средством выполнения поставленных нами задач является развитие экономических связей и действительное вовлечение северных провинций Афганистана в орбиту советской торговли», — заключал в дни приближения развязки в гражданской войне уполномоченный НКВД в Узбекистане А. Знаменский.² Уже тогда, в начале

¹ РЦХИДНИ. — Ф. 62. — Оп. 2, д. 1803, л. 95, 97.

² РЦХИДНИ. — Ф. 62. — Оп. 2, д. 1806, л. 170.

октября 1929 г., было решено возобновить работу советского торгового агента в Мазар-и-Шарифе, о чем просили и сами афганцы. Еще раньше, начиная с весны 1929 г., советская сторона начала использовать благоприятные условия, сложившиеся в результате разрыва связей между отдельными районами Афганистана, а также между Афганистаном и Британской Индией. Особые выгоды сулила ситуация на рынке самого ценного афганского сырья — каракуля: с нарушением торговых путей на Кабул и Пешавар в приграничных областях северного Афганистана скопились большие партии каракуля. По расчетам советских дипломатических представителей, перспективная емкость рынка каракуля в 1929 г. определялась в 800 тыс. шкурок, из которых примерно 400 тыс. могли стать объектом операций с советским участием¹. Особое внимание было уделено трансграничным миграциям, и, в частности, миграциям рабочей силы из Афганистана. С некоторым запозданием (уже в октябре 1929 г.) были выработаны процедуры иммиграционного контроля и экономические механизмы его использования: на госпредприятиях предусматривался учет всех рабочих из Афганистана (а также Ирана), их регистрация при переходе границы становилась обязательным условием трудоустройства. Устанавливался и новый порядок трудовых расчетов с иммигрантами этой категории: им разрешалось до 25 % заработка пересылать за границу, а 30 — 40 % получать промышленными товарами в стране пребывания². Такая натурализация в определенной степени привязывала иммигрантов к хозяйственной системе Азиатской России, хотя в целом она учитывала обоюдные интересы рабочих и страны-работодателя — последней было важно ограничить вывоз червонцев за границу. Следует признать, что рабочие-отходники из Афганистана были безусловно выгодны для СССР — они использовались в хлопководстве и других трудоемких отраслях. По этой причине трудовая миграция из соседнего государства всячески поощрялась, хотя, как это видно из приведенного выше документа, административно и экономически регламентировалась. Ее масштабы сдерживались и сохранявшейся многие годы социально-политической нестабильностью в зоне советско-афганской границы.

Но предприимчивость советской стороны на афганском направлении не могла решить целого комплекса старых и быстро копив-

¹ РЦХИДНИ. — Ф. 62. — Оп. 2, д. 1806, л. 35 — 36.

² РЦХИДНИ. — Ф. 62. — Оп. 2, д. 1803, л. 124. Масштабы отходничества из Афганистана в Азиатскую Россию возросли в 1929 г., когда хозяйственная жизнь большинства афганских провинций была парализована гражданской войной. Но переходу трудовых мигрантов (как правило, выходцев из беднейших слоев и представителей национальных меньшинств) на советскую территорию препятствовали предводители среднеазиатской эмиграции.

шихся новых проблем на центральноазиатских окраинах самого СССР: стагнации хозяйственной жизни, этнополитической напряженности, неконтролируемой миграции. Афганские события подтолкнули Москву к основательному пересмотру политики ускоренной советизации этих областей бывшей Российской империи. Не сидели, сложа руки, и региональные власти — глава узбекского правительства Ф.Ходжаев обратился в СНК СССР с предложением осуществить в пределах 30-километровой приграничной полосы целый ряд мероприятий: улучшить систему землепользования, включая механизмы хозяйственно-финансовой поддержки сельхозпроизводителей (долгосрочное кредитование, раздача удобрений, создание сети прокатных, ремонтных и ветеринарных пунктов), предоставить местному населению налоговые льготы (снижение сельхозналога на 1/3, а в овцеводческих хозяйствах — наполовину), вести дорожное, школьное и больничное строительство, развивать государственную и кооперативную торговую сеть, завозить промышленные товары для создания товарного заслона против контрабанды из Афганистана.¹

Еще одним важным, по сути геополитическим, последствием афганских событий и этнополитических трансформаций в Афганистане стало решение Москвы повысить уровень государственности таджиков, проживавших на территории СССР.² 16 октября 1929 г. Таджикская автономная область, существовавшая в составе Узбекской Советской Социалистической Республики, была также преобразована в союзную республику.

* * *

К концу 1920-х гг. Афганистан стал одним из самых нестабильных государств Востока: новый правитель Аманулла-хан, сумевший в 1919 г. восстановить полную независимость страны, в дальнейшем своими поспешными и непродуманными реформами завел ее в тупик. Сказалась и социально-политическая отсталость традиционного афганского общества, ограниченность его внутренних и внешних ресурсов, недостаточная поддержка реформ со стороны немногочисленных новых социальных слоев. Наконец, пагубную роль сыграла чрезвычайная амбициозность и другие личные качества самого Аманулла-хана, помешавшие ему выработать адекватную тактику буржуазно-либераль-

¹ РЦХИДНИ. — Ф. 62. — Оп. 2, д. 1803, л. 128 — 132.

² На это обстоятельство как на один из фактов ломки исторически сложившейся структуры региональных отношений в Средней Азии, указывает В.Г. Коргун. — Системная история международных отношений. Том первый. — М., 2000. — С. 219, 222.

ных преобразований в Афганистане и вообще оптимально выстроить деловые и личные отношения со своим ближайшим окружением, а также отношение к своему народу, ради которого он, собственно и начинал беспрецедентные для своей страны, а в чем-то — и для всего Востока — реформы. Обстоятельства юности и связанная с ними ранняя англофобия, другие последствия либерально-националистического воспитания, личные качества монарха-реформатора (тип, безусловно, новый и необычный на политическом небосклоне Афганистана и даже всего Востока) во многом не только вызвали к жизни феномен афганской монархической «революции» 1920-х гг., но и ее провал, и трансформацию в серию гражданских войн и этнополитических конфликтов, едва затихших лишь к середине 1930-х гг.

Падению «аманистского» режима способствовали и внешние факторы. Аманулла-хан и его окружение не смогли творчески использовать опыт реформ, осуществляемых в тот же период в других странах Востока — Турции и Иране, как и более адресно использовать прямую, в частности, турецкую помощь (в военной, образовательной сферах). Фактически, еще более противоречиво в афганских делах проявилась роль России/СССР: в межгосударственных отношениях стран-соседей так и не была достигнута доверительность союзнического уровня, Аманулла до конца своего правления оставался для советской стороны трудным партнером, да и сама по себе афганская ситуация объективно содержала в себе целый ряд головоломок и вызовов социально-политического, экономического и даже военного характера.¹ Их правильному решению препятствовали сохранявшиеся на протяжении 1920-х гг. расхождения в подходах и методах различных ведомств и структур, напрямую или косвенно связанных с проведением советской политики на Востоке и конкретно в Афганистане.² Так, НКВД, особенно его цен-

¹ В ряду потенциальных проблем советско-афганских отношений межвоенного периода существовала угроза обострения советско-британских противоречий в Афганистане. Именно поэтому руководитель советского дипломатического ведомства Г. Чичерин всячески предостерегал от заключения «оборонительного союза» с Афганистаном, могущего привести к советско-британскому конфликту: «Мы имеем полное право поддерживать афганское правительство против инсургентов, но в случае его столкновения с английскими военными силами мы не можем дать себя втянуть в военные действия с Англией». — РЦХИДНИ. — Ф. 62. — Оп. 2, д. 243, л. 166.

² В документах содержатся и факты вопиющие, свидетельствующие о махровом бюрократизме либо даже саботаже решений центральных советских органов региональными структурами. Примером может служить телеграмма слушателя Академии Генштаба Трутко, направленная им 8 ноября 1921 г. из Ташкента лично председателю Совнаркома России Ленину: командированный в Афганистан, Трутко на два месяца застрел в Средней Азии «вследствие волокиты местных властей особенно отдела внешних сношений», ему не помогли даже обращения в Наркоминдел и Всеросглавштаб. — Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 130. — Оп. 4, д. 455, л. 149.

тральный аппарат, последовательно проводил линию государственной поддержки кабульского режима образца 1919 — начала 1929 гг., советские силовые ведомства, и прежде всего разведка, лучше представлявшие себе истинное положение дел в Афганистане, придерживались все более пессимистических позиций и готовились к альтернативным сценариям развития ситуации в этой стране. Конституционно-монархический по форме и авторитарно-реформаторский по сути режим Аманулла-хана не вписывался и в революционно-романтические, а точнее говоря, авантюристические схемы Коминтерна, лишившегося к концу 1920-х гг. последних атрибутов международного штаба мировой революции. В раскладах Коминтерна, к этому времени — второго-разрядного политико-пропагандистского/аналитического института в международно-политической инфраструктуре левого радикализма, Афганистану предназначались «опережающие» роли, мало связанные с реальной логикой его развития. Как видные теоретики Коминтерна, так и его низшее и среднее экспертно-аналитическое звено, фактически готовившее и проводившее в жизнь решения этой организации, сочли эру Амануллы пройденным этапом.

События 1920-х гг., будучи сами по себе оригинальным и масштабным явлением, породили новые формы политического действия, частичные подвижки в хозяйственной и других областях жизни Афганистана. Не все они утвердились в афганской действительности того времени, но «код» наиболее значимых новаций эпохи Аманулла-хана запечатлелся в социальной ткани и историческом сознании афганского общества. Афганский опыт, — и положительный, и отрицательный, — продемонстрировал значимость центральноазиатского цивилизационного и геополитического контекста, историческое родство и взаимозависимость судеб народов Афганистана и сопредельных стран. Но этот же опыт многократно подтвердил сохраняющиеся на рубежах центральноазиатского (тюрко-таджикского) и южноазиатского (в частности, пуштунского) анклавов различия государство- и регионообразующего характера, и поныне определяющие нормы политического и социального поведения целых этнических групп и общественных слоев.

«Варлорды» и реконструкция Афганистана¹

К. Абдуллаев

«Что это такое — варлорд, и почему вы меня так называете?», — спрашивал журналистов Абдул Рашид Достум, бывший в то время замминистра обороны Афганистана, в апреле 2002 г., когда внимание мировой прессы было приковано к этой стране. На следующий день Достум, сменивший привычный камуфляж на новенький цивильный костюм, стоял рядом с бывшим королем Захир Шахом на церемонии в кабульском аэропорту. Это не была дерзкая выходка одиозного криминального авторитета, а демонстрация реальной силы, мобилизовавшей свои ресурсы, чтобы сохранить политическое влияние и стать главным агентом и партнером международного сообщества, приступающего к реконструкции этой бедной и разрушенной страны.

Действительно — кто такой афганский варлорд и варлорд вообще? Как следует относиться к Достуму и ему подобным неформальным лидерам, сочетающим военную мощь с харизмой народных героев и обладающим удивительной способностью сохранять и приумножать региональную власть в бедных и раздробленных странах на Балканах, в Средней, Южной, Восточной Азии, Экваториальной Африке?

О варлордах и варлордизме

Варлорд (warlord) — «лорд войны» (и его производные, такие как милитарист, полевой командир) это неформальный военный лидер, появляющийся тогда, когда государство развалено и утеряло монополию на применение насилия. Это лидер, обладающий способностью создавать субнациональные военные группы, которые сопротивляются восстановлению центральной власти и поддерживают себя, участвуя в преступлениях и незаконной деятельности. Диапазон варлордизма как социально-политического явления довольно широк — от крупномасштабного гангстеризма (Албания) до квазиповстанческого движения (Чечня, Кашмир). Западные политологи первыми забили тревогу, обращая внимание на тревожную тенденцию разрыва между властью и обществом, вызванную неспособностью лидеров провальных (failed) государств Восточной Европы, Азии, Африки и Латинской Америки организовать должным образом и регулировать физическую и социальную среду на своих территориях. Лидеры слабых и провальных госу-

¹ Расширенный вариант статьи на английском языке см.: Kamoludin N. Abdullaev. Warlordism and Development in Afghanistan, Beyond Reconstruction In Afghanistan // Lessons from Development Experience. Edited by John D. Montgomery and Dennis A. Rondinelli. — New York: Palgrave MacMillan, 2004.

дарств позволяют варлордам усиливать свои позиции путем уклонения от уплаты налогов, взимания незаконных поборов, торговли оружием, бартерных сделок, подпольного производства, наркобизнеса, грабежа и рэкета. Варлорд — почти непреременный спутник так называемых квазигосударств, образовавшихся в большом количестве после распада колониальной системы. Большинство этих государств оказались неспособны стоять на собственных ногах; их легитимность обеспечивается почти исключительно внешней поддержкой и вмешательством.

«Варлордизация» — тенденция, ассоциируемая с образованием наемных вооруженных формирований и частных армий, действующих вне пределов досягаемости национальной и международной юрисдикции, в последние годы вышла на международный уровень и представляет сегодня серьезную угрозу для всего мирового порядка. В последние десятилетия мировое сообщество предпринимало и предпринимает значительные усилия, для того чтобы противостоять им и контролировать варлордов — руководителей государств, типа Франьо Туджмана, Слободана Милошевича и Радована Караджича из бывшей Югославии; Саддама Хусейна в Ираке; Пол Пота и Хун Сена в Камбодже и многих других, установивших деспотическое криминальное правление в своих странах. Действия этих «варлордов международных отношений» имитируются огромным количеством варлордов от наркобизнеса и торговли оружием.

В имеющейся литературе распространенным является взгляд на варлордов с позиций «экономики войны» (economy of war) — непреременной спутницы провальных государств, в которых предоставление военизированных услуг зарубежным спонсорам заменил нормальную экономку гражданских лиц.¹ Этот подход предполагает изучение внешней (финансовой, материальной, информационной) поддержки, которую оказывают региональные соседи своим клиентам-варлордам внутри Афганистана. Стратегические аналитики, военные наблюдатели отмечают также распространение «новых войн», вызванных ослаблением государственной власти, развалом профессиональных армий, потерей государственной монополии на насилие.² Такие подходы, при всей их продуктивности, оставляют без ответа многие важные вопросы. Кто такие варлорды? Когда они появились в Афганистане? Есть ли разница

¹ См.: Barnett, Rubin. *The Political Economy of War and Peace in Afghanistan*. — 1999. — URL: http://www.eurasianet.org/resource/regional/rubin_on_afgistan.html

² См.: Keegan, John. *A History of Warfare*. — London: Hutchison, 1993; Kaldor, Mary. *New and Old Wars*. — Cambridge: Polity Press, 1999; Mackinlay, John. «Defining Warlords» *Building Stability in Africa: Challenges for the New Millennium* (2000). — URL: <http://www.iss.co.za/Pubs/Monographs/No46/Defining.html>

между легитимным моджахедом и преступником-варлордом?

Феномен вардордизма впервые появился в 1910-х гг. в Китае, когда эта страна развалилась и находилась во власти региональных лидеров- милитаристов. Но как явление мировой политики он заявил о себе во время «новой эры неопределенных и нелегитимных правительств», начавшейся со второй половины XX в. По мнению замечательного неомарксистского историка Хобсбаума, в это время мировые державы «добились успехов в стабилизации границ, но отнюдь не в установлении надежных и стабильных режимов». В ситуации, когда правительства наспех скроенных государств проваливались (failed state), инициативу ведения государственной политики перехватывали неформальные (non-state) лидеры. Как побочный продукт «холодной войны», они появились в результате неспособности гражданских лиц контролировать военных. В СССР, Северной Корее и на Кубе военную стихию обуздали репрессивные коммунистические режимы, в то время как в Алжире, Бирме, Эфиопии, а также в Сирии, Ираке конец беспределу положили сами военные, установив революционно-милитаристские режимы.

Однако было бы очень большим упрощением представлять варлордов как исключительно политический феномен. История и культура того или иного народа дает немало материала для понимания варлордизма. Нельзя, к примеру, не видеть разницу между гангстером Южной Америки и региональным афганским лидером. Живучесть, харизма и популярность афганских варлордов кроется в выполняемой ими важной функции общинной самообороны в условиях, когда государство, по различным причинам, но чаще из-за своей слабости, неспособно обеспечить собственную безопасность и неприкосновенность своих субъектов. Достаточно вспомнить афганских «командиров», творивших суд и разрешавших споры общин в 1980-х, когда государство, в том числе его правоохранительные и силовые органы, было развалено или бездействовало. «Командиры» для многих тогда казались единственными эффективными лидерами. Авторитет «народного дружинника» и живучесть локальных традиций самообороны имеют глубокие исторические корни. Средняя Азия никогда не знала независимых национальных государств. Государства-империи этого региона (в первую очередь Бухара и Афганистан) были слишком слабыми, чтобы разрушить племенную власть и разоружить или даже контролировать периферию. Окраина всегда оставалась вооруженной, чтобы оборонять себя от алчных эмиров, беспокойных соседей и иностранных завоевателей. Сильные традиции пастушеского внегосударственного выживания явились серьезным препятствием для укрепления центральной власти в эфемерных степных

и предгорных государствах Средней Азии. Не следует забывать, однако, что общинная самооборона и национальная армия далеко не одно и то же. Защитные функции варлордов прекращаются за пределами «своих» территорий и интересов. Частные армии строятся по статусному, почти кровному принципу клана, семьи, региона. Потому современные армии классового, национального или контрактного типа (Красная армия в Средней Азии в 1920-х, Советская армия в Афганистане 1980-х, американцы в Афганистане и Ираке в 2000-х) долгие годы не могли (не могут) с ними справиться. Современные национальные армии состоят из граждан, отстаивающих государственные интересы, в то время как частные состоят из «братишек», устанавливающих «тиранию кузенов» (выражение антрополога Эрнста Геллнера). Армии кузенов сплочены не только стремлением защитить свои общины и авторитетом вожака, но и возможностью пограбить. Современные армии могут нанести «братишкам» военное поражение, но общие, основанные на кровном родстве лояльности при этом не пострадают, оставляя надежду будущим политическим предпринимателям мобилизовать их в случае необходимости.

Варлорды и центральная власть в Афганистане

Характер афганского варлордизма определили взаимоотношения с внешними силами. Афганистан всегда рассматривался окружающими странами как некое пустое пространство, могущее послужить надежным защитным «буфером». Для России Афганистан служил щитом «русской» Средней Азии, Сибири и Кавказа; для Англии Афганистан прикрывал Индию; для Китая — Монголию и Синьцзян. Начиная со второй половины XX в., Пакистан рассматривал западного соседа с позиций «стратегической глубины» в своем диспуте с Индией. Поскольку это была своего рода «нейтральная зона», на протяжении двухвекового соперничества Россия, Китай и Англия воздерживались от крупных конфликтов и стремились мирно улаживать свои споры по поводу Афганистана. Соответственно, ни одна из упомянутых империй не собиралась вкладывать серьезных инвестиций в «ничью» страну. Имперские потребности и интересы в Афганистане обслуживали не гражданские предприниматели, бюрократы и капиталисты (как в соседних «русской» Средней Азии, Индии, Иране), а вооруженные неформальные лидеры, защищавшие узкие, зачастую конфликтующие интересы «великих держав» и правительств соседних стран. Афганское государство никогда не жило за свой счет: огромное количество внешней помощи в виде материальной и финансовой помощи, а также оружия — главным образом из России, Англии, Китая, а позже США — гарантировало шаткую устой-

чивость положения этой страны начиная со второй половины 19-го века. Постепенно главной фигурой афганской политики стал местный лидер, власть которого зависела от способности получать и перераспределять эти поступающие извне ресурсы. Недостаточность и нерегулярность поступления внешней «помощи» вызывали хроническую нестабильность и нескончаемую фрагментацию, культивируемые этими же самыми лидерами, стремившимися сохранить свою власть. Эпизодически региональные лидеры восставали против притеснений центральной власти. Эти восстания подавлялись при помощи оружия и денег, поставлявшихся Англией и СССР. Постоянное внешнее вмешательство привело к возникновению патернализма, купле-продаже лояльности, образованию политической экономии, основанной на зависимости и клиентизме на всех уровнях афганского общества¹.

Советская оккупация (1979-1989) выявила неспособность региональных лидеров и центральной власти организовать общенародное, объединенное движение. Антисоветское сопротивление возникло в виде спонтанного, разрозненного движения вооруженных неформальных лидеров афганской периферии. Все попытки объединить группы моджахедов под исламскими лозунгами провалились. Сопротивление разделилось на региональные и этнорелигиозные группы. Афганское общество оказалось недостаточно однородным для того, чтобы люди оказывали доверие кому-то за пределами деревни, племени или этнической группы. В ситуации, характеризующейся отсутствием надежной центральной власти, племена заботились об усилении местных общин и групповых этноструктур, которые бы смогли обеспечить минимум стабильности и защитить общины от внутренних и внешних угроз.

Таким образом, варлордизм это не специфическая политика, не врожденное стремление некоторых народов к войнам и грабежам, а следствие хронической нестабильности и отсутствия эффективного государства как аппарата подавления субнационального насилия. Это не что иное, как проявление милитаризма, заполнившего вакуум, вызванный отсутствием нормальной (невоенной) политики. По мере того, как возрастало стремление к независимости, эта «ненормальная» тенденция стала нормальной чертой афганской политики.

Конечно, варлорд, понятие деструктивное. От народного героя до преступника дистанция короткая. Почему герой становится преступником? Конечно, не потому, что он, как утверждают некоторые

¹ См.: Shahrani, M. Nazif. Resisting the Taliban and Talibanism in Afghanistan: Legacies of a Century of Internal Colonialism And Cold War Politics in a Buffer State// Journal of International Affairs. — December 2000-February 2001, Volume V. — Number 4.

эксперты Пентагона, «потомок Чингиз-хана» с врожденной жадной кровью. Практически все командиры Афганистана были вовлечены в незаконную деятельность. Однако некоторые из них (таджики Ахмад Шах Масуд и Исмаил Хан, пуштун Ходжи Кадир) использовали незаконные источники доходов, такие как наркотики, перевозки, драгоценные камни, а также иностранную помощь, не для банального личного обогащения, но для наращивания военной мощи, строительства школ и больниц, поддержки местного самоуправления. Некоторые из них (Ахмад Шах Масуд) преуспели в создании квазинационального движения. Другими словами, они пытались выполнять созидательные функции, подобно баронам средневековой Европы, заложившим основы государственного строительства. К сожалению, эта, позитивная, сторона их деятельности закончилась неудачей. Причины дегероизации афганских «Робин Гудов» имеют социальный характер. Дело в том, что распад государства сопровождался нескончаемым насилием, эмиграцией, что, в свою очередь, разъедало установившиеся иерархии кровнородственных структур, селений, кланов. Сам по себе клан еще не преступное сообщество, покуда он управляется традиционными лидерами в соответствии с принятыми правилами. По мере продолжения военных действий, белобородые старцы вытесняются молодыми лидерами, главным аргументом которых является «Калашников». Проблема возникает тогда, когда клановые лидеры изменяют идеалам защиты своих общин и выносят свою деятельность за пределы традиционных властных структур, нарушая при этом как общинные, так и современные — национальные и международные — законы. Так, в Афганистане, несмотря на попытки отдельных командиров Северного Альянса связать разрозненные части сопротивления в единую национальную общность произошло постепенное размывание легитимности сопротивления и «приватизация» войны командирами моджахедов. Вывод советских войск в 1989 году сделал военное дальнейшее сопротивление бессмысленным. Нежелание разоружиться, продолжавшееся соперничество, террор против населения, привели к моральной деградации сопротивления и дегероизации моджахедов. Эта эрозия некогда почетного звания «бойца за веру» создала условия для появления талибов, в которых афганцы видели движение, способное положить конец беспределу и анархии моджахедов.

Варлорды и «нарколорды»

С международной точки зрения варлордизм совпал с бумом наркобизнеса в Южной и Средней Азии. Конец холодной войны в Афганистане означал ослабление контроля за перевозками в этом ре-

гионе со стороны России и Запада. Вывод Советской Армии в 1989 г. привел к некоторому оживлению сельскохозяйственной деятельности на афганской периферии. Это улучшение затронуло почти исключительно производство опиийного мака, героина и незаконные перевозки. Опиум стал важным источником доходов для талибов. Их отношение к этому бизнесу напоминало политику Гоминдана в Китае. Подобно Чан Кайши, талибы монополизировали эту индустрию с целью объединить страну и противостоять региональным сепаратистам. Несмотря на формальный запрет, они обложили всех, кто был вовлечен в этот бизнес, «государственными налогами». В целом, слабость афганского государства является главной причиной вовлеченности афганцев в этот бизнес. Здесь уместна аналогия с Китаем, Бирмой, Сомали и Южной Азией, где варлордизм и наркобизнес явились причиной и следствием ослабления центральной власти. Все последние десятилетия Афганистан был неспособен гарантировать нормальную защиту своих границ, наладить законное налогообложение, хождение капитала, эффективные таможенные процедуры и грузоперевозки. Наличие слабого государства сделало эту страну поистине раем для наркопроизводителей и наркоперевозчиков. Географическое положение Афганистана явилось еще одной причиной его вовлеченности в преступный бизнес. Он расположен в средоточии стратегически важных транспортных артерий, протянутых от бесплодных складов Персидского залива до густонаселенного индийского субконтинента и от Южной Азии через Среднюю Азию до российских пределов. По причине их географической изолированности, Афганистан и Средняя Азия очень слабо интегрированы в мировую экономику. Это сделало их поставщиками дешевой рабочей силы для незаконного производства и перевозок наркотиков в развитые страны. Почти 80% героина, задержанного в Европе и 90% героина в Англии, — афганского происхождения. Разрушение ирригационной системы, засуха и упадок традиционного сельского хозяйства также способствовали незаконному наркотрафику.

Наркобизнес в Афганистане не пострадал от американского вмешательства в эту страну, начавшегося осенью 2001 г. В этой стране США избегают конфронтации с варлордами, многие из которых глубоко втянуты в преступный бизнес.

Несмотря на все это, Афганистан не стал вторым «золотым треугольником». В отличие от Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, регион Средней Азии — родина регионального, этнического варлордизма, но не варлордизма наркобаронов и торговцев оружием. Отсутствие безопасности (как личной так и общественной), национальных

политических и финансовых структур, неудовлетворительное развитие транспортных структур усугубленное нестабильной ситуацией в сопредельных странах (Средней Азии, Пакистане, Иране) помешало слиянию небольших соперничающих автономных командиров с наркодилерами и образованию транснациональной наркомафии.

Таджикистанский опыт

Западные эксперты противопоставляют преступных варлордов Средней Азии «хорошим» баронам средневековой Европы. Изучая варлордизм Средней Азии, американские эксперты Трой Томас и Стивен Кайзер отмечали: «несмотря на усилия Комиссии национального примирения, варлорды организованы, активны и не останавливаются перед применением насилия в Таджикистане. ... не следует впадать в заблуждение и думать, что их больше нет — они есть! Пока (в Таджикистане. — К.А.) они входят в правительство. Продолжающееся насилие и дальнейшие трансформации, однако, могут вызвать к жизни антиправительственных варлордов иомудов в Туркмении, ордынских варлордов в Казахстане, или городских варлордов в Хиве и Ташкенте». Такого рода мрачные прогнозы укладываются в русло концепции «Запад против всех», согласно которой национализм и гражданское общество хронически слабы на Среднем Востоке и в Средней Азии. Такие взгляды, однако, не позволяют видеть внутреннюю динамику развития среднеазиатского общества. Кроме того, такой «анализ» непригоден для выработки реальной политики избавления региона от власти варлордов. Между тем таджикистанский опыт может принести пользу соседнему Афганистану.

Война 1992-1997 гг. привела к появлению многочисленных «народных генералов», «полевых командиров» в Таджикистане. После подписания мирного соглашения 1997 г. Объединенная таджикская оппозиция (ОТО) получила 30-процентную квоту в правительстве. Эта квота предоставила реальную альтернативу для варлордов, желающих трудоустроиться в мирной жизни. Почти все боевики (около 7 тысяч) были собраны и разоружены под руководством ООН. Важно то, что демобилизация была принципиальным условием, обеспечивающим амнистию лидеров оппозиции и легализацию их политических партий. К чести таджикских варлордов, военное примирение прошло быстрее и менее болезненно, чем политическое. После завершения демобилизации ОТО объявила свои военные отряды распущенными и бывшие бойцы оппозиции общим числом 4,5 тысячи человек изъявили желание влиться в национальную армию, состоявшую в то время из бывших бойцов про-

правительственного «Народного фронта». Это был рискованный шаг, так как бойцы обеих сторон сохраняли лояльность своим командирам, допускавшим массовые нарушения прав человека и вовлеченным в незаконную и преступную деятельность. В то же время, именно эти закаленные в боях соединения (национальная армия по форме, этнорегиональные вооруженные группы по содержанию) были реальной, эффективной и уникальной силой, защитившей Таджикистан от неконтролируемых банд и мятежников. Достаточно вспомнить как бывшие соперники, объединенные в подобие национальной армии, сокрушили остатки неприсоединившихся банд с обеих — правительства и оппозиции — сторон (брата Садировы, Худойбердыев). В 1999 г. была проведена быстрая и эффективная кампания по конфискации оружия и введению запрета на его незаконное ношение. К 2002 г. страна была очищена от незаконных вооруженных формирований.

По отношению к лидерам — таджикским варлордам — была применена гибкая тактика: 1) приглашение наиболее весомым и амбициозным командирам в столичные правительственные структуры; 2) направление желающих в военные академии и школы за пределы Таджикистана; 3) предоставление возможности занятия легальным бизнесом; 4) привлечение к уголовной ответственности тех, кто совершил преступления после амнистии. Целью такой политики было освобождение центральной власти от «командирской зависимости», с одновременным восстановлением стабильных национальных структур, созданием национальной армии, надежной милиции, правовой системы. Для этого было необходимо отделить командиров от рядовых бойцов и от поддерживающего их населения. Разумеется, успех такой политики был частичным: таджикские варлорды были лишь выведены из тревожной зоны, чреватой возобновлением войны, в менее опасную зону «серой» и теневой экономики и открытого политического соревнования. Военные камуфляжи сменили дорогие костюмы и на улицах стало намного спокойней.

Что делать?

Таджикский опыт дает основания как для оптимизма, так и для пессимизма. Он показывает, что дезинтеграция субнациональных — кровных и региональных — военных союзов возможна через демобилизацию, подчинение и репрессии. Однако не следует обольщаться и считать, что при этом может быть положен конец лояльностям, связывавшим незаконные вооруженные формирования. Точно так же физическая «деварлордизация» не смогла кардинально изменить в

одновременно культуру населения и положить конец применению насилия в политических целях. Обеспечение прав человека и трансформация культуры войны в культуру мира потребуют немало усилий. Окончательное освобождение общин и регионов Таджикистана от насилия и «командирской зависимости» и их надежное включение в национальные структуры могут произойти, если только таджикские общины и регионы почувствуют, что кланизму имеется надежная альтернатива в лице государства. Государства, предоставляющего всем его гражданам равные права и возможности и имеющего надежную национальную армию, неподкупные правоохранительные и судебные органы. Важным условием для повышения доверия к государству является эффективное и профессиональное правительство, предоставляющее равные социальные услуги и обеспечивающее политическое участие всем общинам и регионам. Эти задачи, в принципе выполнимы, но на это уйдут многие годы. Во многих странах третьего мира этот процесс затянулся на годы и — увы, ни к чему хорошему пока не привел.

История Афганистана последних полутора десятка лет показывает, что политика подкупа варлордов эффективна лишь при решении краткосрочных задач. Она требует постоянного увеличения финансовых затрат, не гарантирующих, впрочем, адекватного результата. Международное вмешательство в эту страну должно способствовать усилению государства и центральной власти как главного агентства, способного избавиться от «варлордной зависимости».

Нереально ожидать, что США, Пакистан, Саудовская Аравия, Иран, Узбекистан, Россия и другие страны перестанут общаться со своими клиентами-варлордами. Было бы также нерационально не использовать их влияние во имя достижения мира в Афганистане. Международное сообщество должно заставить региональные правительства оказывать сильнейшее давление на варлордов, с тем чтобы прекратить распри и добиться признания ими центрального правительства. Региональные правительства могут опираться на таджикский прецедент середины 1990-х, когда Россия и Иран, обеспокоенные ростом влияния талибов, заставили воюющие стороны сесть за стол переговоров. Кремль оказал давление на светский посткоммунистический Душанбе, в то время как Иран надавил на ОТО, костяк которой представляли исламисты. Международное сообщество должно увязать программы по развитию и материальную помощь, оказываемые Пакистану, Узбекистану, Таджикистану, России и другим странам, имеющим интересы и влияние в Афганистане с требованием вносить свой посильный вклад в умиротворение и развитие этой страны. Правительства соседних стран

должны быть уверены, что донорская помощь значительно возрастет, если они помогут афганскому правительству поддерживать мир. В то же время те, кто будет продолжать вмешиваться в афганские дела и способствовать дестабилизации, должны подвергаться строжайшим международным санкциям. Разжигание соперничества Достума и Ато Мохаммада на севере, например, во многом есть результат вмешательства ташкентских властей.¹ Международное сообщество имеет большие резервы для давления на региональных соседей Афганистана, так как доля международной помощи в их бюджетах не идет в сравнение с собственными доходами. Действующие программы по развитию Средней Азии недостаточно увязаны с задачей укрепления безопасности Афганистана. Назрела необходимость интегрированного, открытого и принципиального подхода к реконструкции Афганистана наподобие того, который предпринят в Южной Азии и на Ближнем Востоке. Собственно «реконструкция» и национальные интересы вмешивающихся сторон не должны оттеснять на второй план укрепление безопасности в этой стране. США, преследуя цели своей «войны против террора», должны отказаться от поддержки отдельных варлордов. Взамен им следует плотней работать с Узбекистаном в деле умиротворения северных провинций. Америка и региональные правительства должны прекратить поддержку варлордов, выступающих против президента Карзая. Остатки талибов могут и должны быть разбиты местными силами, подобно тому, как мятежный таджикский полковник Худойбердыев был разбит союзом ОТО и проправительственного «Народного фронта».

Не менее важно задействовать и внутренний потенциал афганского общества. Афганские общины должны открыто выражать свое неприятие криминальных авторитетов. Донорам следует поддерживать местные НПО, работающие в области защиты прав человека, гендера и пр. Афганские НПО могут проводить мониторинг как государственных, так и неправительственных программ реконструкции своей страны. Неформальные методы и местные традиции достижения и поддержки мира в общинах должны доминировать над рекомендациями, выработанными академическими мирными конференциями. Затраты подобной «мирной интервенции» в десятки раз меньше военных затрат. Традиционные институты власти, включая «шуры» — советы при мечетях, состоящие из народных представителей, могут стать ключевым агентом управления общинами, своеобразным противовесом варлордам, которые привыкли коррумпировать общинные структуры в своих личных и корыстных

¹ Sedra, Mark. Challenging the Warlord Culture: Security Sector reform in Post-Taliban Afghanistan. — International Center for Conversion Bonn, 2002. — Paper 25, 15.

интересах. Эти традиционные афганские институты власти выжили, несмотря на продолжительную войну и варлордизацию. Они вселяют веру в то, что афганцы смогут освободиться от «варлордной зависимости». Представительная власть — явление доселе неизвестное для афганской политики. Традиционно, в этой стране властные структуры базировались на неустойчивой коалиции столичных элит, контролировавших госаппарат и региональных лидеров. Первые заключали контракт с последними. Этот контракт принимал форму персонифицированной сделки типа «патрон-клиент», которая создавала иллюзию связи между национальными и религиозными общинами афганской периферии и центральным правительством.

Кооптация — наиболее приемлемый способ общения с варлордами. Он подразумевает ненасильственно склонение к разоружению, признанию правительства и последующее присоединение к легальной политике. Создание побудительных мотивов для подобной метаморфозы — задача первостепенной важности, так как она является ключевой для моделирования эффективной формулы разделения власти в Афганистане.

Сложность государственного строительства в Афганистане усиливает аргументацию тех, кто ратует за централизацию власти в этой стране. Однако восстановление жестко централизованного Афганистана чревато усилением конфронтации между центром, поддерживаемом извне и периферией, пользующейся поддержкой соседних региональных правительств и соответствующих диаспор. В преддверии принятия новой конституции и президентских, 2004 года, выборов, в Афганистане раздавались голоса в пользу федерального устройства. Его адвокаты ссылались на право на национальное самоопределение и необходимость освободить страну от «персонифицированной политики внутреннего колониализма», имея в виду период пуштунского доминирования.¹

Приемлемость идеи переговоров с варлордами в целях достижения мира была подчеркнута бывшим премьер-министром России Евгением Примаковым, который предлагал использовать таджикский опыт в Чечне. В 2002 г. он считал, что в центре внимания переговоров в Чечне должны быть — как в Таджикистане — условия, на основе которых командиры должны согласиться на разоружение, а также конкретные выгоды, которые они могут при этом извлечь.² Разумеется, применимость

¹ Shahrani, M. Nazif. Afghanistan Can Learn From Its Past// New York Times. — New York, 2001. — October 11. См. также: Smith, James Purcell. Debate Over Federalism in Afghanistan Continues// Central Asia-Caucasus Analyst. — 2002. — October, 23.

² Could The Tajik Peace Process Serve As A Model For Chechnya?// Radio Free Europe/Radio Liberty. — Prague, 2002. — November 28. Caucasus Report Vol. 5, No. 38.

его рекомендаций в условиях Афганистана сомнительна, ведь Афганистан и Таджикистан — независимые государства, а Чечня входит в состав России. Более того, в практически мононациональном суннитском Таджикистане примирить враждующие стороны на основе общетаджикского национализма оказалось делом вполне реальным. Усилению таджикского национализма здесь способствовал рост пуштунского национализма в талибском Афганистане. В то время как в многонациональном Афганистане с его значительным шиитским населением будет непросто достичь приемлемого согласия по поводу раздела власти. Тем не менее, главное «зерно» таджикского опыта, заслуживающего внимания в Афганистане, заключается в необходимости решать проблемы путем прямых переговоров и сделок, а не через конфронтацию с вооруженными региональными лидерами.

Делиться властью и ответственностью — надежный способ, применимый в ситуациях, когда тяжелый конфликт поляризовал общество и политических лидеров. Считать неформальных вооруженных лидеров безнадежно нелегитимными, как это делает западная пресса, противопоставляющая их «законному» правительству, поддерживаемому США, так же непродуктивно, как противопоставления типа «традиция против современности» в мусульманских обществах. Переход афганского общества от мира к войне, от разрушения к восстановлению и развитию займет не один год.

Концентрация внимания доноров на усиление общин и местной власти требует наличия эффективного и представительного центрального правительства. Кабинет, построенный на системе квот (региональной, этнической, гендерной, конфессиональной), не будет столь же эффективным как профессиональное правительство. Слабое центральное правительство должно быть сбалансировано передачей власти этническим группам и регионам, усиленным благодаря донорской поддержке. Разоружившиеся моджахеды, поддержанные местным электоратом, легализованные и включенные в законную политику, могут стать реальными лидерами своих общин. Попытки создать высокоцентрализованное государство в интересах даже не одной, а нескольких доминирующих этнических групп может вызвать затяжной конфликт по типу сомалийского 1990-х гг. Подход, подразумевающий федерализм и децентрализацию власти среди различных агентств, включая гражданское общество, видится более предпочтительным для борьбы против варлордов и сохранения единства Афганистана. Хотя при этом и остается опасность того, что некоторые из региональных лидеров будут поддерживать федерализм исключительно для того, чтобы сохранить свою власть от контроля Кабула.

В Афганистане варлоды возникли из движения сопротивления внешней угрозе. Многие из них обладают харизмой национальных героев. Если международное вмешательство в эту страну обернется неудачей, в ближайшие годы варлоды смогут привлечь все новые симпатии бедного и незащищенного населения и усилить свое сопротивление национальному и государственному строительству, представляя реальную угрозу безопасности в Евразийском регионе.

Из истории деятельности российских пограничников по пресечению незаконного распространения наркотических веществ в Центральной Азии

Л.И. Сумарков

В октябре 1992 г. Киргизстан и Россия заложили основы взаимодействия в вопросах охраны внешних рубежей СНГ. На тогдашнем постсоветском пространстве это были первые коллективные шаги по стабилизации ситуации в пограничной сфере, которая с распадом СССР дала резкие сбои. В 1992 г. молодое киргизское государство делегировало Пограничным войскам России киргизско-китайскую границу. Обоснованность такого шага исходила из новых реалий, возникших после распада СССР. Прозрачные границы между государствами — бывшими советскими республиками, разрушение единой централизованной системы обеспечения пограничной безопасности привели к активизации на внешних рубежах стран Содружества трансграничной преступности. Некогда монолитные советские границы подверглись мощному штурму. В новых условиях Киргизия и Россия нашли наиболее оптимальный, эффективный и испытанный способ стабилизации ситуации в пограничной сфере. Они объединили свои усилия.

Правовой основой для этого послужило Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Киргизстан от 9 октября 1992 г. о статусе Пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Республики Киргизстан.

12 декабря 1992 года главам двух государств было доложено о завершении формирования в Киргизии Группы пограничных войск Российской Федерации.¹ Организационно Группа пограничных войск создавалась на базе трех пограничных отрядов, прежде входивших в состав Краснознаменного Восточного Пограничного округа: Ошского (сформирован в 1967 г.), Нарынского (сформирован в 1924 г.), Каракольского (сформирован в 1965 г.).

Параллельно в соседнем Таджикистане шел процесс создания идентичной Группы войск российских пограничников.²

К этому моменту в мире окончательно утверждается тенденция,

¹ В результате реформирования пограничного ведомства России наименование Группы изменялось: с 1997 г. — Группа пограничных войск ФПС России в Киргизской Республике, затем — Пограничная группа ФПС России в Киргизской Республике, с 1998 г. — Оперативная группа ФПС России в Киргизской Республике, с 2003 г. — Оперативная пограничная группа ФСБ России в Киргизской Республике.

² Подробнее см.: Князев А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI в.). — Душанбе: Дониш, 2004. — С. 412-414, 418-420.

согласно которой районы производства и транзита наркотиков совпадают с зонами затяжных конфликтов низкой и средней интенсивности. При этом, естественно, производители наркотиков оказываются заинтересованными в поддержании режима нестабильности в этих регионах. На рубеже веков наркобизнес наряду с торговлей оружием и международной коррупцией становится важнейшим фактором «криминализации международных отношений».¹ К тому же он превращается в основной финансовый источник международного терроризма.

По данным Комиссии ООН по контролю над наркотиками (UNDCP), на долю Афганистана приходится 75% всего производимого в мире опия-сырца. В наркобизнес вовлечено 1700 тыс. афганцев. Ежегодный оборот международной торговли афганским опиумом составляет около 300 млрд. долларов США.

Несмотря на поражение движения «Талибан», а также формирования легитимных органов власти Афганистана, места складирования наркотиков, перевалочные пункты и лаборатории по производству героина остались нетронутыми. Кроме того, фиксируется их перебазирование, равно как и расширение посевов опийного мака на севере Афганистана, все более активно используется «северный маршрут» контрабанды наркотиков через Таджикистан в Россию и далее в Европу. Основным маршрутом транзита наркотиков из Афганистана остаются Шурабадское, Московское, Пянджское, Шаартузское, Калайи-Хумбское, Рушанское направления. По имеющейся в пограничных войсках Республики Таджикистан информации, 80% производимых в Афганистане наркотиков перебрасывается по этим направлениям.

Высокая активность преступных группировок, предпринимающих попытки контрабандной переправы наркотических средств из Афганистана в Таджикистан, является наиболее дестабилизирующим фактором на таджикско-афганской границе. Анализ деятельности Пограничной службы ФСБ России свидетельствует о том, что криминальные структуры переориентировались на закупки и реализацию «тяжелых» и дорогостоящих наркотиков. Это обусловлено удобством их транспортировки, а также высокой прибылью от реализации.

Действия контрабандистов на таджикско-афганской границе в большинстве своем отличаются особой дерзостью, готовностью незамедлительно применить оружие. Пограничники воюют уже не с «несунами-одиночками», а с хорошо организованными структурами.

¹ Князев А. История афганской войны 1990-х годов и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии. Изд-е 2-е, перераб. и доп. — Бишкек: Изд-во КРСУ, 2002. — С.27.

При организации переправ наркотических средств через границу отмечается тщательная их подготовка. Криминальными структурами, занимающимися распространением наркотических веществ, проводится дезинформация и отвлечение пограничных сил путем информирования обстановки на ложном направлении. Организуется постоянное наблюдение за пограничными подразделениями. Контрабандисты оснащены техническими средствами, отличаются мобильностью. Распространенным стало использование ими специальных средств связи, включающих маскираторы речи. Российские пограничники вынуждены постоянно совершенствовать формы и методы своей деятельности. О результативности принимаемых мер свидетельствует динамика изъятия наркотических средств на данном участке границы Содружества. В 1993 и 1994 гг. было задержано всего 400 кг наркотиков, при этом героин даже не упоминался. Однако, начиная с 1997 года, кривая изъятого героина резко поползла вверх. В 1998 г. его было задержано 172,1 кг (18% от общего количества), в 2001-м — изъято около 1600 кг (69% от общего количества). Всего российскими пограничниками с 1993 по 2002 гг. было задержано свыше 17 тонн 880 кг наркотических средств, в том числе — более 5 тонн 420 кг героина. Пограничной службой ФСБ России в ходе только одной специальной операции, проведенной с 27 сентября по 8 октября 2003 года на участке Московского пограничного отряда, была задержана крупнейшая в истории партия наркотиков — 1059 кг. При этом необходимо отметить, что переправка наркотиков с территории Афганистана имела вооруженное прикрытие, в результате чего российские пограничники были вынуждены дважды вступать в боестолкновения с вооруженными контрабандистами. Всего же за 2003 г. Пограничной службой ФСБ России было задержано на таджикско-афганской границе около 5 тонн наркотиков. За 8 месяцев 2004 г. изъято свыше 4 тонн наркотических средств, основную их часть задержали российские пограничники на таджикско-афганской границе.

В период 2002 -2003 гг. пограничными войсками Республики Таджикистан у нарушителей границы и из схронов изъято более 720 кг наркотических веществ, в том числе — 237 кг героина.¹

Сотрудничество правоохранительных органов Республики Таджикистан и российских пограничников, охраняющих границу с Афганистаном, позволило в ходе специальных операций в 2003 г. задержать более 9,5 тонн наркотиков (на 3 тонны больше, чем в 2002 году). В том

¹ Гончар Г., Ватулин Г. Погранведомства стран СНГ в борьбе с международным терроризмом, наркоагрессией и организованной преступностью// Пограничник Содружества. — Москва, 2004. — Январь-март. — С.12-13.

числе героина — 5,6 тонн. А за последние три года задержано 35 тонн наркотических веществ, 16 тонн из которых — героин.

Российским пограничникам в этой обстановке предстояло решать сложную задачу: защищая государственные интересы двух стран на внешних рубежах Содружества, одновременно формировать новый облик границы — открытой для общения людей, всестороннего сотрудничества со странами мирового сообщества, но надежно закрытой от поползновений трансграничной преступности, международного терроризма.

По существу, в противодействии незаконному транзиту наркотических веществ за 12 прошедших лет российские пограничники совместно с правоохранительными органами государств Центральной Азии попытались построить глубокоэшелонированную оборону, первая линия которой прошла вдоль 1300-километровой таджикско-афганской границы, а вторая — пролегла в киргизских горах. 21 ноября 1995 г. президентом Киргизской Республики Аскарком Акаевым был подписан Указ «О неотложных мерах по усилению борьбы с незаконным оборотом наркотиков». Одним из его пунктов Группе пограничных войск Российской Федерации ставились задачи по осуществлению пограничного контроля на таджикско-киргизской границе в части пресечения транзита наркотических средств. В связи с этим ей предоставлялось право заниматься оперативно-розыскной деятельностью в зоне ответственности вдоль линии границы с Республикой Таджикистан.

Решение принималось с учетом того, что российские пограничники на территории Киргизии успешно действовали уже три года. Они накопили солидный практический опыт охраны границы, отличались высокой организованностью, сплоченностью, профессионализмом и способностью оперативно реагировать на изменяющуюся обстановку. Деятельность россиян строилась на основе тесного взаимодействия с органами национальной безопасности, внутренних дел Киргизии, а также с Группой пограничных войск России в Республике Таджикистан. С 1992 по 1999 гг. они охраняли и защищали более чем тысячекилометровый участок государственной границы Киргизской Республики с Китайской Народной Республикой.

Деятельность в Киргизии группировки российских пограничников признавалась как образец совместных усилий Киргизской Республики и Российской Федерации по охране юго-восточного рубежа СНГ. Внедренный вариант охраны границы учитывал национальные, политические, экономические и финансовые интересы двух стран. Он

предусматривал непосредственное участие двух государств в укреплении внешнего рубежа Содружества. Это обстоятельство реализовывалось в совместной выработке и принятии решения на охрану границы, финансировании Группы пограничных войск России на долевом участии (80% — Россия, 20% — Киргизстан), жизнеобеспечении войск.

В соответствии с Соглашением о порядке комплектования и прохождения военной службы гражданами Киргизской Республики в Пограничных войсках Российской Федерации, находящихся на территории Киргизской Республики, подписанным 1 апреля 1994 г., комплектование соединений и частей осуществлялось как гражданами Российской Федерации, так и гражданами Киргизской Республики. Руководствуясь правовой базой Киргизской Республики, к оказанию помощи пограничникам в охране границы широко привлекались жители приграничья. Члены 28 добровольных дружин и 23 групп содействия ежедневно выходили вместе с российскими пограничниками на охрану границы. Они несли службу в составе пограничных нарядов, действовали как проводники, переводчики, участвовали в рейдах совместно с пограничниками и сотрудниками органов внутренних дел по проверке погранично-паспортного режима.

Охрана государственной границы на участке Группы пограничных войск Российской Федерации была организована на основе комплексного использования сил и средств, с учетом анализа складывающейся обстановки и прогнозирования ее развития. Широко использовались разведывательно-поисковый метод охраны границы. В интересах охраны государственной границы активно развивалось сотрудничество с китайскими пограничниками. Целенаправленно строилась погранично-представительская деятельность.

С 1995 г. в практику служебно-боевой деятельности Группы пограничных войск впервые было введено проведение пограничных операций. В ходе операции «Ала-Тоо-95» (впоследствии были результативно проведены операции «Тянь-Шань-96», «Тянь-Шань-97») отработывалось взаимодействие пограничных соединений со структурными подразделениями правоохранительных органов Киргизии — органами национальной безопасности, внутренних дел, с соединениями, частями Министерства обороны и органами государственной власти Киргизской Республики. Проверялась и совершенствовалась практика работы командиров, штабов по руководству войсками, оттачивались формы и способы служебно-боевой деятельности по охране границы. В ходе операции личный состав Группы пограничных войск России продемон-

стрировал образцы высокой бдительности, инициативы и самоотверженности. За 10 суток были задержаны 23 нарушителя государственной границы, 75 нарушителей пограничного режима, контрабандные грузы наркотиков, несколько десятков соколов-балабанов.

За год до принятия кардинального решения о сосредоточении усилий Группы пограничных войск России на наиболее вероятном направлении действий наркокурьеров Президент Киргизской Республики Аскар Акаев заявлял: «Мы пошли на то, чтобы делегировать большую часть полномочий по охране границ Главному командованию погранвойск России, и считаем, что это единственно правильный путь. Это подтверждает и опыт охраны нашей границы. Мы сохранили весьма боеспособную группу пограничных войск, которая выполняет свои задачи на самом высоком уровне, практически на нашей границе нет щелей, нет окон, она, как говорится, на крепком замке. Кроме того, служба наших офицеров и солдат в Группе российских погранвойск дает им очень много и в плане профессиональном, и в плане человеческом».¹

Командующий Группой пограничных войск России генерал-лейтенант Павел Васько рапортовал о выполнении задачи: «Выявление лиц, стремящихся провезти в республику наркотик, и прежде входило в число первоочередных задач у военнослужащих Группы. Выполняя положения указа, мы, в частности, максимально возможным на сегодня образом усилили контроль на одном из наиболее наркоопасных направлений — памирском. Для чего на трассе Ош—Хорог уже в декабре прошлого года (1995 г. — Л.С.) были созданы четыре специальные заставы и одна спецкомендатура. Они расположились в сложных в рельефном и климатическом отношении местах. Но наши пограничники, взаимодействуя с представителями правоохранительных органов, мужественно и бдительно несут службу. Так, только в последние дни на перевале Кызыл-Арт была пресечена попытка ввоза в Киргизстан 2,5 и 5 килограммов опия-сырца, а на заставе Сары-Таш — 85 килограммов. За период с июля 1995-го по сегодняшний день пресечены 22 попытки ввоза в Киргизстан наркотических средств, задержано 23 человека, а конфискованный наркотик у них в общей сложности превысил тонну».²

К концу 1995 г. российские пограничники изъяли 263,2 килограмма наркотических средств. Годом раньше пограничники задержали лишь 6 килограммов наркотика.

¹ Баршай А. А. Акаев — А. Николаев: Границу будем охранять вместе// Кыргызкабар. — Бишкек, 1994. — 28 ноября.

² Денисенко Е. ... Но встают на пути пограничники// Слово Кыргызстана. — Бишкек, 1996. — 16 июля.

«Российские пограничники дали настоящий бой дельцам от наркобизнеса», — сообщали журналисты в сводках «с наркотического фронта». Действительно стоит посмотреть на прессу тех лет, чтобы понять всю сложность и напряженность развернувшегося сражения. Динамичной статистикой отличался пост «Сары-Таш». 1996 г.: 20 июня у гражданина Таджикистана изъято 35 килограммов опиума, 5 июля в двойном кузове автомобиля, прибывшего из Хорога, обнаружено 90 килограммов опиума, 23 июля у курьера было изъято 70 килограммов опиума, 1 августа из автомобильного бензобака было извлечено 3 килограмма опия-сырца...

Весной 1997 г. на ППК «Сары-Таш» впервые на территории Киргизстана российский пограничный наряд во взаимодействии с сотрудниками МНБ Киргизстана изъяс килограмм героина.

Курьеры отличались завидной «находчивостью». Груз наркотиков закладывался в бутылки с прохладительными напитками, прятался под двойным дном бензобаков. В августе 1996 г. шестикилограммовый груз, замаскированный грязью, был обнаружен прикрепленным к днищу автомобиля. По одной из сводок, крупную партию наркотиков удалось изъять в результате хорошо спланированной и умело проведенной операции. Из тайника, оборудованного в цистерне, извлечено было 28 пакетов с опиумом по килограмму в каждом и два пакета такого же веса — с героином.

В ходе обнаружения и задержания контрабандистов пограничники проявляли мужество и отвагу, рискуя жизнью, собственной безопасностью. 11 октября 1997 г. в местечке Топоз-Оту был задержан караван с грузом наркотиков, при этом у контрабандистов, вооруженных автоматом и пистолетом, было изъято 144,5 килограммов опия, 1,1 килограмма гашиша.

Россияне осуществили и первые задержания курьеров на авиатранспорте при попытке переправить крупные партии наркотика в страны Западной Европы. Так, 23 июня при оформлении на КПП аэропорта «Манас» авиарейса на Франкфурт-на-Майне совместными действиями российских пограничников и сотрудников МВД Киргизстана была пресечена попытка провоза 2 килограммов гашиша. Гражданин У. пытался спрятать наркотики, привязав упаковку к ноге.¹

Активность пограничников не могла не вызвать противодействия. Корреспондент «Нашей газеты» передавал из Сары-Таша: «С

¹ Куда ни прячь, найдут!//Слово Кыргызстана. — Бишкек, 1996. — 27 июля.

уверенностью в надежности и прочности «замка» на наших границах растет, мягко говоря, и недоумение по поводу того, что сегодня за действительностью по обеспечению неприкосновенности рубежей Киргизстана российским пограничникам приходится ... оправдываться. Вот как все начиналось. С ухудшением военной обстановки в Таджикистане резко возросла активность каналов переброски наркотиков из Афганистана и Пакистана через Ошскую область в страны СНГ и дальше на запад. В соответствии с Указом Президента губернатор Ошской области подписал постановление об усилении борьбы с наркобизнесом, согласно которому районы, прилегающие к трассе Ош—Хорог, были объявлены зоной особого контроля. В первых числах нового года газета «Эхо Оша» публикует открытое письмо руководства Памирского производственного автообъединения главе области. В нем говорится о проблемах водителей на трассе. Они жалуются на «беспредел» в процедурах проверок и досмотров на постах со стороны представителей правоохранительных органов». Сводки же из Управления внутренних дел области говорят о другом.

На посту «Арчалуу» задержан водитель ЗИЛ-138 А.Исаков, который в тайнике, оборудованном внутри цистерны, пытался провезти в Ош 34 килограмма 843 грамма опия. Водитель ППАО И. Абсатаров внутри двигателя своей автомашины пытался провезти 5 килограммов опия. На посту «Сары-Таш» был задержан водитель ППАО М. Назаралиев, который в бензобаке вез 3,5 килограмма опия. Здесь же на посту задержан Д. Аширматов, который в тайнике вез 2 килограмма опия. 27 декабря на посту «Арчалуу» в машине ЗИЛ-130 у водителя С. Гафурова в бензобаке было обнаружено 10 килограммов 800 граммов наркотического вещества.

Много нареканий в послании высказывалось и в адрес пограничников. К ним серьезные претензии: чуть ли не подрыв экономики области, а в целом страны, длинные автоочереди у шлагбаумов, необоснованные задержки, придирки и т.д.

Сары-Ташская погранзаезда в Чон-Алайском районе Ошской области — последнее и едва ли не самое серьезное препятствие на пути прохождения наркотиков. Именно здесь в большинстве случаев терпят крах надежды наркодельцов на «авось» и благополучный исход дела. Даже если груз тянуть на себе по труднодоступным контрабандным тропам, в обход пунктов пропуска, то при таком раскладе, откуда ни возьми, на тебя — «вертушка» с пограничным нарядом. А от глаз с высоты птичьего полета, как известно, трудно спрятаться и скрыться. И

все равно на это идут. Подсчитано, что два доллара, вложенные в наркобизнес, дают около 25 тысяч долларов дохода. Поэтому надо ли удивляться мощности арсенала форм и методов деятельности наркомафии. На что только не идет организованная преступность. Попытки подкупа пограничников, шантаж, угрозы физических разборок — обычное явление. Только в прошлом году здесь было изъято около 300 килограммов опия-сырца. Понятное дело, за каждый грамм идет борьба не на жизнь, а на смерть. Вот почему кому-то очень надо, чтобы неугодную заставу с Памирского тракта убрали. И делается это очень хитро. Опираясь якобы на волю народа и голос общественности. Кто-то спит и видит зеленый коридор для движения наркотиков на этом участке границы.

А если уже речь зашла о народе, то со всей очевидностью можно утверждать: на всех уровнях, начиная от простых сельских жителей припограничья и кончая государственными лицами, к присутствию российских пограничников на ошской земле относятся не только с глубоким пониманием, но и с симпатией. Естественно, я не имею в виду тех, кого действия парней в зеленых фуражках бьют по карману. Эта публика по известным причинам об этом во всеуслышанье не скажет, но дарить цветы пограничникам тоже не станет. А напротив, не упустит возможности «кукусить» их. Да чтоб поглубже, побольнее. В целом же, по мнению руководства Киргизской Республики и командования Группой, взаимоотношения между органами государственной власти Киргизской Республики и ГПВ России «всегда были конструктивными, деловыми и добрыми».¹

Вероятно, следует особо подчеркнуть несостоятельность выдвигаемых обвинений. Командование Группы пограничных войск России неоднократно разъясняло, что пост на Сары-Таше выполняет задачи пограничной службы, находясь в зоне пограничного контроля, определенной постановлением правительства Киргизии от 21 мая 1993 г. № 223 «О мерах по поддержанию пограничного контроля Киргизской Республики».² В конце концов, проблема настолько оказалась серьезной, что ситуация была подвергнута совместной прокурорской проверке военных прокуратур ФПС России и Киргизской Республике. По ее итогам 30 января 1997 г. был подписан протокол, который констатировал, что действия должностных лиц поста пограничного контроля Сары-Таш соответствуют нормативным правовым актам.³

¹ Сидоров С. Граница: зима 97-го//Наша газета. — Бишкек, 1997. — 7 февраля. — С.5

² Обязанности будут выполняться// Слово Кыргызстана. — Бишкек. 1996. — 5 декабря.

³ Протокол встречи по проведенной совместной прокурорской проверке военных прокуратур ФПС России и Кыргызской Республики. — Бишкек, 1997. — 30 января.

В 1996 г. на памирском направлении военнослужащими Группы пограничных войск Российской Федерации из незаконного оборота было изъято 998,8 килограммов наркотических веществ. В общей сложности Группой пограничных войск России изъято полторы тонны наркотика.

По мнению генерала армии Андрея Николаева, возглавлявшего в 1990-х гг. российское пограничное ведомство, решение защитить национальные интересы России на договорной основе на внешних границах государств СНГ было единственно правильной, своевременной и необходимой мерой, которая в значительной степени предотвратила попытки пересмотра границ, существенно ограничила контрабанду оружия, наркотиков и материальных ценностей.¹

Роль российских пограничников в противодействии незаконному обороту наркотиков высоко отмечалась на самом высоком уровне. В ходе рабочего визита весной 1997 г. Директора ФПС России генерала армии Андрея Николаева в Бишкек, президент Киргизской Республики Аскар Акаев заострил внимание на роли, которую сыграла Группа пограничных войск Российской Федерации в Киргизской Республике в создании «надежных барьеров на пути наркотиков из Афганистана в Киргизстан, а через него — в другие страны ближнего и дальнего зарубежья».²

Летом 1999 г. российские пограничники, передав функции охраны внешних рубежей Киргизии своим киргизским коллегам, приступили к выполнению на территории Киргизии качественно новой задачи — оказанию помощи в становлении киргизского пограничного ведомства, организации его взаимодействия в интересах охраны внешних рубежей Содружества с Пограничной службой России.

А незадолго до этого россияне приступили к охране российско-казахской границы. С того момента на данном участке уже изъято из незаконного оборота более 2 тонн наркотических средств.³

В конце 2003 г. по инициативе администрации президента Киргизии и при поддержке Международной организации по миграции в Бишкеке прошла конференция, посвященная ситуации, связанной с обеспечением безопасности границ центральноазиатского региона. Среди участников форума были представители не только силовых структур

¹ Пограничные войска России: на пути реформ//Пограничник Содружества. — М., 1995. — № 1. — С.50.

² Сотрудничество можно считать образцовым// Пограничник Содружества. — М., 1997. — № 3. — С. 73.

³ Граница России. — М., 2004. — № 39. — С. 3

республики, но также дипломатических ведомств России, США, Германии и других зарубежных стран, сделавшие вывод — без финансовой и технической помощи международного сообщества странам региона не одолеть в одиночку существующие угрозы.¹ Ясно, что у пограничников СНГ немало общей работы и есть очень серьезные поводы для формирования надежных пограничных заслонов. При этом в пограничной сфере вполне совпадают национальные интересы России и всех стран региона.

¹ Шестаков И. Северные угрозы южным границам//Российская газета — Центральная Азия. — Бишкек, 2003. — 28 ноября.

Исламский радикализм как глобальный вызов безопасности современной Центральной Азии

Н.М. Омаров

В настоящее время многие страны мира, значительная доля населения которых исповедует ислам, оказались в достаточно сложной, если не критической ситуации. Ее содержание определяется необходимостью гармоничного взаимодействия (как минимум, взаимной бесконфликтной реакции друг на друга) традиционного мирознания мусульманской общины и все более глобализирующегося общества с его во многом антитрадиционалистскими установками.

К этим странам можно отнести и постсоветские государства Центральной Азии, все более превращающиеся в арену столкновения разнонаправленных идей. Ситуация в них в значительной степени осложняется незавершенностью перехода от авторитаризма к демократии. Построение демократических институтов из-за ненадежности их социальной основы в странах региона до сих пор находится под вопросом. Данный фактор, в сочетании с сохраняющим свою силу и значимость фактором традиционного общества, выступает в качестве одного из основных источников угроз светскому гражданскому обществу, создаваемому в Центральной Азии на протяжении последних лет. Исходя из этого, мы можем судить о том, что доминирующей конфликтной линией в противостоянии нового и старого в современной Центральной Азии, как и в большом ряду стран и регионов мира, является «спор» между прозападным либерализмом и авторитарным традиционализмом. Очевидно, что это не может не оказывать влияния на различные стороны жизни государств региона, включая все более обостряющуюся проблему международного терроризма.

Особую роль в развитии этого глобального политического феномена начала XXI века играет перманентное нарастание противоречий между исламским мировоззрением и современностью. Действия мусульман-фундаменталистов видны в европейском Косово, индийском Кашмире, на Ближнем Востоке и Филиппинах. Не вызывает сомнений, что корни этих противоречий лежат в несоответствии современных политико-правовых норм установлениям ислама, остающимся неизменными уже около 1400 лет. Возможно, со временем ислам переживет идейную реформацию, как это произошло с христианством, но сегодня экстремизм, вырастающий на его почве, действительно способен превратиться в одну из наиболее значимых глобальных проблем для человечества.

В связи с этим, необходимо отметить, что история показала

достаточно успешный опыт использования позитивного потенциала модернизированного ислама в целом ряде стран мира. Одним из примеров такого рода является Турция. Этим, в значительной степени, объясняется значительный интерес, проявившийся в первые годы реформирования у части руководителей постсоветской Центральной Азии (А. Акаев, Н. Назарбаев), к т.н. «турецкой модели» развития. Примечательна, в этой связи, одна из ее оценок, с которой трудно не согласиться: турецкая модернизация — это модель, ориентированная на Запад, в которой удалось творчески использовать достижения индустриальных лидеров мира на национальной основе.¹

В то же время, в таких странах как Алжир и Афганистан, где на протяжении многих десятилетий сохранялось гражданское противостояние, мы видели негативные примеры следования консервативно-радикальной исламской традиции.

В свете таких примеров представляется оправданным вывод, сделанный в самом начале 1990-х гг. о том, что исламизация политики может и принимает порой экстремистский характер. «Подобное развитие ситуации приводит в действие деструктивные факторы: для самих мусульманских государств — установление тоталитарного, репрессивного режима; для их соседей — постоянная угроза экспансии; для всего мирового сообщества — обстановка усиления напряженности с непредсказуемыми последствиями».² Думается, этот вывод ярко характеризует ситуацию, сохранявшуюся вплоть до последнего времени вокруг Афганистана.

Другим фактором, непосредственно влияющим на столкновение разнонаправленных устремлений в переходных обществах постсоветской Центральной Азии, является компенсаторная роль ислама: «Культ восполняет в человеке то, что он хотел бы иметь, но чего лишен в повседневной жизни...».³ Неспособность в короткие сроки адаптироваться к новым условиям толкает часть населения в объятия наиболее радикальных исламских группировок. Неслучаен в этом смысле и выбор «сцен» действия: Ферганская долина в Центральной Азии, Северный Кавказ в России, СУАР в КНР. Трудоизбыточность населения, единая религия и историко-культурные традиции, отсутствие развитых тради-

¹ Йылмаз, Мустафа. Модель модернизации Ататюрка. — Анкара: Тика, 2001. — С. 34, 109.

² Сухопаров А. Советские мусульмане: между прошлым и будущим// *Общественные науки сегодня*. — М., 1991. — № 6. — С. 108.

³ Сухопаров А. Советские мусульмане: между прошлым и будущим// *Общественные науки сегодня*. — М., 1991. — № 6. — С. 110.

ций демократии, осознание ущемленности в правах и сходные архетипы поведения в кризисных ситуациях, — таковы наиболее очевидные причины этого явления. В условиях, когда с новым (из-за приобретающих перманентный характер экономических трудностей) связываются преимущественно негативные эмоции, — убежищем для многих становится уход в ирреальный мир «справедливого прошлого» и отказ от позитивного восприятия «нехорошего настоящего и будущего».

В то же время, как это подтвердил самостоятельный опыт новых независимых государств Центральной Азии, дело не ограничивается лишь духовной оппозицией происходящему. Следующим шагом становится инициируемое извне формирование в регионе политических организаций фундаменталистского толка, практически неподконтрольных официальным властям. В конечном итоге, «складываются предпосылки для возникновения своеобразного государства в государстве со своей идеологией, организационными структурами, бюджетом, средствами массовой информации, и может быть, даже вооруженными силами».¹ Все это мы увидели в полной мере за последние несколько лет на примере такой организации как ИДУ, распространившей (в отличие от Партии Исламского Возрождения Таджикистана) свою деятельность на регион в целом. Не менее яркие примеры, подтверждающие вышеприведенный тезис, дает и деятельность миссионеров радикальных исламских группировок на юге Кыргызстана.

Трудности переходного периода, переживаемые населением региона, способствуют легкому восприятию им экспортируемых извне радикальных идей. Это подтверждает самостоятельный опыт новых независимых государств Центральной Азии. Перманентно нарастающий протестный потенциал населения находит непосредственное выражение в активном сопротивлении новому (с которым для многих ассоциируется все самое плохое) в традиционных обществах. В этом и заключается принципиальное отличие актов насилия, оцениваемых многими экспертами и политиками Центральной Азии как террористические, от классических форм террора. Формально подпадая под определение террористической, деятельность радикальной исламской оппозиции в Центральной Азии во многом носит протестный характер и вызывается к жизни значительным конфликтотенным потенциалом, накопившимся в регионе за последние десятилетия. Этим в значительной степени и определяется контрмодернизирующее содержание современного терроризма, подкрепляемое цитатами из священной книги мусульман

¹ Сухопаров А. Советские мусульмане: между прошлым и будущим// Общественные науки сегодня. — М., 1991. — № 6. — С. 112.

— Корана, что и создает основу для возникновения таких не совсем адекватных реальности определений как исламский экстремизм.

Такого рода оценки подталкивают нас, в свою очередь, к не имеющей позитивного разрешения известной теории «столкновения цивилизаций».¹ Однако, думается, что действие развивается не совсем по тому сценарию, который предрекал американский политолог. Идет не столько столкновение «исламского» и «христианского» мировосприятий, сколько борьба между «прошлым» и «будущим» современного мира, борьба между его традиционалистскими и модернистскими тенденциями. Таким образом, вполне справедливой представляется оценка устремлений наиболее консервативной и радикально настроенной части исламских идеологов по созданию Всемирного Исламского Халифата как глобализации наоборот.

В этой связи особого внимания заслуживает рассмотрение выходящего за рамки академических дискуссий вопроса о возможности дальнейшего укрепления позиций международного терроризма в современной Центральной Азии.

За последнее десятилетие в регионе Центральной Азии и Кавказа возник значительный конфликтогенный потенциал, развивающийся на основе подпитываемых извне межконфессиональных и межэтнических противоречий. Их «символами» для стран СНГ стали события второй половины 90-х годов прошлого столетия на Северном Кавказе и в Ферганской долине, чаще всего, связываемые с «ренессансом» исламского сознания у проживающего в них населения. Соединение в единую цепь Саудовской Аравии — Пакистана — Афганистана — Центральной Азии — СУАР КНР — Северного Кавказа привело к необходимости более серьезного восприятия угрозы, пронстекающей для этих стран со стороны исламского фундаментализма.

Как отмечено выше, Ферганская долина не случайно избрана объектом для фактически совершающейся на протяжении последних нескольких лет агрессии извне. Условиями, в значительной степени способствовавшими этому, явились этническая мозаика проживающих здесь народов, их нахождение на стыке нескольких государств, высокая степень религиозного сознания. Условиями, способствующими «направленному взрыву», здесь должны были явиться рост социально-экономических трудностей, и подмена понятий «традиционного» ислама в массовом сознании идеями радикалистского толка, направленными на свержение светской власти. Надо признать, что этот расчет отчасти

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций//Полис. — 1994. — № 1. — С. 33-58.

оправдался, проявившись, в частности, в росте популярности среди населения Ферганской долины партии «Хизб ут-Тахрир». В то же время, неудовлетворенность «замедленными» результатами ее деятельности подтолкнула международных террористов на прямые вторжения в 1999-2000 гг. в пограничные области Киргизстана и Узбекистана. В этом наглядно проявляется единый сценарий действий международных террористов на Северном Кавказе и в Центральной Азии: засылка эмиссаров, «подготовка» населения путем насаждения своих идей и последующее включение в действие механизма террора и запугивания через действия оперативных групп боевиков, которые должны, тем самым, продемонстрировать свою мощь правящим здесь светским режимам. Конечной целью действий исламских фундаменталистов в Фергане должно было стать создание исламского государства ФАНО¹ как части Всемирного Исламского Халифата.

Показательно при этом, что исламский фундаментализм за последние тридцать лет подтвердил свою способность активно бороться с государственными режимами, порой даже уничтожая их. В то же время, он ярко продемонстрировал свое бессилие в творчески-созидательной области — решении социально-экономических проблем, обеспечении демократических свобод, преодолении разрыва с «лидерами» мирового развития.

Наиболее наглядным в этом смысле оказался пример Афганистана, окончательно превратившегося в годы правления движения «Талибан» в огромную зону разрухи и нестабильности. Вполне очевидно, что в случае торжества сходных идей в Ферганской долине и в Центральной Азии в целом, результаты окажутся не слишком далекими от афганского «оригинала». Реализация исламистами своих планов в Ферганской долине способна надолго дестабилизировать ситуацию в регионе, тем самым существенно сократив возможности модернизации и получения расположенными в регионе странами финансовой, интеллектуальной, технической помощи извне. В условиях глобализации это может привести к фактическому исключению государств Центральной Азии из международного сообщества, результатом чего явится падение доверия населения к институту государства как основному гаранту своего благосостояния.

Баткенские события показали, что основная масса населения Ферганской долины не поддерживает идей радикального переустрой-

¹ Название строится на ареале регионов, прилегающих к наиболее крупным и «системообразующим» городам Ферганской долины: Фергана-Андижан-Наманган-Ош (прим. автора).

ства существующих институтов власти. В то же время, сохраняющиеся социально-экономические трудности, растущая безработица среди молодежи, нехватка ресурсов воспроизводства неминуемо ведут к росту недовольства среди населения Ферганской долины итогами протекающей здесь модернизации складывавшегося веками традиционного общества. В значительной степени этому способствует возникающий идеологический вакуум, порождаемый несоответствием декларируемых целей переустройства общества текущим результатам. Вследствие этого, действия сторонников исламских радикальных групп во многом приобретают форму ответа на современные вызовы, ежедневно предъявляемые им глобальным развитием, в частности, проявляющиеся в последовательном сокращении «поля безопасности».

Расширению социальной базы международного терроризма и религиозного экстремизма в Центральной Азии в значительной степени способствует отсутствие полноценных демократических институтов. Место светской демократической оппозиции все более прочно занимают подпольные исламские радикальные движения, апеллирующие к общепонятным принципам социальной справедливости и равенства. Преимущественный акцент на меры репрессивного характера со стороны светских режимов ведет к лавинообразному росту их сторонников. Трагической иллюстрацией этому служат события конца марта 2004 г. в Узбекистане, продемонстрировавшие в столь крайней форме неприятие частью граждан республики жесткой внутренней политики, по существу закрывающей рядовому населению страны доступ к реализации элементарных демократических прав. Выгодной альтернативой этому выступает стремление киргизских властей путем публичного диалога лишить радикальных исламистов их массовой аудитории.

Одним из результатов поражения движения «Талибан» стало рассеяние групп боевиков по сопредельным с Афганистаном территориям. Вполне ожидаемым следствием этого стал исход части этнических пуштунов на территорию Пакистана. В свою очередь, боевики ИДУ пытались «осесть» на территории Таджикистана и Узбекистана, включая Ферганскую долину, с целью взять «реванш» в Центральной Азии за провал своих действий в Афганистане. Практикуемые ими средства уже известны и вряд ли могут быть признаны «безобидными»: провокации на межэтнической и межконфессиональной почве, вооруженные террористические акты, использование «внешних сил влияния» из развитых исламских стран. Этому в настоящее время препятствует постепенное усиление светской власти в Таджикистане, а также развертывание КСБР стран-участниц ОДКБ в Таджикистане и Киргизии.

Каким видится ответ стран региона на глобальный вызов в виде усиливающегося исламского радикализма?

Нет сомнения, что основой должна стать, в первую очередь, скоординированная лидерами государств позиция, учитывающая первоочередные потребности населения. К ним можно отнести необходимость обеспечения стабильного и безопасного развития внутри региона, продолжение и углубление реформ, направленных на модернизацию политических и экономических институтов, которые могут быть реализованы лишь путем участия региона в процессах глобального развития. В этом смысле, вполне оправданным представляется укрепление сотрудничества стран Центральной Азии со странами Запада, благодаря чему для них открывается расширенный доступ к современным финансовым, интеллектуальным, технологическим и иным ресурсам.

В то же время, положение региона как моста цивилизаций, связывающего между собой Восток и Запад, Север и Юг обуславливает его положение в евроазиатской системе безопасности в качестве своеобразного уравнивающего начала. Это является основой для повышения взаимной заинтересованности всех представленных здесь «сил влияния» в сохранении высокого уровня партнерских отношений и в том, чтобы избежать конфронтационного пути взаимоотношений. Иными словами, великие державы и международные организации не вправе допустить такого развития ситуации в Центральной Азии, при котором она превратится в своего рода «яблоко раздора», зону долговременной нестабильности с повышенным конфликтотензиональным потенциалом, «излучаемым» ею в окружающее геополитическое пространство. Наиболее явным негативным примером тому из исторического прошлого выступает соперничество СССР и США в Афганистане.

Обоснованным в этой связи выглядит выбор странами региона модели многостороннего сотрудничества с ведущими мировыми державами и международными организациями как основы для устойчивого развития и ускоренного вхождения в мировое сообщество. Именно такой подход более всего соответствует нуждам и потребностям каждого государства и региона в целом, являясь основой для процесса самоидентификации Центральной Азии в глобальной политической и экономической системе третьего тысячелетия. Доминирующей в отношениях стран Центральной Азии со своими иностранными партнерами должна стать новая формула безопасности, которую можно обозначить следующим образом: «безопасность государства, рождаемая внутренней стабильностью и устойчивым экономическим ростом на основе много-

стороннего партнерства, проецируется за его пределы, способствуя, тем самым, защите национальных интересов его союзника». Эта формула, как основополагающий принцип межгосударственных отношений, может и должна определять отношения региональных государств с международным сообществом в целом, будучи направленной на превентивное устранение угроз безопасности, а не на ликвидацию их следствий, как это чаще всего происходит в настоящее время.

Важным дополняющим элементом этому должно стать создание здесь спектра институтов гражданского общества, простирающихся от государственных инстанций центра (законодательная, исполнительная и судебная власти) до общинного уровня. Развитие политической структуры нуждается в инфраструктуре партий, объединений, средств массовой информации, независимых исследовательских учреждений. Именно через них появляется реальная возможность демократическим, диалогическим, образовательным путем воздействовать не только на внутреннюю структуру общества в регионе, но и на внешний мир, включающий в себя как существенную часть широкую международную общественность.

В конечном итоге это позволит облегчить выработку и внедрение национальной идеологии реформ, основывающейся на духовных ценностях народов региона как одного из базисных средств преодоления «тянущих в прошлое» укладов традиционного общества.

За минувшее десятилетие прозвучала масса различного рода мнений по данному поводу, озвученных как официальными лицами, так и их частными оппонентами. В то же время следует признать, что государства региона, встав на путь модернизации по образцам западных либеральных демократий, по существу так и не смогли обрести своего собственного «лица». В этих условиях все большую популярность начали приобретать идеи, распространяемые на неформальном уровне, вступающие в явное противоречие с принципами создаваемого гражданского общества. Их спектр достаточно широк. Особую тревогу вызывают радикальные течения ислама, рекрутирующие своих последователей среди социально обездоленных, не сумевших найти свое место в «новом обществе». Действия их последователей на территории региона на протяжении последних лет вполне очевидно были направлены на свержение светских политических элит и насаждение здесь ислама в его наиболее радикальной и неприемлемой для большинства мусульман разновидности. Здесь можно лишь отметить, что светскими режимами Центральной Азии явно недостаточно используются огромные духовные возможно-

сти ислама, способного открыть новые грани миротворческого и конструктивно-созидательного характера этой религии, гуманистического потенциала в сотрудничестве со светской властью.

Исходя из сказанного, одним из наиболее существенных является вопрос о том, каким образом можно более эффективно использовать позитивный потенциал традиционных религий (в частности, ислама) и «встроить» их в создаваемые национальные идеологии стран региона. Не вызывает сомнений, что не имея стабилизирующего духовно-нравственного начала, любая нация обречена на неуспех и поражение. Именно поэтому главной задачей всякого просвещенного, рационально устроенного государства должна стать первоочередная забота о нравственном здоровье народа. Обращение к позитивным началам ислама, равно как и других традиционных религий, позволит успешно решить задачу по интеграции народных умонастроений в официальную идеологию государства. Одновременно это позволит нам избавить ислам от многих необоснованных нападков, порождаемых действиями его невежественных последователей.

История экономически развитых стран Востока и Запада показывает, что они пришли к успеху разными путями, через сложный и длительный процесс модернизации. Кем-то была использована идея общины, кто-то шел к этому через понятие индивидуального успеха. Вне сомнения, свое влияние здесь имели и исторические условия формирования и реализации «национальных идеологий успеха», связанные с необходимостью концентрации правящими элитами усилий различных общественных слоев на преодоления контрмодернизирующих начал, локальных для каждого общества. Этим в значительной степени обуславливается невозможность слепого копирования мирового опыта, — он может быть использован лишь сквозь призму стратегических задач современного развития государств Центральной Азии и имеющиеся условия, определяющие их этнокультурную специфику.

Национальная идеология и питающие ее национальные идеи могут и объективно призваны стать силой, способной создать у широких слоев населения потенциал, требуемый для успешной реализации проводимых реформ. Для большинства из-за растущих социально-экономических трудностей текущие перемены в государстве ассоциируются с темными красками жизни, порождая настроения безысходности и неверия в будущее. Чтобы покончить с этим, государство должно активно воспитывать чувство справедливости и следить за его реализацией для укрепления принципов рационально устроенного правового общества.

Без этого построение государства, в котором каждый индивид мог бы проявить свою частную инициативу, и в то же время видел бы рациональный смысл политики государства, невозможно.

Создав адекватную современным условиям национальную идеологию, сочетающую в себе принципы открытого гражданского общества и духовно-нравственные начала своих народов, современная Центральная Азия приобретает полноценную возможность войти в историю как истинно мультикультуральное пространство, сумевшее объединить в себе в начале XXI в. позитивные начала Востока и Запада.

Интернационализация революционно-стихийного ислама

В.М. Бикбаев

Процесс возрождения ислама находится в настоящее время в апогее, когда на территории субъектов России, в среднеазиатских государствах и странах Азии и Африки фактически находят поддержку любые действия, направленные на строительство мечетей, издание исламской литературы и ведение джихада. При этом «национализм теоретически отрицается как идеология, но на деле приемлется как практика».¹

Если проследить географию развития этнических конфликтов, в которых задействованы исламские элементы или присутствует исламский фактор, то мы получим длинный список организаций, действующих во многих странах мира. Достаточно вспомнить Югославию и Алжир, Египет и Афганистан, государства Средней Азии и Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, Россию. Ситуация усугубляется тем, что «государства Запада активно эксплуатируют исламский экстремизм, выступая в качестве его внешнего (относительно самих стран распространения ислама) патрона, спонсора или, как минимум, тыловой базы. Очень активны американцы: Афганистан (активное участие в создании иностранного экспедиционного корпуса моджахедов), Алжир (поддержка Исламского фронта спасения), еще раз Афганистан (участие с Саудовской Аравией и Пакистаном в создании движения «Талибан»), Босния, Герцеговина и Югославия».²

К концу 1990-х гг. стало очевидно некоторое изменение линии руководства США в отношении исламских группировок: в период существования СССР Соединенные Штаты поддерживали с этими группировками тесные связи для проведения исламской пропаганды на территории республик бывшего СССР и привлечения населения на свою сторону, в последующий период США рассматривают действия исламских группировок как угрозу своей безопасности, предпринимают контрмеры (удары по Афганистану).

Налицо политика двойных стандартов, история которых — это прежде всего история подвижных и все время расширяющихся границ американской гегемонии на основе принципа «граничного тезиса», который является не только аксиомой американской внешней политики, но и ее мировоззренческой основой, сущностью национального само-

¹ Ланда Р. Исламский фундаментализм. // Вопросы истории. — М., 1993. — №1. — С.35.

² См.: Игнатенко А. Об аналитических подходах к исламскому экстремизму в эпоху глобализации. URL: <http://www.Ru.2001.is.-wet-nut>.

сознания американской нации.¹ Данный процесс, по мнению американских теоретиков, никто не сможет остановить. Наглядным примером реализации «граничного тезиса» внешней политики США служат события в бывшей Югославии, на территории которой население с одной и той же этничностью и языком, но с разными религиями, оказалось способно на братоубийство,² а также в Афганистане, Таджикистане и других странах.

Большое влияние на деятельность террористических организаций оказывает национальность и конфессиональная принадлежность их лидеров и самих членов, что послужило формированию двух основных направлений деятельности террористических организаций — интеграционному и дезинтеграционному.

Первое заключается в стремлении лидеров террористических группировок создать мононациональные и монорелигиозные вооруженные группировки, второе — в намерении после усиления своего влияния среди населения определенного региона оказать сопротивление вооруженным группировкам другой национальной и религиозной принадлежности. Наиболее наглядно это можно наблюдать в Турции, где многочисленные религиозные секты находятся на службе определенных внутренних и внешних политических сил,³ и на территории Афганистана.

В данной ситуации решающее значение приобретает роль личности в обществе вообще и в исламском, в частности. Ярким примером может служить Осам бен Ладен, являющийся символом борьбы против «неверных» и центром сплочения террористических организаций. Происходит своеобразный синтез религии и личности, чем умело пользуются лидеры многочисленных вооруженных группировок различной национальной принадлежности и мусульманское духовенство, как шиитское, так и суннитское. «Террористы активно эксплуатируют вековую привычку слепого следования указаниям религиозных и родоплеменных авторитетов, используют чрезмерно решительную трактовку родовых обычаев кровной вражды и мести, представление о немусульманах как заведомых врагах мусульман».⁴ В сложившейся ситуации, по модели

¹ См.: Appleman, William Williams. The Tragedy of American Diplomacy. — New York: Dell Publishing Co., 1972.

² См.: Tiryakian E.A. Reflections on the Sociology of Civilizations// Sociological Analysis. — 1974. — № 35, Summer.

³ Гасанова Э.Ю. О некоторых особенностях этноконфессиональных проблем в Турции. — Баку. 1989. — С.87.

⁴ Андреев И.Л. Ислам и специфика классовой борьбы на мусульманском Востоке// Вопросы научного атеизма. Выпуск № 33. — М., 1985. — С.286.

Н.С. Трубецкого, произошел синтез элементов, составляющих национализм: централистических (утверждение единства этнической единицы) и сепаратистских (утверждение своеобразия этнической единицы). Чтобы национализм не вырождался в сепаратизм, этнические единицы должны комбинироваться, «входить в друг друга», составляя иерархию «симфонических ценностей».¹

На Востоке, где сложились своеобразные и присущие только ему отношения между народностями, государством и населением, религиозными кругами и вооруженной оппозицией, никто кроме населения вышеуказанных субъектов не в силах стабилизировать ситуацию. Происходит это потому, что критерием демократии в исламе служит шариат, а авторитетом является слово пророка Мухаммеда, но не воля народа. Мировоззрение населения и его политические взгляды оказываются доминирующей силой, способной противостоять любому внешнему влиянию. При этом лидеры террористических группировок стремятся, по утверждению И. Валлерстайна, жить в ядре современной мир-системы.²

Исходя из анализа деятельности организации «Аль-Кайда», можно выделить новый период в деятельности террористических организаций — период революционно-стихийного ислама, начавшийся в начале 1990-х гг. в Средней Азии и получивший свое продолжение в захвате власти в Афганистане движением «Талибан», в восхождении на престол генерала Первеза Мушаррафа, в участии бен Ладена и лидера узбекской оппозиции Джумы Намангани в руководстве вооруженными силами талибского Афганистана.

Революционно-стихийный (революционно-политический) ислам стал своеобразной формой протеста действующих в исламских государствах экстремистских и террористических группировок и населения, которое оказывает им поддержку. Главным образом это происходит вследствие придания социальным, политическим и этническим различиям и разногласиям конфессиональной формы³ и идентификации национализма с религиозно-общинной идеологией, в результате чего происходит переплетение национальных мотивов с религиозно-фундаменталистскими.⁴

¹ Толстой Н.И. Трубецкой и евразийство// История. Культура. Язык. — М.: Прогресс, 1995. — С.5.

² См.: Wallerstein, Immanuel. Incorporated into the World-Economy: Change in the Structure of the Ottoman Empire, 1750-1839. — Fernand Braudel Center, 1980.

³ Воробьев Н.Н. О соотношении племенного и конфессионального факторов в развитии современного Омана. — Баку, 1998. — С.17.

⁴ См.: Киреев М.П. Международное сотрудничество правоохранительных органов по предотвращению и раскрытию террористических акций. — URL: <http://www.terrorismanswers.com/terrorism/types2.html>.

Следует также отметить, что существуют две основные составляющие данной формы протеста: физическая — сами действия, направленные на отстранение правительств и захват власти, и идеологическая — ведение агитационно-пропагандистской работы с целью привлечения населения исламских государств на свою сторону и активизации борьбы с «неверными». Именно в результате пропаганды у беднейших слоев населения формируется массовое сознание, которое представляет собой особый компонент общественного сознания и отражает условия повседневной жизни и идеалы населения через призму внутреннего мира индивида со всеми его особенностями, предрассудками и иллюзиями, в силу чего в нем преобладает социально-психологическая основа.¹

Для террористических группировок, действующих в исламских странах, существует познавательная проблема «разорванности» всего мира на духовное и материальное. Обе составляющие имеют огромное значение.

Духовное материализуется, то есть духовное состояние и мысли человека, превращается в действия — террористические акты, у исполнителей которых существует тесная связь между социальной и религиозной безопасностью, представляющих единое целое. Происходит, как указывал Гегель, разлом человеческого бытия, что затем переводится в общественное сознание, которое, по словам В.П. Горана, порождает философию.²

Даже относительно сильный режим И. Каримова в Узбекистане не в силах сдержать натиск оппозиции и расширение связей между террористическими группировками различной этнической и конфессиональной принадлежности, действующими в регионе. Данный сценарий подтверждается повсеместно, где происходят локальные конфликты, в связи с чем можно говорить об интернационализации конфликтов на огромном пространстве — от Югославии до Пакистана, в которых принимает участие местное население вышеуказанных государств, подвергшееся пропаганде, а также религиозные круги и сами лидеры террористических группировок, пользующиеся среди безграмотных и малоимущих слоев населения большим авторитетом.

Расширение географии конфликтов в результате активного участия в них террористических организаций привело, в свою очередь, к

¹ Мосейко А.Н. Этноконфессиональные аспекты массового сознания как фактор конфликтности// Этноконфессиональные процессы в современном мире. — Баку. 1989. — С.28.

² См.: Горан В.П. Философия. Что это такое?// Философия науки.— Новосибирск, 1996. — № 1.

согласованности и интернационализации деятельности антиправительственных исламских институтов во всем мире, в том числе — духовных и религиозных учреждений, вследствие чего правомочно говорить о намерении исламских кругов предпринять меры, направленные на образование единого государства под знаменем ислама. Предварительные мероприятия в данном направлении уже реализованы — рост влияния исламских идей налицо, лидеры группировок обладают огромными финансовыми средствами, позволяющими закупать оружие, во многих государствах исламские группировки представляют вооруженную оппозицию и взаимодействуют между собой (Афганистан, Пакистан, бывшая Югославия, Таджикистан, Узбекистан, Чечня, а также Турция, Азербайджан, Казахстан, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая).

Огромное значение в процессе привлечения шиитского населения на сторону террористов играет пропагандистская работа шиитского руководства Исламской Республики Иран, которая активизировалась в конце 1960-х гг. После революции 1979 г. исламская пропаганда стала иметь практическое значение, при этом пропаганду духовные лидеры Ирана определяют как совокупность мероприятий, в которых организованная группа людей воздействует на психологию народных масс и побуждает их к активному сочувствию своим планам. То есть пропаганда рассматривается и представляется как распространение идей и взглядов шиитского руководства страны, «которое стремится утвердить шахскую концепцию «государство — это единая нация», подчеркивая вместе с тем превосходство религиозной идеологии над национальной».¹

В результате, религия, которая должна служить миру, в действительности защищает насилие и не способствует мирному сосуществованию представителей различных конфессий,² а философия мышления, которая выступает у мусульман на первом плане, является аналогом спасения.³

Пропагандистское воздействие в Иране осуществляется по трем основным направлениям:

- возрождение исламской личности;
- стремление к солидарности народов для достижения победы над трудностями;
- осознание опасности в лице западных государств.

¹ См.: Анаркулова Д.М. Этноконфессиональные проблемы современного Ирана. — Баку, 1989.

² См.: A World Council of Churches' conference //Eckerd Colege.US. — 2002. — February, 8-12.

³ См.: Jaspers K. Einfuhrhund in die Philosophic. — Munchen, 1971.

Эти направления вытекают из сущности исламской революции, целью которой является великое исламское возрождение, которое и пытаются в настоящее время осуществить лидеры исламских государств. В результате пропаганды правительству Ирана, создавшему мощнейший религиозно-идеологический аппарат, в ближайшем будущем, видимо, удастся полностью контролировать информационное пространство в стране и без труда манипулировать общественным сознанием.

Аналогичная работа может быть организована в среднеазиатских государствах, в республиках Северного Кавказа на территории России. Это, в первую очередь, является результатом изменений геополитической структуры исламского мира, оказавшейся на рубеже веков под влиянием как геоисторических предпосылок, так и последствий демонтажа двухполюсной модели международной безопасности, обострения текущих глубинных процессов, в той или иной мере затрагивающих интересы абсолютного большинства государств и народов мусульманского Востока. Это грозит непредсказуемыми последствиями для Российской Федерации.

Данному процессу способствует падение жизненного уровня населения в России и центральноазиатских государствах, закрытие и простой промышленных предприятий и других объектов, вследствие чего большая часть населения Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Казахстана становится безработной, чем и пользуются лидеры террористических группировок и духовенство. Таким образом, наблюдается рост влияния экстремистских идей и тенденций сепаратизма.

В результате антитеррористической операции в Афганистане происходит усиление антизападных настроений и принятие лидерами многочисленных террористических организаций всевозможных мер по усилению своего влияния с целью создания исламского эмирата.

Исходя из анализа внешнеполитического курса США, направленного на расширение своей гегемонии под предлогом борьбы с терроризмом, и действий террористических организаций различной этноконфессиональной принадлежности, можно утверждать об идущей борьбе двух философий — создания нового мирового порядка и образования исламского государства. А также о кризисе цивилизаций, под которым следует понимать не только тезис Н.С. Розова о совокупности проблем национального и наднационального характера.¹ Здесь явно присутствуют проблемы религиозно-мировоззренческого плана. Именно религиозная составляющая мышления экстремистски настроенной части

¹ См.: Розов Н.С. Ценности в проблемном мире. — Новосибирск, 1998.

мусульман является движущей силой борьбы данной части населения мусульманских стран с евроамериканским миром, когда «человек живет и держится верой».¹

¹ См.: Бердяев Н.А. Самопознание. — М., 1991.

Интервью Исмаил Хана 29 апреля 2000 г.¹

Вопрос: Генерал Исмаил Хан, позвольте поблагодарить вас за согласие принять участие в этом интервью. Позвольте мне начать с вопроса о вашем спасении из тюрьмы «Талибана» в прошлом месяце. Как это произошло, и кто помогал вам?

Исмаил Хан: Во имя Бога милосердного и сострадательного. Спасибо. Я должен сказать вам, что во многом своим спасением я обязан нашим братьям-моджахедам, «святым воинам» из антисоветских сил 1980-х, тем, кто вынужденно оставался по ряду причин с талибами. Вообще, что касается моджахедов, то у меня складывается ощущение, что в свое время многие из них остались там [в движении «Талибан»] из-за отсутствия возможности бежать. Но я могу сказать вам, что большинство из них не довольны существующей ситуацией... В течение моего пребывания в Кандагаре некоторые местные жители только и говорили о том, что очень недовольны ситуацией, созданной талибами. Они сочувствовали мне и хотели помочь. Молодой человек, о котором сообщала пресса, называя его Хикматулло, помог мне обрести свободу, он и его отец в прошлом были моджахедами. Он сказал мне однажды, что чувствует себя виноватым в том, что я заключен в тюрьму и что он надзирает за мной. Он добавил, что хочет быть полезным мне. Мы зарабатывали план, до тех пор, пока все условия не были готовы для побега. Для этого был даже куплен автомобиль.

Вопрос: С какими трудностями и опасностями вы столкнулись в ходе побега?

Исмаил Хан: Позвольте сказать вам, что, вопреки различного рода слухам, которые распространялись талибами по поводу данного инцидента, они [талибы] действительно производят впечатление людей, не продумывающих и не осознающих до конца свои действия. Мы добрались по главному шоссе из Кандагара до провинции Гильменд и, к счастью, не встретили никаких препятствий. Мы сталкивались, конечно, с дорожными постами, но они не узнали нас, и нам удалось пройти. Когда информация о нашем спасении была обнародована, они послали вертолеты, усилили контрольно-пропускные пункты, но к тому времени мы уже оставили территории, находящиеся под их контролем.

Вопрос: В одном из ваших первых интервью после спасения,

¹ Запись сделана корреспондентом Afghan Azadi Radio **Омаром Самадом**. — Afghan Azadi Radio. — 2000. — April, 29. — URL: <http://www.afghanradio.com>. *Перевод А.А. Князева.*

несколько недель назад, вы сказали, что предпочли бы, чтобы мир в стране был восстановлен с помощью политических действий. Тогда как в другом заявлении вы говорили о потребности в новом джихаде против иностранных интервентов и их союзников, состоящих в движении «Талибан». Вы можете сказать, каковы будут ваши дальнейшие действия на национальном уровне, как вы относитесь к народу Афганистана?

Исмаил Хан: Поскольку вы упомянули о моем высказывании в отношении судьбы Афганистана, то скажу: война — не есть решение афганской проблемы. Эта война была навязана нам, и даже те, кто инициировал ее, не получают пользы для себя и будут страдать. Не только мой долг, но долг каждого афганца и каждого моджахеда — стремиться к достижению мира и установлению исламского режима... Чтобы восстановить мир и безопасность, необходимо заниматься восстановлением Афганистана, это — обязанность каждого из нас. Но в случае, если некоторые не согласны с мирным урегулированием проблемы и угрожают безопасности нашей страны, где же выход? Мы делаем все возможное, чтобы решить проблему мирными средствами, но если есть люди, которые не согласны с мирным решением и выбирают страдание, нужно искать другие пути спасения.

Вопрос: Генерал Исмаил Хан, вы все еще считаете себя сторонником Исламского Государства Афганистан и Объединенного фронта? Какая роль, по вашему собственному мнению, будет отведена вам в них теперь?

Исмаил Хан: Как деятель ИГА, я был ответственен за юго-западные области страны в годы джихада и после победы движения моджахедов, которое, собственно, и было создано для того, чтобы справиться с этой нежелательной войной. С тех пор никаких изменений не произошло. В настоящее время силы сопротивления этой области воспринимают меня как своего руководителя. Также и в руководстве ИГА нет никаких изменений в отношении моих обязанностей.

Вопрос: Какими вы видите ваши будущие отношения и сотрудничество с силами сопротивления в стране, особенно с Ахмад Шахом Масудом? Встречались ли вы с ним, и планируете ли вы сотрудничать в плане выработки каких-то совместных подходов к решению проблем?

Исмаил Хан: К счастью, в ходе джихада мои отношения с северными группировками и с Ахмад Шахом Масудом всегда оставались доброжелательными. Я должен сказать, что в течение всего периода моего плена, Масуд предпринимал меры по освобождению меня из тюрьмы и, в частности, продемонстрировал свою готовность обменять захвачен-

ных военнопленных в обмен на мою свободу. В прошлом месяце — при том, что мы все еще не были полностью вне опасности, — Масуд был первым человеком, который говорил со мной. С тех пор мы общались несколько раз. В течение джихада мы были рядом с друг другом как два брата, и мы будем поддерживать нашу дружбу и в дальнейшем. Вопреки некоторым слухам, в этом отношении не должно быть поводов для беспокойства. Вы можете быть уверены, что ради восстановления свободы в нашей стране и утверждения авторитетного исламского режима, что могло бы восстановить порядок и безопасность, мы готовы действовать, стоя плечом к плечу.

Вопрос: Каково ваше мнение относительно распределения ролей в пределах антиталибского союза, в частности, говоря о двух давних соперниках, генерале Абдул Рашиде Достуме и генерале Абдул Малике? Если принимать во внимание тот факт, что Малик участвовал в операции по захвату вас в плен и в последующей передаче вас талибам?

Исмаил Хан: Я думаю, что есть большое различие между генералом Достумом и Маликом. Я бывал на Севере множество раз и, по моим наблюдениям, узбеки относятся к Достуму с уважением. Генерал Малик ведет двойную игру. Сначала он имел дело с Советами, потом с талибами... Они, как видите, очень отличаются друг от друга. Как сказал один поэт, «дорога, по которой вы следуете, может завести вас в никуда». Малик готов продать свою страну. Что еще он может сделать? Он — позор для узбеков Афганистана. Он не может быть полезен нашей нации ничем... В ходе конфликта командующего Абдул Вахида с их [талибов] министром обороны Убайдулло, талибы погубили просто так 22000 человек в ходе их наступления на Мазар-и-Шариф в 1988 году. Я думаю, что убийства в Баглане, Самангане, Кундузе, Мазар-и-Шарифе, Фариабе, Шибергане, которые и по сей день продолжаются, — не только работа «Талибана», здесь и Малик приложил руку. Он не только меня предал, он предал нацию. Больше чем 50000 человек были убиты за прошлые четыре года войны, и Малик ответственен за это.

Вопрос: Что вы можете сказать о будущем «Талибана»? Вы думаете, что произойдет распад изнутри, или какие-то внешние факторы могут спровоцировать раскол движения?

Исмаил Хан: Как я замечал в моих предыдущих беседах с людьми из Кандагара, они, а также жители Гильменда, Урузгана, уже поняли, что «Талибан» нельзя рассматривать как истинных «талибов», что нет никакой «священной войны». Их лидеры много говорили о призыве мужчин в армию в целях проведения наступления весной, но два меся-

ца спустя они оказывались не в состоянии осуществить призыв. Люди больше не хотят воевать. Я думаю, что движение «Талибан» перестанет существовать, но, к сожалению, это не остановит войну в Афганистане... Следующая война в Афганистане будет опиумной войной. И это будет позорная война. Если в прошлом контрабандисты передвигались ночью и несли по несколько килограммов опиума для продажи в соседней стране, то теперь бронированный курьер или военная машина транспортируют наркотики. Сегодняшний контрабандист технически полностью экипирован. Это больше не война с талибами, это война с контрабандистами и мафией. Если посмотреть с другой стороны, эта нежеланная война является своего рода пережитком и последствием политики прежнего короля Абдурахман-хана, начатой с его приходом к власти во время второй англо-афганской войны XIX века. Он подавлял восстания и уничтожал моджахедов того периода, настраивая одни провинции против других. Если вы изучите историю правления Абдурахман-хана, вы увидите, что он откровенно настраивал людей из Герата против людей из Кабула, а людей из Кабула против людей из Бамиана, создавая атмосферу враждебности. Мы видим сегодня, как «Талибан» проделал то же самое, чтобы распространить всеобщую враждебность, чтобы сделать эту войну непрерывной на многие последующие годы. Но «Талибан» ожидает крах. Я видел это, люди больше не желают идти на войну, которая ведется в интересах «Талибана». «Талибан» — банда контрабандистов и продавцов опиума, которые стремятся получить прибыль от нелегальной продажи наркотиков. Я уверен, что грядущий год станет годом снижения активности «Талибана».

Вопрос: Генерал Исмаил Хан, давайте вернемся в 1997 год, к событиям, которые предшествовали вашему захвату в плен. Чтобы лучше понять события и мотивы людей, вовлеченных в заговор, расскажите нам о том периоде времени,

Исмаил Хан: Я отправился в Батгиз вместе с частью наших моджахедов, чтобы спланировать операцию по освобождению Герата. Ряд военных формирований был размещен там под командой генерала Малика и его брата Гуль Мохаммада. К сожалению, так как мы противостояли одному и тому же врагу [«Талибану»], у нас не было другого выбора, кроме как разрабатывать совместные планы действия. Однажды, под предлогом разработки такого плана на совете командующих, они пригласили меня на встречу к себе. Хотя я уже слышал, что они установили контакты с талибами, я все еще сомневался по поводу этой встречи. Я передал на доработку этот вопрос профессору Раббани неделей ранее, сказав ему о контактах Малика с талибами и возможных

опасностях, которые могут подстергать нас. 18 мая 1997 года я пришел на назначенную встречу с двумя командующими из Герата и несколькими телохранителями из штаба. Другие командующие завтракали, когда мы прибыли... Я не одобрил их план, тогда Малик сказал, что проинформирует генерала Достума относительно моего несогласия с планом. Он вышел из комнаты, где кроме меня находилось еще приблизительно 17 невооруженных командующих из различных частей с Севера и из Герата. Внезапно в комнату ворвались 12 вооруженных мужчин. Наша охрана была захвачена в другой части здания. Мы не могли сделать ничего, так как не были вооружены. Затем нас переправили на вертолете в Фариаб. Спустя два дня в тюрьму прибыли два должностных лица из «Талибана», у нас состоялся очень краткий разговор. После этого меня на вертолете перевезли в Герат. Это и был трусливый заговор Малика в обмен на горстку денег...

Вопрос: Как вы думаете, был ли этот план, осуществленный Маликом, в действительности подготовлен ISI Пакистана и «Талибаном», которые хотели вас убрать?

Исмаил Хан: Часть моджахедов, у которых были свои связи с нами, сообщали нам двумя-тремя месяцами ранее, что Малик планировал сдаться «Талибану» и передать меня им живым — в соответствии с протоколом, который он подписал с ними. Очевидно и то, что у «Талибана» недостаточно собственной воли и полномочий, они не могут самостоятельно принимать решения. Их главный поставщик оружия и денег находится в Пакистане, и нет никаких сомнений в том, что ISI сыграла главную роль в этой истории. Как вы уже знаете, Ахмад Шах Масуд тщетно пытался добиться моего освобождения в течение тех трех лет, что я провел в тюрьме, взяв в плен нескольких командующих из «Талибана». Масуд заявил, что он не освободит их, если я не буду включен в обмен заключенными. Но потом стало ясно, что мулла Омар не был готов освободить меня, более того, у него просто не было таких полномочий. ISI явно была замешана в этом деле.

Вопрос: До захвата Герата талибами пакистанские делегации несколько раз проводили с вами встречи на высоком уровне. У вас было несколько встреч с пакистанскими лидерами между 1992 и 1994 гг. Что они говорили вам тогда, чего они хотели? Вы чувствовали тогда, что у них могли быть скрытые мотивы по отношению к вам?

Исмаил Хан: Я встречался с премьер-министром Беназир Бхутто в Туркмении. Пакистанский министр внутренних дел Насирулло Бабар часто приезжал в Герат. Однажды Бабар в сопровождении двух паки-

станских генералов проделал на машине путь от Спинбулдака к Герату. Все эти переговоры были сосредоточены на вопросе о нашем одобрении проектов трубопроводов, железной дороги, которые соединили бы Пакистан с Туркменией через Герат и Кандагар. В виде жеста доброй воли они даже посылали караван с продуктами, которые были распределены по провинциям Гильменд, Кандагар и Герат. Другая объединенная пакистанско-туркменская команда, занимавшаяся ремонтом шоссе Герат-Кандагар, также вела переговоры со мной в Герате. Переговоры были сосредоточены на вопросах восстановления дорог и строительства трубопровода и железной дороги... В связи с этим... Махмуд Местири¹, миротворец из ООН, и его помощник Чарльз Сантос, который позже стал должностным лицом по делам нефтепроизводства в компании Delta Oil, часто упоминали о некоей потребности в «мирной силе», которая помогла бы восстановить мир в стране. Через некоторое время я начал поднимать вопрос о характере этой «нейтральной мирной силы», о том, кто же составляет ее? Он [посол Местири] сказал, что мирная сила — это некая группа афганцев, о которой мы узнаем в свое время, когда обе конфликтующие стороны согласятся на мирные переговоры... Я думаю теперь, что это и была та самая сила, о которой они говорили, которая потом обернулась тем, чем обернулась.

Вопрос: В течение вашего пребывания в заключении, вы встречались с пакистанскими должностными лицами из ISI или с религиозными пакистанскими представителями? Они говорили с вами?

Исмаил Хан: Да, два пакистанца приходили в тюрьму под видом журналистов. Но было видно, что они не были репортерами... Я сказал им лишь, что они не те, за кого себя выдают.

Вопрос: Что вы знаете о лидере «Талибана» Мохаммаде Омаре и о его связях с пакистанцами? Есть мнение, что «Талибан» — спонтанное проявление, что это сила «отечественного производства», что вы об этом думаете?

Исмаил Хан: «Талибан» во многом получал поддержку из Пакистана и даже использовал заключенных, чтобы разгружать боеприпасы, прибывающие из Пакистана. «Талибан» начали войну со Спинбулдака, с афганско-пакистанской границы. Если бы у них была собственная база, все началось бы внутри страны, однако... война расплзалась от Спинбулдака к Кандагару, Кабулу, Герату и затем к Мазар-и-Шарифу.... Это не было спонтанное и естественное явление, это была скорее заранее подготовленная операция. По поводу муллы Омара. Должен

¹ Mahmoud Mestiri.

сказать, что он полностью лишен и видения ситуации, и полномочий. Прошедшие пять лет показали, что у него нет никакого понимания роли его движения, как движения, которое принесло бы пользу нации, которое помогло бы в усилиях по реконструкции — будь то меры в отношении здравоохранения, образования, социального или экономического сектора. Единственные вещи, которые для него существуют — война и разрушение. Даже в Кандагаре единственным достижением муллы Омара стало разрушение кинотеатра и постройка на его месте мечети. Улицы Кандагара находятся в том же самом разрушенном состоянии, ни одной больницы не было построено.

Вопрос: Давайте продолжим разговор о мирных инициативах, связанных с Афганистаном, в частности, о критическом состоянии процесса созыва Лоя Джирги, который был начат бывшим королем. Каковы ваши практические инициативы в этой области?

Исмаил Хан: Любой гражданин Афганистана должен приветствовать любую инициативу или программу доброй воли, цель которой состояла бы в том, чтобы восстановить мир в Афганистане. Я поддерживаю любого, чьи усилия будут направлены на обеспечение мира. Что касается «Римского процесса», то должен сказать: нет сомнений, что принимаемые усилия необходимы. Многие из тех, кто входит в совет Лоя Джирги — известные люди. Единственная проблема, которую я вижу на сегодняшний день: в условиях войны, когда мы имеем дело с конфликтом, усилия по созыву Лоя Джирги какой-либо организацией, поддерживающей мирные способы решения афганской проблемы, не могут быть эффективными. Любое собрание, любое обсуждение той или иной проблемы, проводимое вне страны, способно привлечь внимание мировой общественности, но эти усилия едва ли могут быть как-то реализованы практически. Лишь после прекращения военных действий Лоя Джирга или любая другая мирная инициатива может быть успешной и эффективной.

Вопрос: Что вы вынесли из многих лет собственного опыта, и теперь, после того, как вы побывали в тюрьме, что вы думаете о произошедших событиях и совершенных ошибках?

Исмаил Хан: Ни один человек не застрахован от ошибок. У всех нас бывают свои взлеты и падения. Война, которая идет сейчас, напоминает мне англо-афганские войны XIX века. К сожалению, мы, афганцы, всегда боролись, но только не понимали — за что. Я всегда подвергал сомнению версию о том, что афганцы в принципе не способны создать нормальное правительство. Мы столкнулись с тем, что иностранцы с

востока и запада всегда относились к нам враждебно, а у нас так и не было сформировавшегося государства, которое могло бы служить защитой от всех этих опасных заговоров.

Сейчас основная ответственность ложится на образованных граждан Афганистана, которые оставили страну. Они должны думать, как восстановить страну. Эта война создала три категории людей: 1) лакеи; 2) те, кто извлекает из войны личную выгоду; 3) те, кто насильственно втянут в войну, например, в поисках заработка. Те, кто еще вчера называли себя нашими друзьями, раздувают пожар войны. Роль международного сообщества в окончании войны в Афганистане важна, и роль ООН является критической. Но если бы они действительно хотели остановить иностранное вмешательство в дела Афганистана, война закончилась бы давным-давно. Однажды в Герат прибыли послы 26 стран, главным образом — западные официальные лица во главе с генералом Бабаром, пакистанским министром внутренних дел. Я показал им 50 тонн опиума и наркотиков, нелегально ввозимых в страну, которые мы конфисковали на таможне. Я поинтересовался, где же представители ООН, и те, кто поднимает шум вокруг наркотиков? Вот они, сказал я им, только почему никто не рвется помочь нам? Было время, и не так давно, когда большинство людей в различных областях вообще не знали, что такое опиум, и не думали о нем. Сегодня опиум производится во всех областях Афганистана и талибы получают от его производства свои доходы. Без доходов от производства опиума их военные усилия увенчались бы крахом. Я сожалею, что ООН имеет дело с террористами и бандой продавцов наркотиков..., с теми, кто нарушает права человека и права женщин. Талибы даже не считают женщин за людей. Я спросил одного из талибов об этом: что вы сделаете, если ваша жена заболит? Он сказал, что они разместят по пять акушерок в каждом районе, чтобы заботиться о женщинах. Я сказал ему, что у женщин могут возникать не только проблемы, связанные с родами, могут развиваться и легочные, сердечные и другие болезни... Он ответил, что пусть тогда «они уйдут, как уходили наши предки». И это — ответ? Это — не рациональный ответ... Я просто удивляюсь странам, которые твердят о прогрессе, мире и правах человека, а потом из-под полы помогают этим людям, фактически террористам, у которых нет ни малейшего уважения к ближнему, нет представлений о гуманности, людям, которые не знают ничего о правах человека и женщин. Я не думаю, что война в Афганистане закончится, пока мы наблюдаем такую ситуацию. Роль всех этих стран в приближении конца войны действительно огромна. Я уверен: только если эти страны консолидируются и прекратят вмешательство, только тогда войне придет конец.

Интервью с командующим Ахмад Шахом Масудом¹

Ахмад Шах Масуд: Прежде всего, я хотел бы приветствовать наших сестер в Афганистане.² Я очень ценю вашу храбрость и посвящение себя тому, чтобы прибыть сюда и посетить ваших людей и вашу страну, получить непосредственное представление обо всех проблемах, возникающих в этом хаосе, в этих чрезвычайно сложных условиях. Я надеюсь, что этот визит — реальное начало возвращения афганских людей и женщин в их страну для того, чтобы они могли повстречать своих соотечественников и почувствовать боль и страдания этих людей.

В отношении афганской ситуации я должен повторить, что любая пропаганда и любые выдвигаемые требования — это исключительно внутреннее дело нашей страны. Борьба за власть — это проблема, которая намного серьезнее, чем все остальное. Мы уже говорили о том, что Пакистан, начиная со времен Зия уль-Хака, начиная со времен советской и коммунистической агрессии против Афганистана [...], принял программу и стратегию, направленные на то, чтобы в будущем использовать Афганистан как трамплин для осуществления своих дел в Центральной Азии [...]. А также для того, чтобы стать осевой региональной супердержавой. Планируя результаты этой давнишней своей политики, Пакистан не думал, что падение режима коммунистов в Кабуле произойдет как следствие действий с севера. Пакистанцы думали, что это случится в результате действий с юга в направлении Кабула, и тогда у власти окажутся афганские фракции, зависимые от пакистанских чиновников. Пакистан понял, что цели не достигнуты, и, откровенно говоря, не оказался способен установить отношения даже с фракционным лидером Гульбетдином Хекматиаром. Несмотря на это, пакистанский режим по-прежнему следовал политике и стратегии, определенными еще Зия уль-Хаком.

Нет сомнений, что у нас были внутренние проблемы, и частично этот кризис обусловлен внутренними причинами. Но главную причину я вижу в политике Пакистана и в зарубежной агрессии. Я буду повторять это до тех пор, пока международное сообщество не осуществит необходимого давления на Пакистан, пока не прекратится вмешательство Пакистана в афганские дела, без чего можно быть уверенным, что огонь

¹ Запись сделана корреспондентом Afghan Azadi Radio **Шерджаном Самадом**. — Afghan Azadi Radio. — 2000. — July, 2. — URL: <http://www.afghanradio.com>. *Перевод А.А. Кязева.*

² Данное обращение было адресовано участницам конференции «Women on the Road for Afghanistan», проходившей в Душанбе 27-28 июня 2000 г., которые посетили 29 июня Афганистан и встретились в Панджшерском ущелье с Ахмад Шахом Масудом.

войны в нашей стране никогда не будет погашен. С другой стороны, мы много раз объявляли, что существует единственное решение афганской проблемы, оно может быть достигнуто только через мирное урегулирование, через переговоры и дискуссии... И в ходе этих переговоров должен быть найден наилучший путь в том, чтобы перейти к выборам, перейти к демократии, позволить людям самим определить их судьбу. Еще раньше мы несколько раз говорили, например, Хекматиару: если он думает, что он действительно имеет авторитет в народе и будет управлять страной эффективно, это хорошо, но давайте организуем выборы и позволим людям на основе закона избрать его своими избирательными бюллетенями.

Теперь наше предложение для талибов заключается в том же самом. Несколько раз я говорил талибским делегациям, которые прибывали для переговоров с нами в Панджшер: вы утверждаете, что представляете пуштунские племена? Мы согласны. Вы говорите, что большинство Афганистана находится под вашим контролем? Мы согласны. Вы говорите, что люди принимают вас? Мы согласны. Это очень хорошо, если есть такой уровень доверия. Но тогда давайте пойдем на выборы! Вы утверждаете, что обладаете поддержкой большинства; тогда о чем вам волноваться? Вместо войны и кровопролития организуйте выборы и законно получите власть. Наша позиция остается все той же.

Вчерашние баталии являются очередным примером того, что военное решение является не нашим выбором. Пакистанцы готовились к этому наступлению более месяца. Вы можете убедиться, что было прислано 1600 пакистанских солдат, и вторично еще 1000, для того, чтобы принять участие во вчерашних сражениях. Это — не беря в расчет солдат из пакистанских медресе и талибских новобранцев. Все мы видели, что благодаря Богу и выбору нации, они в течение нескольких часов оказались перед лицом поражения и были вынуждены отступить. Но мы никогда не рассматривали войну как приемлемое решение...

Возвращаясь к моему начальному тезису. Печально, что в результате недоразумений некоторые из наших авторов и ученых вместо понимания глубины проблемы, связанной с пакистанским вмешательством, тратят время на обвинения, направленные против той или иной стороны. Ключ к решению афганской проблемы находится в международном сообществе и в самих афганцах — где бы они ни жили, нужно объединить их для противостояния пакистанской агрессии, как это было сделано во время советской агрессии. В конечном счете, нужно прокладывать путь к демократии и выборам, так, чтобы каждый индивидуум смог осуществить свои естественные права.

Вопрос: Какова роль афганских женщин — внутри и вне страны — в достижении мира?

Ахмад Шах Масуд: Как это было и во время антикоммунистической борьбы, в период джихада. Афганские женщины и сегодня могут играть очень важную роль внутри и вне страны, чтобы защитить Афганистан в борьбе против иностранной агрессии и помочь в восстановлении мира. Афганские женщины во внешней политике могут устанавливать связи с людьми, особенно с женщинами, чтобы помочь афганскому народу материально и нравственно. Нет никаких проблем с посещением областей [контролируемых правительством], открытием школ для девочек, созданием колледжей, а также с тем, чтобы осуществлять другие действия подобного рода для помощи своей стране.

Вопрос: Как вы оцениваете последнее наступление талибов?

Ахмад Шах Масуд: Как заявлял генерал Первез Мушарраф, они намеревались нанести заключительный удар, наше сопротивление — это препятствие в достижении их целей. Несмотря на заявления ООН и международные предупреждения талибам об установлении моратория на наступательные действия, они все-таки начали широкомасштабное наступление, как это и было засвидетельствовано вчера. Вначале у них было преимущество в некоторых местах, поэтому наши линии обороны были сдвинуты назад на 2 и на 4 км соответственно. Но с именем Бога и в результате стойкого сопротивления моджахедов они [талибы] в своих действиях потерпели неудачу. Согласно моим первоначальным данным, их потери могут составлять приблизительно 150 убитыми и больше чем 200 ранеными. Вчерашний бой был тяжелым. Они также потеряли, по крайней мере, шесть танков, от 10 до 15 военных транспортных средств разных типов... Но это не подразумевает, что талибы и пакистанцы отказались от идеи продолжения войны, и я уверен, что они готовятся к следующему этапу.

Вопрос: Каких действий ожидает господин Масуд от США в отношении Пакистана для нахождения пути мирного урегулирования кризиса?

Ахмад Шах Масуд: США могли бы оказать политическое и экономическое давления на Пакистан. Это давление могло бы легко заставить Пакистан воздержаться от продолжения вмешательства. Это могло бы относиться к займам Всемирного Банка, другим видам помощи США Пакистану. Большинство военного снаряжения армии Пакистана сделано в США, и прекращение этого потока — это также давление на Пакистан...

Вопрос: Каковы потребности внутренних перемещенных лиц, количество и качество помощи, предоставляемой им международными неправительственными организациями?

Ахмад Шах Масуд: Наиболее острая проблема с перемещенными лицами — это продовольственные поставки. Вопреки заявлениям неправительственных организаций и ООН, они все-таки не способны обеспечить даже минимальные потребности беженцев в пропитании. Люди, живущие в Панджшерской долине, делятся с беженцами продовольствием. Если эта неугодная Богу борьба будет нарастать, то все мы окажемся в очень затруднительном положении. Наиболее важной проблемой в оказании помощи остаются продукты питания. С медицинской помощью дело обстоит лучше.

Вопрос: Что вы думаете относительно созыва Лойя Джирги, предлагаемого Захир Шахом?

Ахмад Шах Масуд: Мы согласны с любимыми мирными инициативами, которые направлены на разрешение афганского кризиса. Если Захир Шах мог бы созвать Лойя Джиргу, и мир мог бы быть восстановлен, то мы не только не имеем никаких возражений, но и сотрудничали бы в этом вопросе.

Вопрос: Вы предпочитаете ситуацию, которая включает талибов в правительство, или нужно продолжать борьбу до тех пор, пока их влияние не будет окончательно искоренено?

Ахмад Шах Масуд: Мы не хотим продолжения войны в нашей стране. Но мы также знаем, что мы не сможем построить коалиционное правительство с талибами на длительное время. Мы предпочитаем создание общей правящей коалиции с временным правительством талибов в течение шести месяцев или года, чтобы положить конец войне и убийству афганских людей, а затем нужно двигаться к выборам.

Вопрос: Какими словами мы можем поддержать афганский народ и что мы можем сделать?

Ахмад Шах Масуд: Все афганцы, наши братья и сестры, кто живут за границей, могут помочь людям, которые находятся внутри страны, устанавливая с ними отношения. В различных сферах: медицинском обслуживании, образовании, в экономической области, даже в сфере кустарных промыслов, вы можете создать небольшие организации, чтобы поддержать, например, вдов. Во Франции или Германии, или в других местах. Устанавливая прямые контакты, включая такие поездки, как ваша нынешняя, которые являются беспрецедентными, вы можете

оказать большую помощь. Недавно несколько французских женщин открыли здесь больницу и теперь у нас есть медицинское обслуживание. Разве у нас нет афганских женских докторов за границей? В чем препятствие? Многие готовы оказать любую помощь, чтобы защитить права человека словами, выкрикивая лозунги или выпуская листовки, но они забывают о том, чтобы фактически сделать что-то. Какая проблема в том, чтобы прибыть сюда и открыть школу для девочек? Условия для этого есть, но, к сожалению, у нас, у афганцев, есть одна привычка: мы говорим слишком много, а фактически делаем немного.

Вопрос: Как бы вы оценили те ошибки, политические или другие, которые были сделаны в прошлом?

Ахмад Шах Масуд: Без сомнения, у нас были ошибки, невозможно избежать ошибок, когда что-то делаешь. Никто не застрахован от ошибок. Наиболее существенный недостаток в прошлом заключался в отсутствии единства среди фракций периода антисоветского сопротивления. Большое количество фракций и их дисперсность стали причиной многих бедствий в Афганистане.

Вопрос: Какой эффект может быть от возвращения Исмаил Хана или от возможного участия генералов Достума и Малика в военных и политических событиях в стране?

Ахмад Шах Масуд: Для каждого человека есть рамки, в которых он будет действовать эффективно, противостоя иностранной агрессии. Я думаю, что свобода амира Исмаил Хана будет иметь очень большие последствия. Его свобода позволит нам расширить сопротивление в западных и юго-западных зонах и, таким образом, распространить и распределить усилия, которые пока были возложены только на наши отряды.

Вопрос: Каковы, на ваш взгляд, возможности будущего сотрудничества между пиром Сейидом Ахмадом Гейлани и талибами?

Ахмад Шах Масуд: Естественно, что пока пир Сейид Гейлани живет в Пакистане, он находится под влиянием пакистанских властей и давлением ISI. Я уверен, что лично он — хороший человек, он принимал активное участие в джихаде... Но при существующем давлении, которому он подвергается в Пакистане, он вынужден будет приспосабливаться.

Вопрос: Когда закончится война, какую роль вы видите для себя в будущем Афганистане?

Ахмад Шах Масуд: Наиболее существенная роль, которую я

вижу сейчас, заключается в том, чтобы продолжать сопротивляться иностранному вмешательству и прокладывать путь для всех и для каждого афганца, чтобы они были способны свободно определять свою собственную судьбу. Я не имею никакого желания иметь для себя какое-то специфическое властное положение. Прекратить иностранное вмешательство, создать конституцию, согласно которой люди смогут осуществлять свое право на самоопределение и, тем самым, создать условия для прихода к власти в будущем такого режима, который сможет пользоваться доверием людей, когда не будут нужны никакие государственные перевороты и вооруженные конфликты, создать условия, в которых возникают демократия и выборы — вот потребность Афганистана. Каждый должен иметь право отдать свой голос, и это право должно принадлежать мужчинам и женщинам. И мужчины, и женщины должны иметь право выбрать, или быть избранным... Это и есть для меня главная роль... Прокладывать путь к такому режиму и к такой демократии.

Вопрос: В течение многих лет вы сталкивались со многими проблемами в отношении свободы в Афганистане. Как вы хотите запомниться в истории?

Ахмад Шах Масуд: Как человек, служивший людям и своей стране.

Восемьдесят лет рабства. Радиообращение афганских талибов. 22 августа 2000 г.¹

Уважаемые слушатели!

Суматоха в некоторых странах Центральной Азии — результат фальшивой политики руководства этих стран, они выдвигают обвинения в адрес других стран ради своих политических целей.

Политический комментатор Информационного агентства Бахтар пишет: президенты четырех стран Центральной Азии — Таджикистана, Киргизстана, Узбекистана, Казахстана, и специальный представитель Президента России, секретарь Совета безопасности России Сергей Иванов, вчера² собрали встречу в Бишкеке, столице Киргизстана, и в своем заявлении еще раз объявили о своей политической и военной поддержке противников Исламского Эмирата Афганистан, а также объявили ответственным за беспорядки и проблемы в своих странах Исламский Эмират Афганистан.

Будучи мусульманами, народы Центральной Азии пробывли восемьдесят лет в рабстве и они не хотят больше нести цепи рабства на своей шее или быть под гнетом. Это ведет к изменениям и развитию политических движений в их странах. Правители этих стран возлагают ответственность и упрекают за эти события кого-нибудь другого, потому что эти движения и эта суматоха есть продукт политики самих этих правительств, которые хотят держать свои народы в прошлом.

Исламский Эмират Афганистан проводит политику невмешательства во внутренние дела других стран и принимает во внимание, как и прежде, национальные и международные обязательства, и требует от других стран такой же политики по отношению к себе.

Те страны, которые выдвигают обвинения другим из-за своей фальши и крайне провальной политики, должны пересмотреть свою политику по отношению к Исламскому Эмирату Афганистан. Исламский Эмират Афганистан хочет иметь добрые отношения со всеми странами, основанные на взаимном уважении, и не намерен быть враждебно настроенным к какой-либо стране мира. Поэтому подобное отношение некоторых стран Центральной Азии к Исламскому Эмирату Афганистан необоснованно и беспочвенно. Они резко критикуют нас для того, чтобы скрыть свою фальшивую политику и сдерживать свои народы.

¹ Радио «Голос Шариата». — Кабул, 2000. — 22 августа. — 15:00 GMT. *Запись и перевод А.А. Князева.*

² 20 августа 2000 г.

Чрезвычайный и полномочный посол Исламского Эмирата Афганистан в Исламской Республике Пакистан, достопочтенный Мулла Сейид Мохаммад Хаккани, в своем интервью корреспондентам касательно недавнего положения вещей, озвученного лидерами четырех государств Центральной Азии, сказал, что вмешательство Исламского Государства Афганистан во внутренние дела других стран и голословные утверждения о существовании баз противников стран Центральной Азии [в Афганистане] являются беспочвенными и далекими от реальности. Исламский Эмират Афганистан не хочет вмешиваться во внутренние дела других государств и готов разрешить все недоразумения путем переговоров и понимания.

Исламский Эмират Афганистан не причастен к беспорядкам и суматохе в странах Центральной Азии и не хочет использовать их территорию для нападения на другие страны.

Поэтому Исламский Эмират Афганистан рассматривает все обвинения, выдвинутые странами Центральной Азии, как безосновательные и далекие от реальности. Эти страны хотят при помощи подобных выкриков и шума скрыть их очевидное вмешательство во внутренние дела Афганистана, а также свою политическую и военную поддержку противников Исламского Эмирата Афганистан.

«Я счастлив, что Партия исламского возрождения Таджикистана создавалась в моем доме»¹

*Ходжи Каландари Садриддин,
председатель филиала ПИВТ в
Хатлонской области*

Во имя Аллаха милостивого и милосердного.

Создание первой первичной ячейки ПИВТ имеет интересную историю и является важным событием. Но прежде чем говорить об истории нашего исламского движения, хотелось бы совершить короткий исторический экскурс, рассмотреть вопрос о возникновении исламских реформаторских идей в Мавераннахре, в частности в Восточной Бухаре, послуживших первоисточниками нашего движения.

Всем известно об истории прихода к власти большевиков, когда они, насильственно свергнув Николая II, последнего бухарского эмира Алим-хана, создали мощную империю, где господствовала лишь коммунистическая партия, опиравшаяся на материалистические идеи атеизма, насаждавшиеся и среди богобоязненных мусульман Мавераннахра. При этом отвергались любые религиозные идеи, а также идеи свободы слова, считавшиеся вредными.

А что такое свобода? Это, прежде всего, возможность свободно выражения тех или иных идей. Наш народ, имеющий богатое историческое наследие и внесший большой вклад в развитие исламской цивилизации, потерял возможность выражать свои идеи, взгляды, свободно реализовывать национальные и религиозные традиции. В результате этой насильственной политики наш народ отдалился от своих культурных, религиозных и национальных ценностей.

Уже после сталинских репрессий, в шестидесятые и семидесятые годы прошлого столетия, появились определенные условия для возрождения, хотя и продолжало существовать достаточно жесткое давление. В период «развитого социализма», о победе которого объявил Л. Брежнев, в Таджикистане, несмотря на то, что чинились серьезные препятствия деятельности просвещенных деятелей ислама, появились реформаторы, появилась свободомыслящая молодежь. Представители властных структур препятствовали тому, чтобы народ совершал религиозные ритуалы. Хотя все люди были мусульманами, ни одно исламское мероприятие не проходило свободно. И если чиновник, какой-то представитель власти

¹ Хочи Каландари Садриддин. Шодам, ки ҲНИТ дар манзили камина ба дунё омад// ҲНИТ — зодаи ормони мардум. — Душанбе, 2003. — С. 127-139. *Публикация и перевод М. Салимзода.*

принимал участие в мероприятиях такого рода, органы госбезопасности добивались его отстранения от занимаемой должности. В Курган-Тюбе, городе со 100-тысячным населением, была лишь одна соборная мечеть, в которой намаз совершали исключительно ветераны войны, труда или инвалиды. Молодым людям в возрасте до 25 лет не разрешалось совершать там молитвы. В случае появления в мечети кого-либо из молодежи, об этом факте сообщалось на места работы или учебы на предмет незамедлительного осуждения таких поступков.

Для меня эти меры и стали побудительными причинами. Поскольку в период молодости я регулярно посещал мечеть, пятничные молитвы, я быстро попал в поле зрения сотрудников КГБ. Руководителя предприятия, где я работал, поставили в известность о том, что такой-то молодой сотрудник является религиозным, посещает мечеть, ему предложили принять меры к тому, чтобы заставить меня отказаться от подобных действий. Другой причиной, заставившей задумываться, была мечта о независимом государстве, которое обеспечило бы мне свободное национальное и религиозное волеизъявление, возможность защищать свои права и обязанности. Постоянно размышляя над этими проблемами, позже я начал слушать зарубежные радиостанции, вещавшие на фарси и русском языке, что, естественно, запрещалось компетентными органами. В случае выявления, такой «объект» попадал в поле изучения и последующего преследования органами КГБ. Когда я слушал эти передачи, то задумывался: почему наши персоязычные друзья из Афганистана или Ирана, имея свои суверенные государства, свободно развивают религию и национальные культурные традиции, а мусульманский народ Таджикистана этих благ лишен? Постоянно повторял строку из стихов афганского поэта-борца: «Нет лучшего блага, чем независимость».

Вскоре о слушании мною зарубежных радиостанций стало известно в органах КГБ. Несмотря на допросы, попытки запугивания с их стороны, я тайно продолжал слушать радиостанции. А параллельно думал: есть ли молодежь, разделяющая мои взгляды, возможно ли создать общество или организацию для борьбы за реализацию в жизнь религиозных и национальных ценностей? Вскоре в лице Саида Абдулло Нури я обнаружил такого молодого энергичного свободомыслящего человека. После первой же встречи я понял, что этот молодой человек имеет большое будущее, и он вполне способен возглавить наше исламское реформаторское движение. Позже с помощью Нури установились другие знакомства, возникла дружба с некоторыми грамотными молодыми единомышленниками. Постепенно, в ходе встреч и бесед, в начале

1973 года, мы пришли к единому мнению о создании тайного реформаторского исламского общества.

Учредительное собрание было решено провести в моем доме. В целях конспирации за день до совещания я отправил в другое место членов своей семьи.

20 апреля 1973 г. инициативная группа на совещании в моем доме организовала общество «Наҳзати Исломи Ҷавонони Тоҷикистон» (Исламское Возрождение Молодежи Таджикистана — ИВМТ). Руководителем ИВМТ был избран Саид Абдулло Нури, известный тогда под именем мулло Абдуллох. Постепенно организация выросла, превратилась в могучее политическое движение — ПИВТ. Прошло более 30 лет со дня создания этого политического движения, и я счастлив, что основы этой исламской организации были заложены в моем доме, что наравне с мулло Абдуллохом принимал в этом активное участие.

В первом учредительном собрании ИВМТ, помимо меня и С.А. Нури, участвовали лишь Кори Мухаммаджони Мухиддин (умер в 1994 г. в эмиграции в Афганистане), мулло Нейматуллох и Одинабеки Абдусалом (все — жители Курган-Тюбе). Спустя несколько лет к движению примкнули мулло Мухаммадрасули Салом, мулло Аёмиддин Сатторзода, мулло Амриддин, еще десятки братьев и сестер, которые затем внесли большой вклад в деятельность ПИВТ. Отдельные партийцы стали жертвами во имя претворения в жизнь идей ПИВТ.

О некоторых основных факторах, способствовавших возникновению и развитию реформаторских исламских идей в Таджикистане. По моему мнению, почва для появления этого движения и развития реформаторских исламских взглядов в Таджикистане была разнообразна. Основой послужило то, что было исторически заложено во взглядах и в самом самосознании таджикского общества. Подобных взглядов столетиями придерживался наш мусульманский народ. Первоначально эти идеи возникли в форме просветительского движения Мавераннахра за всеобщее образование населения в канун и после Бухарской революции, а впоследствии это движение, как экстремистское, было уничтожено большевиками. Слава Всевышнему, что появились такие личности как С.А. Нури, заложившие основы для возрождения и модернизации этих идей. Со всей ответственностью могу заявить, что Саид Абдулло Нури является основоположником исламского реформаторского движения конца двадцатого столетия не только в Таджикистане, но и во всем Мавераннахре т.е. в странах постсоветской Центральной Азии. К сожалению, великую заслугу С.А. Нури преднамеренно и по сей день

недооценивают отечественные и зарубежные научные эксперты. Изучая основания и факторы появления политического исламского движения, они заявляют, что оно проникло в Центральную Азию извне. Деятельность этих ученых, экспертов и исследователей не соответствует исторической правде.

Действительно, в последующем на развитие реформаторских исламских идей у нас определенное влияние оказывала литература, поступавшая из Афганистана и Ирана. Мы усердно ее изучали, но большинство этих книг не соответствовало нашим требованиям, поскольку в зарубежных изданиях излагались взгляды различных исламских направлений, противоречащие ханафитскому мазхабу, которого придерживается абсолютное большинство жителей Таджикистана. Из этой литературы на вооружение нами воспринимались только общеисламские реформаторские идеи, другие, противоречащие нашему традиционному течению, мы игнорировали.

Следующим, вторым фактором развития, как показывает пример из моего личного опыта, послужило прослушивание зарубежных радиостанций, вещавших на языке фарси. Посредством прослушивания и анализа программ зарубежных радиостанций молодежь регулярно знакомилась с прогрессивными взглядами на ислам и течениями реформаторского ислама, обогащала свое мировоззрение. В результате она начинала активно действовать по искоренению недостатков в обществе.

Третьим фактором появления реформаторских исламских идей стало то, что элитную часть ИВМТ составляли высокообразованные личности, в том числе — образованные в области светских наук. Особый акцент они делали на обучение и воспитание молодежи.

О нынешней деятельности филиала ПИВТ в Хатлонской области. Известно, что часть Хатлонской области, именуемая долиной Вахша, была заселена переселенцами из горных районов республики в 1950-1960-е гг. В период гражданской войны значительная их часть стала беженцами в Афганистане. К счастью, после подписания в 1997 г. в Москве Общего соглашения о мире между Э. Рахмоновым и С.А. Нури, страна вступила в новый этап, беженцы стали возвращаться в Вахшскую долину и заниматься созидательной деятельностью.

В 2000 г. меня избрали председателем филиала ПИВТ в Хатлонской области. Думаю, что на это имелись причины: будучи сыном этой древней земли, я лично знаком со многими, осведомлен о проблемах, трудностях и недостатках, имеющихся в области. Первые дни деятель-

ности были очень трудными. Вахшская долина была ареной боевых действий, а Кулябский регион Хатлонской области — центром сопротивления наших оппозиционных сил. Население обеих регионов области одинаково испытало горечь гражданской войны, и было теперь занято исключительно восстановлением мирной жизни. Людей абсолютно не интересовали избирательные мероприятия, деятельность политических партий и движений. С другой стороны, представители недавних противоборствующих группировок не привыкли жить в мирной обстановке, имелось недоверие друг к другу, царила атмосфера подозрительности. На этом фоне трудно было вести деятельность ПИВТ. Тем не менее, в первую очередь мы начали работу по налаживанию контактов с районными, городскими, областными властями, политическими, общественными движениями, международными организациями и средствами массовой информации. Давалось это трудно. В частности, многие руководители районных и городских властей Кулябского региона долго не хотели нас официально признавать. Не вступая в конфликты, мы терпеливо продолжали налаживать контакты и требовать, чтобы было прекращено нарушение законов. В результате, за последние два года работа с властями намного улучшилась, и мы смогли во многих районах Кулябского региона создать партийные ячейки ПИВТ и оживить их деятельность.

Поскольку ПИВТ действует в рамках Конституции страны, в данный момент основные задачи партийных ячеек связаны с активизацией общественно-политической деятельности. Первостепенное внимание уделяется воспитанию кадров и политическому обучению членов партии. С этой целью мы проводим семинары по повышению политической грамотности, серьезно организовываем подготовительные мероприятия в ходе избирательных и других важных компаний. С Божьей помощью, в будущем мы надеемся еще более активизировать деятельность ПИВТ в Хатлонской области, чтобы повысить роль и авторитет партии среди населения республики.

30 января 2003 г. прошла третья конференция филиала ПИВТ в Хатлонской области, где обсуждались результаты работы за последние три года. В работе конференции принимали участие председатель ПИВТ С.А. Нури, ее генеральный секретарь Саидумар Хусайни, представители властных структур, представитель ООН в нашей области Стоун Дмитров, представители других политических движений и партий. Я выступил с докладом о деятельности областных структур партии. Филиал ПИВТ в Хатлонской области имеет 22 партийных ячейки и считается самым внушительным. В течение указанного периода нами были

реализованы научно-культурные программы на темы: «Наркотики — чума века», «Роль ислама для западной цивилизации», «Таджикский язык — государственный язык Республики Таджикистан» и т.д. Члены ПИВТ среди различных слоев населения области, особенно среди юношей и девушек, регулярно проводят массово-политические мероприятия по разъяснению программных задач партии. В результате за счет молодежи пополняются ряды членов ПИВТ. Представители партии проводят благотворительные мероприятия среди инвалидов и обездоленной части населения. Мною было подчеркнuto, что представители властных структур создают искусственные преграды деятельности ПИВТ, противоречащие требованиям основного закона Таджикистана. Согласно конституции, все политические партии пользуются одинаковыми правами, я выразил надежду, что в дальнейшем подобные недостатки будут устранены и отношения ПИВТ с властями приобретут более конструктивный характер. На конференции был избран президиум ПИВТ в Хатлонской области из 29 членов, меня вновь избрали председателем.

Председатель ПИВТ С.А. Нури в своем докладе отметил следующее: «Слава Богу, что Он предоставил нам хорошие дни. Благодаря Ему мы объединились, согласно Его повеления и Конституции страны живем и работаем. Наша маленькая страна является нашим домом, мы должны его улучшить, оберегать от иноземных нашествий, чтобы прийти к миру и согласию. Мы должны четко осознать, что ПИВТ является не религиозной организацией, а политической, имеющей религиозную специфику, она осуществляет свою деятельность во благо народа. Этот год объявлен годом реформ. Каждый должен начать реформирование со своего сердца, дома, района и города. С.А. Нури неоднократно подчеркивал, что некомпетентным лицам нет места в нашей партии и такое отношение к ним должно воцариться по всей республике. То есть, тот, кто не отвечает требованиям народа, должен уступить место. Наша страна является демократической, у нас действуют различные политические партии. ПИВТ готова сотрудничать с теми политическими партиями, которые борются за улучшение благосостояния народа, за вывод страны из кризиса и ликвидацию всеобщей бедности. Если мы обнаружим в деятельности других партий действия, которые наносят вред Отечеству и нации, мы должны предупредить их об этом с конкретными доказательствами и выдвинуть альтернативные программы.

В настоящее время власти Таджикистана заявляют, что 80 % населения живет в состоянии бедности. В данном случае, каждый член общества, который включается в политику, должен бороться с взяточничеством, коррупцией и неправомерным давлением. Главную задачу

нашей партии я вижу в спасении нации от всеобщей бедности.

Наш лозунг — благоденствие Таджикистана, свобода слова, мир и безопасность. Однако реализация данных целей тесно связана с политикой, экономикой, культурой и воспитанием. Достижение этих целей является трудным делом. Но филиал ПИВТ в Хатлонской области, принимая к руководству программную речь С.А. Нури, еще более активизирует массово-политическую и культурно-просветительскую работу, чтобы укрепить позиции партии в обществе.

Князев А.А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI в.). — Душанбе: Донии, 2004. — 640 с.

Публикация книги А.А. Князева, содержащей результаты его исследований по проблематике афганского кризиса и безопасности Центральной Азии, — безусловно, заметное явление в постсоветской науке и аналитике. Последнее — не оговорка, хотя анализ — непрменная процедура любого научного исследования. Дело в том, что целый ряд проблем, поставленных в книге А.Князева, требует проверки временем, идет ли речь о прогнозах или даже совершившихся фактах, и поэтому они пока представляют собой аналитический продукт, не до конца облеченный в завершённое научное знание.

Несколько лет назад я «открывал» А. Князева коллегам из Института востоковедения РАН — они с недоверием рассматривали его статьи с серьезными названиями, распечатанные из Интернета. В «штабах науки», подобных ИВ РАНу, не привыкли сходу признавать авторитетов со стороны, но А. Князев с каждым днем множил свои усилия, венцом которых и стал объемистый том в 40 печатных листов. Это и хорошо, и плохо — современный читатель, даже квалифицированный, не отвык от столь крупных форм. При этом произведение А.Князева разительно отличается от многих публикаций по близкой или такой же тематике — автор отважно поставил целый круг вопросов, решить которые под силу только большому коллективу. Какие же обстоятельства подвигли его на столь амбициозный проект — ведь совокупность проблем, поставленных и во многом решенных им, образует само существо процессов, происходивших в Центральной Азии на протяжении двух последних веков и не завершившихся поныне? Ответ прост — изучен громадный (первичный источниковый и уже научно обработанный) материал, который сопоставлен с собственными «полевыми» наблюдениями, а в результате запечатлено собственное понимание афганского кризиса в контексте проблем безопасности Центральной Азии в форме историко-политологического исследования.

Структурно рецензируемая книга состоит из семи разделов, объединенных в две части: материал трех разделов, составивших первую часть, призван показать влияние афганского кризиса на безопасность России и СССР, в заключительных четырех разделах анализируется новая ситуация в Центральной Азии накануне и после событий 11 сентября 2001 г.

Важным представляется отметить, что в данной работе впервые предпринимается попытка не только историографического, но и науковедческого (в том числе — институционального) анализа развития афганистики и «центральноазиатки» — например, лаконично, но адекватно обозначены проблемно-тематические и организационные контуры научно-аналитического комплекса США в той его части, которая ориентирована на Центральную Азию, фактологически добротна и емко воспроизведено то, что предпринималось для изучения Афганистана в Таджикистане и т.д. По ходу заметим, что не все соображения по этому кругу вопросов бесспорны — так, А. Князев пишет, что «периодом расцвета американской афганистики можно считать время, когда США проявляли наиболее активный интерес к Афганистану: после второй мировой войны и вплоть до начала 1990-х гг.» (с. 17). По моим данным, американская афганистика зародилась как прикладное экспертное направление в годы второй мировой войны в недрах американского военного комплекса, но действительный, уже более широкий, интерес к этой стране возникает лишь в конце 1960-х — начале 1970-х гг. — именно тогда были подготовлены в качестве квалификационных работ, а потом изданы в качестве книг научные труды В. Григоряна, Л. Пуллады, Р. Кэнфилда, Р. Магнуса и др.

Историографический/научоведческий блок рецензируемой книги выказывает знакомство с множеством публикаций на западных и восточных языках, но его конфигурация, так или иначе, отражает сюжетно-тематические пристрастия, авторские «тропинки» А. Князева к некоторым специфическим проблемам центральноазиатского и афганского конфликтного поля. В ряду таковых — проблема распространения наркотиков и проблема беженцев. Хотя, судя по соответствующему фрагменту исследования, в распоряжении А. Князева оказались не все работы по данному профилю — например, рецензент впервые обращался к проблеме беженцев как фактору афганского конфликта еще в 1984 г., а в 1995 г. опубликовал обобщающую статью «Афганская диаспора: облик и судьба» («Азия и Африка сегодня», 1995, № 10). Тем не менее, в целом можно уверенно заключить, что автор справился с невероятно сложной задачей эксплицитного описания своей научной программы — ее задач, подходов, научно-теоретической и историографической базы.

Первый раздел работы А. Князева посвящен роли афганского фактора для Российской империи и СССР — здесь кратко анализируются основные линии «Большой игры» в ее «классическом» (XIX — 1917 г.) и более позднем (1917 — 1990-е гг.) вариантах. Специальное внимание в этом разделе уделяется особенностям развития в Афганистане этнокон-

фессиональной ситуации и формирования этнополитических группировок. Компильятивность основного фактического и иногда даже содержательного фона исторического раздела не умаляет достоинств книги — в столь масштабных проектах подобный прием неизбежен, а в данном конкретном случае — и просто необходим.

Основную текстовую массу и научную субстанцию рецензируемой книги составляет второй раздел, содержащий многоплановую характеристику национально-государственного и геополитического модуля Афганистан-Центральная Азия. В фокусе исследования оказывается пакистанский фактор и тесно связанное с ним движение «Талибан» в Афганистане, миграционные аспекты афганского конфликта и другие особенности его интернационализации, прежде всего влияние на Центральную Азию. При этом «афганские» угрозы безопасности странам этого региона анализируются на конкретных примерах локального (Баткенские события и др.) уровня.

Следует признать обоснованным хронологический рубеж первой и второй частей книги — отсчет и новую динамику ситуации в Афганистане и Центральной Азии начала XXI в. автор связывает с событиями 11 сентября 2001 г. Один из наиболее интересных разделов второй части — описание военной операции США в Афганистане и расширения их присутствия в странах центральноазиатского региона, причем скрупулезный нарратив автора не упускает из поля зрения и собственно афганские процессы — проведение Лойя Джирги (национальной ассамблеи) и создание переходного правительства. Особую ценность для читателя представляет анализ долговременной стратегии США в Центральной Азии и развитие альтернативных ей процессов по обеспечению безопасности в этом регионе (в рамках СНГ и др.). Столь же интересны соображения автора по поводу роли в этом процессе Шанхайской организации сотрудничества и в особенности одного из ее ключевых членов — КНР.

В заключительном, седьмом, разделе работы представлена динамика военно-политической ситуации в Афганистане до момента завершения книги (лето 2004 г.), то есть «текущая история» афганского конфликта, причем автор обращает внимание на дальнейшую эскалацию нестабильности в этой стране, вплоть до формирования движения сопротивления проамериканскому режиму Х. Карзая и силам коалиции во главе с США. Завершают книгу главы о международных факторах безопасности Центральной Азии и внутрирегиональных процессах.

А. Князев не мог не завершить свой фундаментальный труд столь

же содержательным резюме: афганский кризис порожден перманентным внешним вмешательством, по сути — непрекращающейся «Большой игрой» в Центральной Азии. Он без обиняков называет прошлых и нынешних ее участников — Великобританию, Россию/СССР, США и других. Но всем содержанием своей работы и заключительными соображениями он опровергает и некоторые устоявшиеся в последние десятилетия мифы — например, миф об истоках афганского конфликта, связываемый исключительно с «Саурской революцией» конца 1970-х гг. и последующим советским военным присутствием в Афганистане. Автор не считает правомерным и преувеличение влияния афганских событий на процессы 1990-х — начала 2000-х гг. в постсоветской Центральной Азии. Нынешняя конфигурация сил в центральноазиатском регионе, и, прежде всего, расширение американского присутствия, создают новые угрозы безопасности, а значит, свидетельствуют о новом витке «Большой игры» уже образца XXI в. (с. 589).

Безусловным достоинством книги является наличие в ней обстоятельного научного аппарата — обильных ссылок и примечаний, документально и историографически свидетельствующих о направлении и глубине научного поиска автора, наиболее полной, в сравнении с существующими, библиографии работ, охватывающей достижения основных школ/«ветвей» мирового общественнонаучного знания по междисциплинарному полю «Афганистан-Центральная Азия». К сожалению, библиография содержит ряд неточностей, а при всем богатстве библиографической (источниково-историографической) базы книги, автору не удалось познакомиться с некоторыми значимыми произведениями авторитетных отечественных и зарубежных востоковедов — например, Ю.А. Булатова (МГИМО) и некоторых других, в том числе отдельных афганских исследователей.

В столь объемистом труде можно обнаружить немало и других недостатков или спорных формально-содержательных решений, безусловно одно — в распоряжение специалистов по Афганистану и Центральной Азии поступил высококачественный интеллектуальный продукт, взращенный на междисциплинарном поле постсоветского общественнонаучного усилиями, потребовавшими как традиционных (кабинетных), так и самых современных методов и технологий работы. А. Князев — ученый, преподаватель, эксперт-аналитик, журналист — убедительно продемонстрировал самые высокие стандарты центральноазиатского, а точнее — евразийского, в нынешнем понимании этого слова, научного сообщества, и его новейшая по времени книга, возможно, при незначительной доработке и в более практичном издательском варианте станет насто-

ящим настольным пособием для многих как начинающих, так и опытных исследователей Центральной Азии и Афганистана.

В.С. Бойко

Масов Р.М. Таджики: вытеснение и ассимиляция. – Душанбе: Ирфон, 2003. — 175 с.

Завершающая трилогию под общим названием «История национальной катастрофы»¹, новая книга академика Р.М. Масова написана на основе рассекреченных в последние годы и совсем недавно ставших достоянием исследователей документов Архива внешней политики Российской Федерации, а также ряда документов бывшего Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Главный предмет исследования — история таджикского народа в первой четверти XX в., когда наряду с воссозданием национальной таджикской государственности в рамках советского государства происходил и процесс вытеснения таджиков из культурных областей Средней Азии в Восточную Бухару, отсталую периферийную окраину бывшего Бухарского эмирата, идентичную, по сути, большей части территории современной Республики Таджикистан.

Национально-территориальное размежевание в Средней Азии — одна из проблем, не нашедших еще должного отражения в исторической литературе и во многом еще ожидающих своих исследователей. Еще в позднее советское время Р.М. Масов писал: «Совершенно не исследована проведенная партийными и советскими органами подготовительная работа по определению территориальных границ, численного состава, компактного расположения народов, подлежащих объединению в самостоятельные советские социалистические союзные и автономные республики и области. Кроме того, имеются и другие немаловажные вопросы, требующие тщательного и всестороннего исследования. Так, например, не выяснено, какой критерий являлся определяющим для включения того или иного населенного пункта в состав вновь образованных республик, как проходил процесс выяснения других факторов, при этом учитывались ли объективно экономические, исторические, национальные и другие особенности и были ли приняты во внимание интересы каждой национальности».² Новая публикация известного ученого, директора Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша АН Республики Таджикистан Р.М. Масова в значительной степени восполняет эти пробелы в отечественной исторической науке.

¹ Масов Р.М. История топорного разделения. — Душанбе: Ирфон, 1991; его же: Таджики: история с грифом «совершенно секретно». — Душанбе, 1995.

² Масов Р. М. История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане. — Душанбе, 1988. — С. 185.

Возможность опубликования исследований по данной тематике после снятия запретов советского времени породила ряд работ, однако большинство из них, будучи написаны в период «взлета» национального самосознания титульных этносов бывших союзных республик, отнюдь «не страдают» исторической объективностью даже при обилии ссылок на открывшиеся архивные фонды.

В монографии Р.М. Масова, включающей в себя восемь основных разделов, рассматриваются, в частности, процессы формирования территории и границ таджикской автономии и затем союзной республики, деятельность национально-территориальных комиссий и Среднеазиатского экономического Совета. Как и в его предыдущих работах, в новой книге академика Р.М. Масова особое место занимает проблема пантюркизма, оказавшего мощное доктринальное влияние на послереволюционные процессы в регионе. «...Пантюркистские устремления узбекской и турецкой интеллигенции поддерживались в значительной степени и таджикской продажной интеллигенцией, которая в процессе проводимой ассимиляции [на отошедших к Узбекистану территориях с таджикским населением. — А.К.] играла немаловажную, если не главную роль... Более того, таджикская интеллигенция в лице советских и партийных работников высшего состава, ученых, писателей, поэтов, представителей духовенства и значительной части педагогов школ и вузов взяла на себя право и ответственность прямо заявлять, что таджики проживают только в Таджикистане, а для тех, кто находится на территории Узбекистана, не нужны административные органы, учебные заведения на таджикском языке, так как таджиков в Бухарском, Самаркандском, Ходженском и других округах Узбекистана попросту нет» (с. 67).

Даже рассматривая столь болезненный для таджикского народа вопрос, как потеря в ходе размежевания исторических таджикских территорий — в первую очередь, Бухары и Самарканда, — Р.М. Масов, в корне не соглашаясь с этой исторической несправедливостью, не скатывается, тем не менее, на абстрактно обвинительные позиции, которые исходили бы из собственно национальных, этнических критериев. Более того, подвергая критике «ученых мужей», пытающихся ввести в научный оборот понятие «Исторический Таджикистан», он пишет: «Реальных, фактических, аргументированных оснований к изменению давно определенного выдающимися историками положения о том, что вплоть до раннего средневековья большую часть территории Средней Азии занимали ираноязычные антропологически европеоидные народы, нет. Но это далеко не означает, что «ираноязычные народы» полностью идентичны современным таджикам... Правильнее было бы говорить о «среднеазиатской иранской общности», частью которой и являлись предки современных

таджиков» (с. 170). Тем не менее, автор констатирует: «Таджикская Автономная Республика была образована буквально на голом месте, где история застгла ее почти на патриархальном уровне, а кое-где — в раннем средневековье. Это была почти неосвоенная, не тронутая никем территория с отсталым в своей абсолютной массе населением, вытесненным в мало-мальски пригодные для выживания горные местности» (с. 54). И «перебрасывает мостик» к современности: «...Проблема разобщенности и устойчивого пребывания основной массы населения на территории республики, как до Советской власти, так и с ее установлением, не была полностью решена, несмотря на произошедшие значительные изменения по сравнению с дореволюционным периодом. ...Оторванность и обособленность отдельных районов и областей республики друг от друга, отсутствие экономического единства, неразумный подход к размещению промышленного производства и производительных сил, полное пренебрежение к проблеме единения таджикского народа со стороны бывших таджикских и союзных руководителей мешали сплочению таджикской нации с первых и до последних дней Союза ССР. Дореволюционное разделение таджиков по отдельным регионам и городам, отсутствие общенационального самосознания, лакейская психология немалой части населения, оставшаяся от прошлого, и многие другие негативные факторы не только не исчезли, а, наоборот, усилились. В итоге после распада СССР это привело к гражданской войне и тяжелейшему кризису в экономической, хозяйственной и культурной жизни республики» (с. 9-10).

В контексте исследований новой и новейшей истории Афганистана и его взаимоотношений со странами Средней Азии особенно любопытен VI-й раздел новой книги — «Стремление таджиков Афганистана к добровольному присоединению к Советскому Бадахшану». Вопреки многим бытующим стереотипам, в то время практически постоянно напряженности в зоне советско-афганской границы, в Бадахшане, среди таджикского населения левобережья Пянджа возникло движение за присоединение к советской России. Из документов Архива внешней политики России, исследованных Р.М. Масовым, следует, что обращения на имя органов Советской власти «приняли массовый характер и выражали общее настроение всех таджиков Афганского Бадахшана» (с. 100).¹ Мотивы этих устремлений сводились к следующему: «а). Договором России и Англии в 1895 году земли таджиков были разделены между Афганистаном и Бухарой с границей по реке Пяндж; б). Таджики по правому берегу реки

¹ Вероятно, и представителей памирских народностей. После Октябрьской революции Ага-хан встал в ряды противников Советской власти, но, тем не менее, некоторые исследователи полагают, что памирцы с энтузиазмом восприняли прибытие в регион первых большевиков. — См.: Шахов А. Почему таджики убивают таджиков? Регионально-этническая подоплека конфликта// Россия и мусульманский мир. — М., 1994. — № 10. — С. 52.

Пяндж пользуются всеми благами Советской власти, управляются своими Советами, освобождены от налогов и государственная власть оказывает поддержку бедноте; в). Таджики Афганского Рушиана, Шугнана, Иикашима и Вахана находятся под сильнейшим гнетом налогов, всевозможных поборов, взяточничества и насилия, принявшего особенно резкие формы в последнее время, администрация обращается с ними чрезвычайно жестоко, население разорено и дошло до крайности, недовольство достигло высшего напряжения; г). Сравнивая свое положение с жизнью своих братьев на Советском Памире, афганские таджики находят исход в том — либо восстать и с помощью Советского Памира освободиться от афганского ига, либо бросить свои дома и земли и в массовом порядке переселиться на правый берег реки Пяндж» (с. 100-101).

О серьезности этих событий свидетельствует тот факт, что 5 апреля 1924 г. было проведено специальное заседание Среднеазиатского бюро ЦК РКП, на котором рассматривался вопрос о положении на Памире в связи со стремлением таджиков перейти из Афганистана на советскую территорию. Главной причиной, остановившей советские органы от того, чтобы пойти навстречу многочисленным обращениям афганских таджиков, и даже от оказания им прямой военной помощи, было нежелание ухудшить отношения с правительством Афганистана, чем непременно воспользовалась бы и британская сторона (с. 102-104). Не исключено, что имелась у данного решения советского руководства и этнополитическая подоплека, а также относительно устойчивое взаимодействие советских властей с пуштунской элитой Афганистана. Мотивация же афганского таджикского населения имела, в первую очередь, этническую составляющую и во многом была связана с репрессивной политикой кабульского правительства по отношению к этническим меньшинствам севера страны, тем более — относительно недавно взятого под контроль Кабулом Бадахшана.

Работа академика Р.М. Масова интересна как своим научным, так и политическим содержанием, она имеет большое прикладное значение, учитывая современное состояние межэтнических и межгосударственных отношений и наличие широкого ряда проблем в этих сферах, включая и этнотерриториальные. Автор излагает конкретные факты, извлеченные из обширного материала российских архивов. А читатели — в первую очередь, конечно, исследователи данной проблематики — вольны делать собственные выводы.

А.А. Князев

Сведения об авторах

Пластун Владимир Никитович — доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Новосибирского государственного университета

Колесников Александр Антонович — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Князев Александр Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент Киргизско-Российского Славянского университета

Бойко Владимир Сергеевич — кандидат исторических наук, руководитель Центра региональных исследований «Россия и Восток» Барнаульского государственного педагогического университета

Абдуллаев Камолутдин — кандидат исторических наук, руководитель НПО «Central Asia Research and Development Center»

Сумароков Леонид Иванович — руководитель пресс-службы Оперативной пограничной группы ФСБ России в Киргизской Республике

Омаров Нур Мэлсович — кандидат политических наук, доцент Киргизско-Российского Славянского университета

Бикбаев Вадим Манцурович — доцент кафедры иностранных языков Новосибирского военного училища

Салимзода Мухамади — соискатель кафедры международных отношений Киргизско-Российского Славянского университета

Искандаров Косимшо — кандидат исторических наук, заведующий отделом исследования региональных конфликтов Института востоковедения и письменного наследия Академии наук Республики Таджикистан

Назаров Носир Джабирович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой, Академия МВД Республики Таджикистан

Содержание

Предисловие к первому выпуску	3
Пластун В.Н. Новые тенденции в развитии ситуации в центральноазиатском регионе к концу 2004 г.	6
Колесников А.А. Заветы генерала А.Е. Снесарева.....	21
Искандаров К., Назаров Н. Наркоситуация в Афганистане и ее влияние на безопасность Республики Таджикистан.....	25
Князев А.А. Экономическая ситуация в северо-восточных провинциях Афганистана и проблемы обеспечения региональной безопасности	33
Бойко В.С. Афганистан на начальном этапе независимого развития (1920-е гг.): центральноазиатский контекст внутренней и внешней политики	57
Абдуллаев К. «Варлорды» и реконструкция Афганистана	88
Сумароков Л.И. Из истории деятельности российских пограничников по пресечению незаконного распространения наркотических веществ в Центральной Азии	102
Омаров Н.М. Исламский радикализм как глобальный вызов безопасности современной Центральной Азии	113
Бикбаев В.М. Интернационализация революционно-стихийного ислама	123
<i>Документы</i>	130
Омар Самад. Интервью Исмаил Хана 29 апреля 2000 г. Перевод А.А. Князева	130
Шерджан Самад. Интервью с командующим Ахмад Шахом Масудом. Перевод А.А. Князева	138
Восемьдесят лет рабства. Радиообращение афганских талибов. 22 августа 2000 г. Перевод и публикация А.А. Князева	144
Ходжи Каландари Садриддин. «Я счастлив, что Партия исламского возрождения Таджикистана создавалась в моем доме». Перевод и публикация М. Салимзода	146
Рецензии	153
Бойко В.С. Князев А.А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI вв.). — Душанбе: Дониш, 2004.	153

Князев А.А. Масов Р.М. Таджики: вытеснение и ассимиляция. – Душанбе: Ирфон, 2003.	158
Сведения об авторах	162

Афганистан и безопасность Центральной Азии.

Выпуск 1

Корректор Е.Н. Бородина

Компьютерная верстка М.Ю. Шаталовой

Дизайн обложки А.Д. Адыловой

Подписано к печати 22.11.2004

Формат 60x84 1/16

Печать офсетная. Объем 8,6 п. л.

Тираж 500 экз.

Заказ № 933

Издательство «Илим» Национальной академии наук Киргизской Республики

г. Бишкек, пр. Чуй, 265-А

Отпечатано в типографии Издательского дома «Printhouse»

г. Бишкек, ул. Шевченко, 1

